

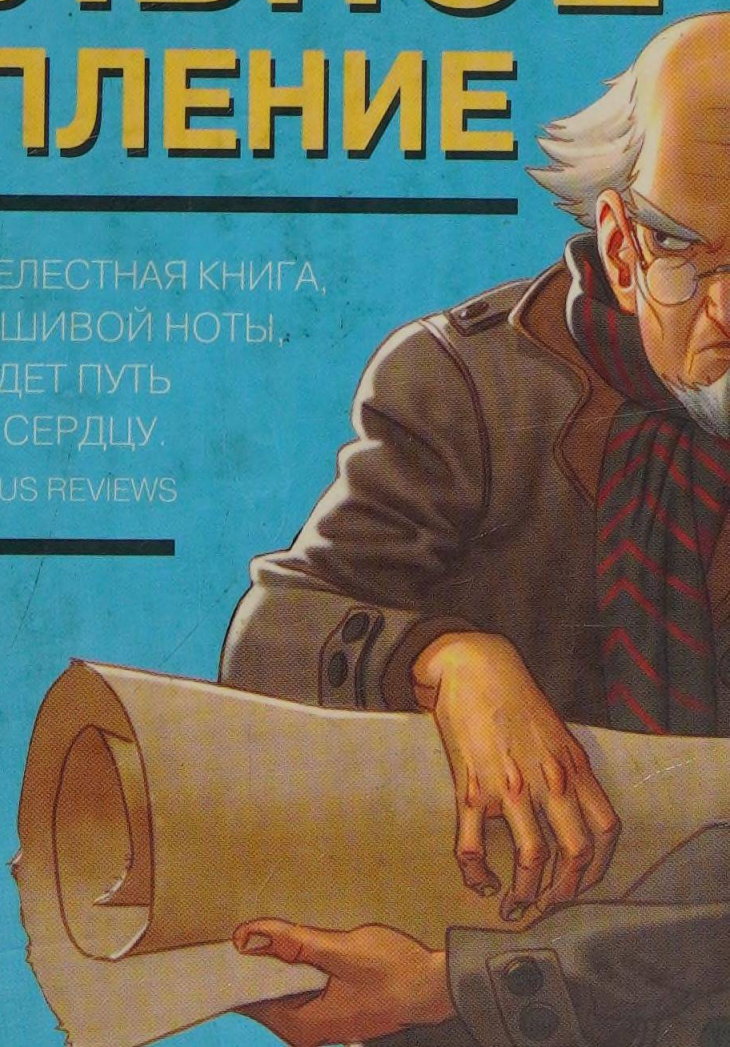
ИДЕАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

ОСТРОУМНАЯ И ПРЕЛЕСТНАЯ КНИГА,
БЕЗ ЕДИНОЙ ФАЛЬШИВОЙ НОТЫ,
С ЛЕГКОСТЬЮ НАЙДЕТ ПУТЬ
К ЧИТАТЕЛЬСКОМУ СЕРДЦУ.

CIRCUS REVIEWS

Фрэнк
Коттрелл
БОЙС

Личная библиотека

.....
Имя

.....
Фамилия

LIVEJOURNAL™

Фрэнк Коттрелл
БОЙС

ИДЕАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Азбука-классика»
2009

УДК 82-93
ББК 84(4Вл)
Б77

ISBN 978-5-395-00245-7

© А. Бродоцкая, перевод, 2008
© Издательский Дом
«Азбука-классика», 2009

*Посвящается Дэнни, моему любимому
произведению искусства*

After your good reception
of the enclosed letter, I am
very glad to hear that you
are well and happy.

Вы, наверное, никогда не слышали о Винченцо Перуджиа. А вот мы знаем о нем все. Он был знаменитый похититель картин, и мы с ним в свое время работали в одной области. У моей сестры Минни над кроватью даже висела его фотография. Минни считает, что когда Винченцо украл из Лувра — это такой музей в Париже — «Мону Лизу», это было самое совершенное преступление за всю историю человечества. «Мона Лиза» — самая знаменитая картина на свете, но Винченцо так отлично все устроил, что целых два дня никто даже не замечал пропажи. А потом заметили, и все посходили с ума. Побежали в Лувр поглядеть на пустое место, где была картина. Стояли в очереди, чтобы поглядеть на пустое место! И даже Винченцо Перуджиа тоже стоял в очереди. А достояв, все смотрели на это пустое место и думали о том, что там раньше было. Я их понимаю. Вот пропадет что-то, а потом никак не перестать смотреть на то место, где оно было.

И все это время Винченцо держал картину у себя в комнате: «Мона Лиза» была в чемодане рядом с его кроватью. Иногда Винченцо доставал картину и играл ей песенки на мандолине. Он не пытался ее продать. Не крал больше никаких картин. Не хотел стать богатым и знаменитым. Он просто хотел держать «Мону

Лизу» у себя. И это было правильно. Вот почему это совершенное преступление. Потому что Винченцо больше ничего не было нужно.

Здесь-то мы и ошиблись. Ведь кое-что нам все-таки было нужно.

«Сноудонский Авто-Чудо-Оазис»,
Манод*

* Сноудония — живописный район на севере Уэльса, вокруг горы Сноудон. Уэльс — область на юге Великобритании, а жители Уэльса называются валлийцами.

— 11 — ФЕВРАЛЯ

АВТОМОБИЛИ:

СИНИЙ «ФОРД-ФИЕСТА» — мисс Станнард («Твикс»)

«СКАНИЯ-118» (низкорамный полуприцеп) — из «Авто-ремонта Рексэма»

ПОГОДА: дождь

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Масло и антифриз — это разные вещи

Мой папа — у кого угодно спросите, все так скажут, — так вот, мой папа может починить что угодно. «Тойоту». «Фольксваген». «Форд». Даже пижонский «дайхацу-копен» (предельная скорость 106 миль в час) мамы Миляги Тома, размером с карамельку, так что чинить его нужно пинцетом.

И не только машины.

Как когда мы были в Престатине, и Минни хотела купаться, а я не желал забираться в море, потому что вода была холодная. Минни все твердила: «Давай залезай. В воде тепло!» А я отвечал: «Нет!»

Папа встал, пошел в фургон и принес кипящий чайник. Он вылил кипяток в море и сказал:

— Попробуй воду, Дилан. Нормально или еще подлить?

— Нормально, спасибо, пап, — сказал я.

— Точно?

— Точно.

— И не горячо?

— Нет, как раз.

— Крикни, если что. Остынет — я еще воды вскипачу.

Тогда Минни стала брызгаться в меня, а я — в нее, и мы сидели в воде, пока солнце не зашло.

Папа взял и починил море. Есть чему удивиться.

Моя старшая сестра, Мари, не полезла в море, даже когда папа его починил. Она сказала:

— Вы себе не представляете, что морская вода делает с волосами.

А потом, когда мы играли в фургоне в «Монополию», Мари спросила:

— Вы что, серьезно думаете, будто одним чайником можно нагреть все Ирландское море?

Я сказал:

— Конечно, все море нельзя. Только там, где мы купались.

— Ну да, так можно, — сказала Минни. — С точки зрения физики...

— Минни, — сказала мама, — Юстон-Роуд, три дома. Давай двести семьдесят фунтов.

Кстати, мама вообще здорово умеет менять тему разговора.

Конечно, теперь-то я знаю, что чайником море не согреешь, но дело же не в этом. Дело в том, что я

полез в воду. Папа оценил ситуацию и подумал: физику не исправишь, а вот Дилана — можно. И исправил.

Папа очень хочет, чтобы все мы тоже умели всечинить. Потому-то так и получилось, что я помогал ему менять масло в синей «фиесте» мисс Станнард (предельная скорость 110 миль в час). А вот как получилось, что я перепутал масло с антифризом, я не знаю.

Папа сказал, что лучше мне больше в мастерской не показываться. Да и возле автомобилей тоже. Вообще он отнесся ко всему спокойно. Сказал, со всеми бывает. То есть со всеми, кто не понимает, чем масло отличается от антифриза.

Зато теперь мы с мамой будем заведовать бензиновым журналом. Это толстая книга рядом с кассой, где мы регистрируем весь проданный бензин, чтобы отслеживать спрос и предложения. Книга красная, с золотыми узорами на переплете. Как Библия. Мама купила ее за пятьдесят пенсов на ярмарке, где торгуют всяким старьем прямо из багажников («Ударная Барахолка» на поле футбольного клуба «Динамо» в Блейно). В ней больше тысячи страниц. У нас уходит примерно страница в неделю, так что книги нам хватит на двадцать лет. Экономия!

Конечно, мама ни в чем не виновата, только она, наверное, так закрутилась с малышом, что совсем запустила журнал. Писала что-то вроде: «10.20 утра — четыре галлона неэтилированного». А я пишу все подробно: марку, год выпуска, фамилию водителя — в общем все. Обычно я сижу во дворе с тех пор, как

прихожу из школы, и до самого чая. Иногда посидеть со мной приходит Миляга Том, и если он говорит что-то вроде: «У мистера Моргана сзади справа покрышка облысела», я это тоже записываю. Когда папа это увидел, он сказал: «Дилан, ты превратил пятидесятипенсовый бензиновый журнал в базу данных. Есть чему восхититься!»

От базы данных много пользы. Например, если папа читает: «Мистер Морган — облысела правая задняя покрышка», то добывает новую покрышку и предлагает мистеру Моргану. А значит, мы делаем работу, которая иначе досталась бы «Шинному полю» из Гарлеха. Мистер Морган экономит время, а мы получаем деньги. Это называется «маркетинг», и им занимаюсь я.

«Вот как делает дела семейство Хьюз, — говорит папа. — У каждого своя задача, и каждый с ней справляется. Семейство Хьюз — непобедимая команда. Мы — сноудонская Бразилия!»

А вот список команды: папа — капитан, мама — менеджер и завхоз (специалист по распродажам), я — исследователь рынка, Мари — она настоящая красавица, значит, можно сказать, специалист по презентациям, а Минни — Минни наш мозг. Честное слово. Да, еще же есть малыш. Его зовут Макс, и пока что он ничего особенного не умеет, но лет через семь научится играть в футбол.

Поскольку я веду бензиновый журнал так подробно, то теперь стоит мне заглянуть в него, и я вспоминаю все, что было в тот день. Например, прочитав эту запись, за 11 февраля, я сразу вспоминаю, как мисс Станнارد купила себе «Твикс», потому что она моя

учительница, и я подумал: «Ну и ну, мисс Станнард ест „Твикс“». И я вспоминаю, что синяя «фиеста» — это ее машина, потому что именно с «фиестой» и вышла путаница. А «скания-118» с низкорамным полуприцепом — это тот здоровенный восьмиколесный грузовик с подъемным механизмом, откидным бортом и двигателем с промежуточным охлаждением. Он приехал за машиной мисс Станнард.

Как я уже говорил, папа может починить почти все.

«Фиеста» мисс Станнард — это исключение, которое подтверждает правило.

— 15 — ФЕВРАЛЯ

АВТОМОБИЛИ:

ГОЛУБОЙ ВЕЛОСИПЕД «БАРРАКУДА» — неизвестный в вязаной шапке (остановился возле заправки)

ЗЕЛЕНый «ДАЙХАЦУ-КОПЕН» — миссис Эджер-тон (припарковалась возле мойки, заправляться не стала: двигатель у нее крохотулетный, 659 кубиков, аппетитом не отличается)

ПОГОДА: дождь

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Вязаные шапки провоцируют на преступления

Вот запись из бензинового журнала за тот день, когда произошло ограбление. Это ограбление было первым правонарушением, которое нам пришлось видеть своими глазами и вблизи. Так что, воз-

можно, именно оно и вдохновило нас на все дальнейшие дела.

Человек вошел в гараж, натянув шапку на лицо и, размахивая здоровенной кувалдой, заорал папе, чтобы тот отдал ему все деньги из кассы. Папа сразу понял, кто это, — это был Дубина Том. Папа это понял, потому что мама Тома связала мне на день рождения почти такую же шапку. К тому же Том сам прорезал в ней дырки для глаз, и там, где нос, вязка распустилась, так что узнать его было легче легкого. Но папа все равно сделал вид, будто вынимает деньги из сейфа.

— Понимаете, это замок замедленного действия, — сказал папа, — так что откроется он минуты через две. Вы только не волнуйтесь, а хотите — возьмите себе что-нибудь со стойки с шоколадками.

— Поживее, мистер Хьюз! — Еще одна улика: грабитель назвал папу «мистер Хьюз».

Кстати, самой главной уликой был большой голубой велосипед, единственный большой голубой велосипед в городе, который, как все прекрасно помнят, Том выиграл в лотерею «Рождественские огни».

Еще на нем был велосипедный шлем с Черепашками-ниндзя, а все прекрасно знают, что Дубина Том просто балдеет от Черепашек-ниндзя, что для взрослого довольно необычно. Когда они только появились, Том сразу от них забалдел — как все. Только все потом выросли, а он продолжал их любить. Он постоянно покупал футболки с Черепашками, видеокассеты, плакаты, фирменное черепашье логово (с дополнительными канализационными трубами), прыгучие вертолетики-ниндзя, подлодки-ниндзя (с торпедами), кувалды-ниндзя... У него был коллекцион-

ный набор сверхгибких пластмассовых Черепашек — Донателло, Рафаэль, Леонардо и Микеланджело, по шестьдесят семь подвижных суставов у каждого, — и даже пристежной черепаший панцирь взрослого размера.

Так вот, об ограблении. Конечно, никакого сейфа у нас на самом деле нет. Когда папа сказал, что открывает сейф, он на самом деле помахал рукой маме Дубины Тома, а она как раз подъехала на своем крошке «копене». Дубине Тому машину было не слышно и не видно, ведь двигатель у нее такой маленький, что его и не услышишь, если ты не летучая мышь или, там, землеройка. Так что, когда миссис Эджертон вошла в гараж, от потрясения Том чуть не задохнулся. А когда она ударила его под коленки своим никому не нужным противоугонным замком, он завопил: «Панцири паленые!» (еще одна улика), а потом взял и упал, честное слово.

Мама Дубины Тома хотела сдать его в полицию, но папа был категорически против.

— Уровень преступности в городе Маноде — самый низкий во всей Великобритании, — сказал он. — Неужели мы испортим такую роскошную статистику из-за того, что кто-то один раз оступился?

И взял Тома на работу.

— Приходи, поработаешь в гараже пару месяцев, и будем в расчете. Но имей в виду, платить тебе я не смогу.

Мама Тома расстроилась.

— Никогда не знаешь, к чему могут привести наши поступки, — сказала она. — Вот я, например, как и подобает хорошей матери, всего-навсего хотела, чтобы у моего сына не зябли уши, а к чему это при-

вело? Может быть, он и не ступил бы на путь криминала, если бы я не связала ему такую шапку.

Дубина Том оказался нам очень кстати: только он умел обращаться с ксероксом, а больше никто, потому что, когда мама купила этот ксерокс (в сноудонском комиссионном благотворительном горноспасательном магазине, за двадцать фунтов), у него не оказалось инструкции. Дубина Том сел возле ксерокса и нажимал кнопки, пока ксерокс не заработал. К концу недели «Сноудонский Авто-Чудо-Оазис» превратился в «Сноудонский Авто-Чудо-Оазис и Копировальный центр». А Дубина Том превратился в Милягу Тома (для всех, кроме его мамы).

Так что и Дубину Тома папа тоже починил. Он положил конец его Преступной Карьере.

Если подумать, интересно получилось. Потому что как раз тогда было положено начало нашей.

— 12 — МАРТА

АВТОМОБИЛИ:

ВНЕДОРОЖНИК «РОВЕР» 3500 V8 — сестры
Селлвуд

ПОГОДА: дождь

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Городские Среды

То, что в Сноудонской долине жизнь тихая и мирная, — сущая правда. Для этого есть три причины.

Причина 1. Где находится Манод, никто не знает. В Маноде столько интересного — есть и на что посмотреть, и чем заняться, — что перед ним нужно ставить здоровенную табличку, как на въезде в Лондон или в Блэкпул. К сожалению, таблички у нас вообще нет — ни на въезде, ни на автостраде A496, рядом с которой мы так удобно расположены. Когда-то табличка была — на обочине, сразу за вывеской «Копай-не-хочу» (это такой парк аттракционов в Гарлехе, где можно покататься на экскаваторах), — но ее сшиб грузовик с живыми курами, а починить было некому. Городской совет решил, что «финансирование новой таблички не является бюджетным приоритетом». Папа примерно раз в неделю сердится по этому поводу. Он говорит, что отсутствие таблички препятствует развитию его дела, так как водители проезжающих машин о нем не знают.

Причина 2. Честно говоря, проезжающие машины не помогли бы расширению нашего дела, потому что проехать *мимо* нас невозможно. Дорога на Блейно (B5565) упирается прямо в нашу мойку. Мастерская «Авто-Чудо-Оазис» — это буквально конец пути. Правда, можно открыть ворота, и за ними будет горная дорога. Но это даже не дорога, а проселок, по которому раньше возили сланец из каменоломни на вершине. Ворота мы поставили для того, чтобы овцы мистера Моргана не спустились случайно с горы и не забрели на Хай-Стрит. В мои обязанности входит следить, чтобы ворота были закрыты, а если они открыты, отгонять от них овец. Если овцы не желают отгоняться, я открываю пакет воздушной пастилы. Если нести перед овцами распечатанный пакет воздушной

пастилы, они пойдут куда угодно. Попробуйте сами. Мистер Морган — наш клиент, и противоовечья оборона входит в перечень услуг.

Причина 3. Сестры Селлвуд. Сестры Селлвуд живут на ферме на полпути к вершине горы Манод. Мисс Эльза водит машину, но она слепая. Мисс Эдна не слепая, но машину не водит. И вот что они делают: каждую среду мисс Эльза сидит за рулем, а мисс Эдна управляет. На горе еще ничего, потому что там никто не живет, кроме них и овец мистера Моргана. Но когда сестры Селлвуд выезжают на Хай-Стрит, это уже Угроза Общественному Спокойствию.

Иногда непонятно, почему машины так называются. «Фиат-капучино», например, совсем не чашка кофе. «Жук» — никакое не насекомое. А «ровер» — не разбойник, хотя это слово именно «разбойник» и значит. Но двигатель у него — V8, ужасно мощный, его еще ставят на спортивные самолеты. Таким насмерть задавить можно. Поэтому по средам никто в Манод на дороги не суется, пока не проедут сестры Селлвуд. А через мастерскую они проезжают обязательно — иначе им не попасть в город, чтобы походить по магазинам, а потом зайти в «Завивку-покраску», парикмахерскую на Манод-Роуд и покрасить волосы в дикий голубой цвет. На торпедо в машине сестер Селлвуд суперклеем приклеен огромный букет искусственных нарциссов. Цветы лежат там с Давидова дня* и уже слегка запылились.

* Святой Давид — небесный покровитель Уэльса, а Давидов день, который отмечается 1 марта, — национальный валлийский праздник. В этот день все украшаются желтыми нарциссами: этот цветок — символ Уэльса.

Поскольку сестры Селлвуд проезжают примерно четыре мили в неделю, заправляются они раз в год. Но когда они показываются у нас во дворе, мама сразу звонит миссис Порти, а та оповещает всех, что сестры уже едут восвояси. По удачным средам они едут домой рано, и жизнь возвращается в нормальное русло. По неудачным средам они едут домой поздно, а значит, за весь день в мастерскую никто не зайдет.

Но даже по неудачным средам нам есть о чем поговорить. Например, после ограбления Минни стала очень интересоваться криминальным прошлым Тома. Она постоянно спрашивает:

— Том, когда ты впервые решил встать на путь криминала?

— Да ничего я не решал. Не хотел я быть преступником. Хотел быть официантом, но работать официантом в Маноде можно только в кафе «У мистера Мегачипса», а туда почему-то приняли эту рыжую девчонку, которая и чипсов-то не любит, а иначе почему она такая тощая?

Так что на самом деле Том не преступник. Его ущемили в правах — вот и все.

— Понятно, — сказала Минни. — А что тебя так привлекает в ограблении автомастерских? Почему, например, тебе не пришло в голову ограбить банк? Или ювелирный магазин?

— Но для этого нужна машина, чтобы на ней смыться, а у меня только велик.

— А ты понимаешь, почему у тебя ничего не вышло?

— У меня ничего не вышло, потому что не стоило вообще пытаться никого грабить, — ответил Том. — Затея была дурацкая. Это я зря.

— Просто ты не продумал все как следует, — сказала Минни. — Например, велосипед: все же знают, что это твой велосипед. Все знают, что это твоя шапка. И тебя самого все знают. В следующий раз задумаешь ограбление — поезжай в Гарлех или в Блейно. Туда, где тебя никто не знает.

— Следующего раза не будет, поскольку я совершенно исправился, а все благодаря твоему папе. Мне тут очень хорошо и больше ничего не нужно.

— Если все как следует продумать, смоешься с добычей, и тебя не поймают.

— Не хочу я никуда смываться. И не хочу никого грабить. Говорю я тебе, мне тут хорошо.

— Брось, у каждого есть заветная мечта.

Глаза у Тома затуманились.

— Знаешь, у меня есть такие супергибкие Черепашки? Так вот, выпустили еще такого Сплинтера. Только в магазинах их не продают. Нужно заказывать из Японии.

— Так укради, — предложила Минни.

— Ну уж нет, спасибо, — ответил Том. — Попробую через Интернет.

— Ну если ты сразу опускаешь руки, то сам виноват, — сказала Минни.

— 29 —

МАРТА

АВТОМОБИЛИ:

КРАСНЫЙ «ФОРД-КА» — мисс Станнард (остановилась заправиться, купила «Твикс» и зажигалку)

«ВОКСХОЛЛ АСТРА-УНИВЕРСАЛ 1.9 CDTi» — мистер Дэвис (просто разворачивался)

СИНИЙ «ЛЕКСУС» — мистер Хой (остановился заправиться)

БЕЛЫЙ «МОНТЕГО» — мистер Эванс (коробка передач шумит, гворник скрипит)

КРАСНАЯ «ТОЙОТА-ПРИУС-Тч» с автоматической коробкой — доктор Раманан с семьей (залить полный бак, проверить масло, проверить давление в шинах, залить тормозную жидкость; купил большую упаковку тинсов «Хула-хуп»)

ЗЕЛЕНЫЙ «ДАЙХАЦУ-КОПЕН» — миссис Эджертон

ПОГОДА: сыро

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Не с кем играть в мяч

Этот день я помню хорошо. Мисс Станнард приехала показать нам новый «ка» (предельная скорость 108 миль в час), который она получила от страховой компании, а я стал последним мальчиком в Маноде.

Я помню, как доктор Раманан заехал купить ту большую упаковку «Хула-хупов», потому что тогда я в последний раз видел Мохана. В нашей школе больше не было мальчиков, кроме нас с Моханом, а 29 марта он уехал.

Когда я только пошел в Манодскую среднюю школу, там было еще десять мальчиков — как раз хватало на мини-футбол: две команды по пять человек плюс один запасной. К сожалению, пятеро из них были братья Эллис, так что, когда мистер Эллис переехал в Лондон строить Новую Плотину через Темзу, с ним уехала половина мальчиков из школы, и вместо футбола пять на пять пришлось играть в футбол три на три. Если вратарь шустрый, это еще ничего. Потом мама Терри Тейлора поступила в педагогический университет, и Терри уехал с ней. Потом Уэйн и Льюис Мартини переехали в Манчестер, потому что их новый папа был

компьютерщик. Он купил им абонемент на все матчи сезона, а нам оставалось просто гонять мяч. Потом мистер Эллис сказал папе Пэдди Перри, что и для него тоже может найтись работа на Плотине, и Пэдди уехал, а нам с Моханом остались одни пенальти.

Кстати, Новая Плотина — это такая большая плавучая стена, которая сделана, чтобы Лондон больше не затопляло. Ее стали строить, когда в очередной раз сломалась Старая. Удивительно, что такому большому городу, как Лондон, приходится просить такой маленький город, как Манод, помочь построить себе плотину. Я думаю, все дело в том, какой Манод хороший.

Расплачиваясь, доктор Раманан сказал маме:

— Миссис Хьюз, я не прощаюсь, потому что по-прежнему остаюсь вашим лечащим врачом. Надеюсь, мы будем видеться очень часто.

Слышать такое от врача не слишком-то приятно.

— Зря вы так, — сказал папа.

— Мне жаль покидать друзей, но ведь здесь совершенно пусто...

Пусто? Ничего себе!

У нас есть бар (открывается в 6.30 вечера), тренажерный зал, парикмахерская «Завивка-покраска» (мужской и женский залы), аптека мистера Элси и мясная лавка мистера Дэвиса, где на дверях написано: «Наше мясо — высшего класса, а обслуга не хуже мяса!», что не совсем правда, потому что мистер Дэвис никого толком не обслуживает. Когдаходишь, он говорит: «Ну?» Говоришь ему, что тебе нужно. Он это взвешивает, а потом тычет пальцем в цифры, которые загорелись на кассе. Ах да, есть еще магазин под названием «Не плати за упаковку» (где упаковка действительно бесплатная, потому что ее нет, и считается,

что покупатели на этом экономят). Там понаставлены большие чаны со всякими сыпучими продуктами, и ты оттуда отсыпаешь себе сколько нужно стирального порошка, кукурузных хлопьев и чего угодно, а потом взвешиваешь и платишь в кассу. Мы туда не ходим, потому что мама предпочитает знать, что покупает, а там, конечно, нигде не сказано, что какой марки. И где какие ингредиенты. И срок годности.

Самый лучший магазин — это комиссионный благотворительный горноспасательный. Я там купил роликовую доску всего за три пятьдесят. Когда Джейд Порти ее увидела, то сказала, что это была ее доска, но она отдала ее для бедных. И добавила: «А раз она у тебя, значит, ты бедный». Что полная чушь, потому что магазин не для бедных. Выручка идет на нужды потерявшихся или покалеченных альпинистов. Я очень люблю смотреть на его витрину, потому что она все время меняется. Вот появится на витрине что-нибудь, ну, скажем, шляпа, а на следующий день ее уже нет. И все думаешь, кто ее купил, а потом видишь ее где-нибудь в Маноде, например у мистера Моргана на голове.

А есть еще парк «Ватерлоо». Это фантастический парк, в котором раньше было катальное озеро с лодками, искусственные пруды и павильон на случай дождя. Павильон — это такой деревянный домик с двумя столами для пинг-понга и, конечно, одним для снукера*. Манодские столы для снукера известны во всем мире. В каменоломне на вершине горы Манод добывали самый гладкий сланец в Уэльсе. Сейчас она закрыта, но раньше все самые лучшие снукерные столы делали из манодского сланца. Минни говорит, что такой

* С н у к е р — разновидность бильярда.

стол есть в Букингемском дворце и еще в театре «Крусибл» в Шеффилде*. А еще — в павильоне в парке «Ватерлоо». Он и сейчас там стоит, только его не видно, потому что павильон заперли на замок, а окна забрали щитами. Озеро и павильон закрыли несколько лет назад, когда началась вся эта путаница со страховкой. Но парк все равно замечательный. Например, за озером есть большущий деревянный забор, на котором нарисованы сцены из жизни Элвиса Пресли. Это мистер Дэвис придумал. Он однажды видел Элвиса своими глазами — в Гарлехе, в «Товарах на дом — выгодно!», — это когда все считали, что он уже умер.

Пока сланец добывали, гору более или менее выдолбили. А ненужные куски разбросали по всей вершине. У всех окрестных гор на вершине трава. А у нашей — сланец. То есть, по сути дела, гору вывернули наизнанку. И сколько, скажите, городов на свете может похвастаться тем, что Хай-Стрит упирается в гору, вывернутую наизнанку?

Сланец у нас, кстати, просто чудесный и годится не только для снукерных столов. Из него можно делать шифер, порошки, камины, плитку для пола. Все что угодно. У всех зданий в Маноде сланцевые крыши, сланцевые пороги, сланцевые подоконники. У нас есть даже сланцевый почтовый ящик и сланцевая статуя мужчины возле школьных ворот (сланцевых). И сланцевая автобусная остановка, где на фронтоне висит знак — перечеркнутый мяч, в смысле: «Играть в мяч запрещено». А заглянешь в дома — в кухнях полы из

* Театр «Крусибл» — знаменитый драматический театр и культурный центр в Шеффилде, где проходят мировые первенства по бильярду и снукеру.

сланцевой плитки. И сланцевые часы у нас есть, да-да! Еще на сланце хорошо писать. Раньше и доски в школе тоже были сланцевые. На сланцевой автобусной остановке кто-то здоровенными буквами написал «УВЕЗИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА!» Шутка, конечно. Уж такие они, манодцы. У них есть чувство юмора. Как говорит папа: «А как же иначе? Без него тут не жизнь».

Весь Манод — от бара внизу до нашего гаража на самом верху — одного цвета. Сланцевого. Серого в общем. Как говорит папа: «Не самый интересный цвет на свете, зато к тучам подходит».

Единственное, что в Маноде не серое — кроме, конечно, росписи «Жизнь Элвиса», — это автомобили. Например, машина доктора Раманана была такого густого красного цвета, какого бывают только «тойоты». Похоже на большущий наманикюренный ноготь.

Когда доктор завел машину, папа сказал:

— Уровень преступности в Маноде самый низкий во всей Великобритании, док. Это вам не хухры-мухры.

— Зато годовой уровень осадков самый высокий, — ответил доктор Раманан. — Возможно, это взаимосвязано.

И они укатили. Я видел, как Мохан смотрит в заднее стекло с подогревом, помахал ему и подумал: «Вот уезжает мой последний шанс сыграть в футбол».

Не то чтобы Мохан был такой уж славный. Удар левой у него был такой, что хоть сваи забивай, но Мохан вообще не целился, а из-за этого приходилось полдня лазить через ограду за мячом, вместо того чтобы совершенствовать мастерство игры. Но это лучше, чем вообще не играть. А я сейчас вообще не играю.

Я помню, что, когда «тойота» Рамананов выехала из нашего двора, я подумал: «Люфт руля».

— Люфт руля, — сказал я папе.

— В Блейно уж как-нибудьотрегулируют.

Пока «тойота» не скрылась из виду, папа все глядел на номерной знак. Я тоже иногда так делаю — проверяю, когда перестану его различать.

— Забьем пару пенальти после чая? — спросил я папу.

— Нет, спасибо, — ответил он, ушел в мастерскую и дверь за собой закрыл, хотя у нас в ремонте не было ни одной машины.

Мама Тома приехала его забрать на своем крошке «копене». Том хотел попрощаться с папой, но Минни велела его не трогать — у него плохое настроение.

— А почему это? — спросил Том.

Минни сказала:

— Ты знаешь, что цыплят по осени считают? Так вот представь себе, что ты дождался, когда они вылупятся, а потом кормил их и проверял, чтобы у них было сколько надо воды, антифриза и масла, а потом настала осень, и только ты собрался их пересчитать, как они выросли и улетели.

— По-моему, антифриз цыплятам не дают, — сказал Том.

— Нет, но... — сказала Минни. — Ладно. Ну пока.

Папа не вышел даже к закрытию. Мама решила порадовать его рыбным ужином от «мистера Мегачипса». А мне купила чиз-кейк, хотя я ее даже не просил. Мари взяла рис, а не жареную картошку, потому что бережет фигуру. Минни взяла пророщенную фасоль с зеленым горошком, потому что такая она загадочная. А папе мы купили здоровенную порцию жареной пикши.

Когда мы вернулись домой, папа сказал, что есть ему не хочется. Тогда я сказал: «Мы купили тебе здоровенную порцию жареной пикши». И уговорил его.

Когда мы все сели за стол, папа сказал:

— Мне нужно вам кое-что сказать. Вот что: у «Сноудонского Авто-Чудо-Оазиса» неприятности.

Все стали спрашивать, что за неприятности, но папа поднял вилку, и мы все снова замолчали.

— Сегодня мы лишились ценного клиента. За последний год мы лишились почти всех самых ценных клиентов. А сегодня нам звонили поставщики бензина. Обычно они сначала заливают бензин в цистерны, а потом, когда мы его продадим, собирают деньги. Беда в том, что мы продаем их бензин слишком долго. Они считают, что им невыгодно сюда приезжать. И говорят, что, если мы хотим, чтобы они возили нам бензин, то должны платить вперед. Автомастерских без бензина не бывает, так что теперь мне хочется узнать вот что: как поступит команда Хьюз?

У каждого игрока в команде Хьюз было свое мнение.

Мари считала, что нужно продать мастерскую и переехать в Лондон, где она прославится, а мы станем ее свитой.

Я сказал:

— Продавать мастерскую нельзя. Мы же тут живем! В этом-то все и дело!

— Кроме того, много нам за нее не выручить, — сказал папа. — На переезд в Лондон не хватит.

Мама считала, что нужно сделать из «Оазиса» не просто автомастерскую.

— Вот поглядите на двух наших конкурентов, — сказала она. — Оба не просто автомастерские. Во-первых, на А496 есть бензозаправка — и это не про-

сто бензозаправка, потому что там еще кафе «Идеальная плюшка». А во-вторых — шиномонтаж на обьездной дороге на Блейно, и это не просто шиномонтаж, а еще и универсам «Асда»^{*}.

— Но мы же не можем устроить тут универсам «Асда», — сказал папа.

— А кафе открыть можем. Или мини-гостиницу. Назовем «Горные просторы».

Это папу не убедило.

— Просторы у нас довольно сероватые, тебе не кажется? Никаких особых красот.

Я сказал:

— Красот никаких, зато они уникальные. Наша гора вывернута наизнанку.

— Что да, то да, — сказал папа, — но это сомнительное преимущество.

Минни придумала аферу со страховкой. То есть нужно поджечь мастерскую, а потом сказать, что это был несчастный случай, и потребовать страховку. Эта затея никому не понравилась.

— Разве можно поджечь мастерскую?! — сказала мама.

— Пара пустяков, — сказала Минни и пустилась в неприятные объяснения, как запалить родной дом. — У нас же кругом сплошной бензин. Еще понадобятся дрессированные крысы. Пустим их под полом, а к хвостам привяжем горящие тряпки.

Знаете, она так все объяснила, что действительно показалось, будто это пара пустяков. Даже предложила внимательно прочитать страховой договор и выяс-

^{*} «Асда» — сеть продовольственных магазинов в Великобритании.

нить, сколько нам положено. Но папа был категорически против.

— Жечь «Оазис» мы не будем, — сказал он. — Это наш дом, и команда Хьюз оставит его за собой. Это главное. Я прав?

— И не только оставим, а сделаем его лучше прежнего, — сказала мама. — Мы сделаем так, что он вырастет.

— Как это? — спросила Мари.

— Мы сделаем из «Сноудонского Авто-Чудо-Оазиса» главную манодскую достопримечательность! — сказала мама.

Все захлопали. А папа поделился со мной своей пикшей.

— 6 — АПРЕЛЯ

АВТОМОБИЛИ:

УГОЛЬНО-ЧЕРНЫЙ «БМВ-М5» — проехал вверх по горной дороге!

КРАСНЫЙ «НИССАН-ИКС-ТРЕЙЛ» — проехал вверх по горной дороге!

ДВА БЕЛЫХ МИКРОАВТОБУСА — проехали вверх по горной дороге!

ПОГОДА: пасмурно. И дождь

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: ковабунга!

Если смотреть «Черепашек», можно узнать много полезного про жизнь.

Например, в серии «В пасти у Шреддера» мышероботы разрушают логово Черепашек — где они жили

пятнадцать лет, — а потом еще и похищают их боготворимого учителя Сплинтера. И что Черепашки — стали они сидеть и ломать себе голову, как заплатить за бензин? Нет. Они идут искать Сплинтера. Они роют ходы по обрушившимся канализационным трубам. Они выслеживают мышероботов, потому что за теми тянется след руин и разрушений. Они сражаются с уличной бандой «Лиловый Дракон» и в конце концов спасают Сплинтера, так что все становится как было — как должно было быть.

Так если Черепашки смогли оправиться после того, как их дом сровняли с землей, а учителя похитили, значит, команда Хьюз уж как-нибудь раздобудет денег на цистерну бензина.

На полицейском аукционе в Гарлехе папа купил старый «мини-купер-эс» (предельная скорость 90 миль в час). Над ним пришлось как следует потрудиться. Зато все детали у него родные. Например, ручка переключателя передач кожаная, а когда показываешь поворот, то на конце рукоятки указателя загорается лампочка, будто крошечный джедайский световой меч. Папа сказал, что на интернет-аукционах за такие штуки дают уйму денег.

Мама гениально придумала поставить компьютер прямо в магазине, так что от нас можно выходить в Интернет — фунт за полчаса. Мистер Морган посылает от нас электронные письма сыну, который живет в Австралии. Мари, которая пишет на компьютере свои рефераты, ужасно не довольна. Так что в некотором смысле хорошо, что пока кроме мистера Моргана компьютером никто не пользуется.

Еще мама стала ходить за покупками не в «Асду», а в «Не плати за упаковку». Купила весовые кукурузные хлопья. Оказывается, мешок размером с пододе-

яльник там стоит столько же, сколько одна пачка «Раз-два-завтрака». Экономия!

Оказалось, ингредиенты на чане с кукурузными хлопьями в «Не плати за упаковку» не пишут потому, что у этих кукурузных хлопьев нет никаких ингредиентов. Когда их заливаешь молоком, они вроде бы исчезают. И вместо миски хлопьев получается миска желтого комковатого молока.

Никто не жаловался. Один за всех и все за одного — так работает команда Хьюз.

Мы не стали жаловаться, даже когда мама отменила подписку на коммерческие телеканалы. «Мира мультфильмов» очень жалко. Но у нас остался канал мультфильмов на валлийском языке* — он бесплатный. Там показывают все валлийские мультики — «Супер-Тед», «Вилли Кряк-Кряк»** — и все наши любимые мультики в переводе на валлийский. Для разнообразия приятно послушать, как Микеланджело вместо «Люблю повеселиться!» говорит: «Дви'н хофи партио!»

Когда мы ели желтое комковатое молоко, мама сказала:

— Сегодня в Бала-Марина морские скауты озера Бала устраивают ярмарку. Может, поедem, добудем денежек на бензин? Что скажете?

* Валлийцы очень любят и берегут свой древний язык, и хотя почти для всех из них родной язык — английский, они изучают и валлийский. Чтобы дети тоже не забывали национальный язык, в Уэльсе не только издают детские книги и журналы по-валлийски, но и снимают мультфильмы на валлийском языке.

** Супер-Тед — мишка-супергерой, герой рассказов Майка Рида, а затем — мультипликационного сериала на валлийском языке; «Вилли Кряк-Кряк» — мультипликационный сериал о приключениях задиристого утенка, его друзей и родственников.

Мари сказала:

— Ты что, хочешь продать наши вещи?

— Ничего особенного. Только то, что вам уже надоело или из чего вы выросли. Ну как?

— «Леготехника» подойдет? — спросил я.

— Дилан! — сказала мама. — «Леготехника» — это просто замечательно! Какой ты молодец!

Минни сказала:

— А футбольное снаряжение? Ну, наголенники там и фанатские футболки? По-моему, тебе в ближайшие несколько лет играть не светит.

Я сказал:

— Ну...

И тогда Минни сказала:

— А твоя «Плей-стейшн-2»? Тебе все равно не с кем играть.

— Там можно играть одному. В этом-то и дело.

— Хорошо, Дилан, только «Лего». Спасибо тебе.

Так что я принес целый мешок «Лего». Мари принесла кое-какую старую одежду и музыкальные диски. Минни принесла набор «Юный ветеринар» — тот, который с настоящим градусником. Мама сказала:

— Спасибо, но он тебе, по-моему, пригодится. Ты ведь, кажется, хочешь стать ветеринаром, когда вырастешь.

Минни сказала:

— Я передумала.

И подмигнула мне.

Машины как таковой у нас нет, зато есть тягач — «ранглер» 1997 года (предельная скорость 110 миль в час), 59 000 на спидометре, специальный выпуск с хромированными бамперами. Не успели мы туда погрузиться, как во двор с бибиканьем вкатил крошеч-

ный «копен» миссис Эджертон, и оттуда вылез Том с этой его громадной сумкой.

— Покажи миссис Хьюз, — велела Тому его мама.

Том показал нам, что у него было в сумке. Всякие черепашки сувениры. Куча кучинская: пеналы, кружки, пристежной панцирь, самокатик-ниндзя — все, что душе угодно.

Мама Тома сказала:

— Он хочет это продать. Чтобы вам помочь.

По виду Тома нельзя было сказать, будто он так уж хочет это продавать. Вид у него был такой, будто он вот-вот заплачет. Наша мама сказала:

— Очень мило с его стороны, но это не нужно. Это же наша мастерская. Мы сами разберемся.

— Нет-нет. Ему так нравится здесь работать. Ну, скажи им, Том!

Том сказал:

— Мне очень нравится здесь работать.

— Свою работу он любит гораздо больше, чем этот дурацкий контейнер для бутербродов с картинками, которые ему не по возрасту. Скажи им, Том.

Том сказал:

— Свою работу я люблю больше, чем настоящий черепаший контейнер для бутербродов из первой сувенирной серии с особым отделением для четвертушки пиццы внутри.

— Давай залезай, — сказала его мама.

Он залез, и мы поехали. Том сказал, что он оставил себе все самое лучшее — и супергибкие модели, и логово с дополнительными трубами. А продает только то, без чего может обойтись. Но стоило ему разложить свое имущество на походном столике за машиной, как нас окружила толпа желающих все это

купить. А Том неожиданно твердо держался заявленных цен. Кто-то хотел купить пристежной панцирь за пять фунтов. Том выбил за него двадцать пять.

— Это ценный коллекционный предмет, — сказал он. — Еще и в оригинальной упаковке. В Интернете за такие просят сорок.

За самокатик-ниндзя Том получил тридцать. Все это улетело за первые полчаса, кроме контейнера для бутербродов.

С «Леготехникой» у нас возникли сложности: Макс все время пытался слопать детальки. А потом пытался бросаться детальками в покупателей. Так что мы все вздохнули с облегчением, когда подошел Крепыш Эванс и купил разом все. Он папин друг. Его дочка учится со мной в одном классе. Ее зовут Зараза Эванс. Это не я придумал, кстати. Все ее так называют. У нее две косички. Звучит очень мило и по-девичьи, но на самом деле она с ними похожа на викинга.

— Что это, «Леготехника»? — спросил Крепыш. — Она до «Лего» сама не своя. А в магазинах стоит неслучайных денег. Сколько просите?

Я сказал:

— Двадцать пять.

Зараза сказала:

— Это столько не стоит, пап. Он тебя надуть хочет.

— Нет, не хочет. Ему просто нужно немного денег, как всем нам. — И стал рассказывать маме, что собирается перебраться в Лондон, поработать на Новой Плотине.

— Десятка, — сказала Зараза.

— Пятнадцать, — сказал я.

Крепыш дал нам двадцать. Большое ему спасибо.

Зараза — единственная девчонка в школе, которая любит Черепашек. У нее пенал с Черепашками, а иног-

да она надевает носки с узором в виде кусочков пиццы. А сейчас она уставилась на контейнер для бутербродов с Микеланджело. Том специально открыл контейнер, чтобы ей было видно отделение для пиццы. Сразу стало понятно, что Заразе очень хочется этот контейнер. Девочки и контейнеры. У мальчиков то же самое с футбольными командами. Девочки, у которых на контейнерах нарисована Трейси Бикер*, всегда сидят кучкой, но никогда не сядут с девочками, у которых на контейнерах «Братц»**. И ни те ни другие не сядут рядом с девочкой, у которой на контейнере Вилли Кряк-Кряк.

Том сказал:

— Это из той серии, которую сделали, когда Черепашки только появились. Так что он коллекционный. Я беру за него пятнадцать. Те, которые с Микеланджело, — самые модные.

Она осмотрела контейнер и сказала:

— Дебил твой Микеланджело.

Вот какая она зараза, эта Зараза. Даже когда кто-то любит другого Черепашку, ей обязательно нужно прицепиться.

В конце концов Том продал контейнер за двенадцать. Всего он выручил почти сотню. И такой был довольный, что я подумал: надо было притащить и продать мою «Плей-стейшн-2».

Мари продала все шмотки. Минни — ветеринарский набор, а мама — все остальное, в том числе

* Трейси Бикер — обаятельная хулиганка и врушка, героиня книг Жаклин Нильсон и одноименного телесериала компании «Би-би-си».

** «Братц» — название серии кукол — конкуренток Барби, необычайно хорошеньких и модно одетых.

садовую мебель, которую мы купили много лет назад, когда папа собирался разбить садик. Всего мы собрали почти триста фунтов. Мама нами очень гордилась. Выдала каждому по фунту и сказала пойти купить, что захотим, пока она собирается. Макса нам пришлось взять с собой.

На поле были в основном скучные универсалы или хэтчбеки, пара микроавтобусов и один смешной электромобиль. Возле всех машин стояли столики, на которых были в основном старые лампы, чайники и карточки «Юги-0!»*. Кроме того, который стоял возле электромобиля, — на нем были только брошюры про солнечные батареи.

Минни сказала:

— Отличное место для грабежа. Прыг в машину — и след простыл!

— Ага, — сказала Мари. — То что надо, если приспичит украсть пару старых настольных ламп и фотоальбом про юность королевы.

На распродаже она ничего покупать не хотела, так что пошла на Хай-Стрит и купила тюбик «Шоколадного солнышка» — это поддельный загар, которым мажут ноги. Если аккуратно намазать, получится очень похоже на настоящий.

Минни купила обалденную «Энциклопедию преступников и преступлений» со вклейкой «Криминальные гении».

Том вернулся с большой обувной коробкой. Я спросил: «Что, опять Черепашки?» Он помотал головой, а в

* «Юги-0!» — простенькая ролевая игра (в том числе и компьютерная), в которую играют при помощи набора карточек с изображениями всевозможных монстров.

коробке что-то жутковато заскреблось. Я решил не спрашивать.

Я купил мячик с бубенчиком внутри — для Макса.

Когда мы вернулись к «ранглеру», мамы там не было. Мы нашли ее возле того серебристого «монтего-универсала» (кстати, меня всегда поражало, какой у «монтего» вместительный багажник) — она стояла и глядела на большую металлическую коробку с краниками, тумблерами и кнопками. Вроде адской машины из логова Шреддера.

— Что за панцири паленые? — спросил Том.

— Это «гаджия», — ответила мама. — Кофеварка. — Она кусала губу.

— А просто кофейник нам уже не годится? — спросила Мари.

— Да-да. Ты права. Конечно, ты права. Поехали, — сказала мама.

Мы садились в «ранглер», и тут мама вдруг побежала через все поле к «монтего». Мы ничего не успели понять, как два здоровенных парня погрузили к нам в багажник большую металлическую коробку. Мама сказала:

— Сто фунтов! Всего ОДНА сотня! Именно то, что нам нужно.

Всю дорогу домой она только и говорила, что про разные виды кофе, которые можно варить в этой «гаджии» и продавать.

— «Авто-Чудо-Оазис» на верном пути! — твердила она. — Мы будем продавать лучший кофе от Сноудонии до самого побережья! Вот папа будет доволен, когда ее увидит!

Когда папа ее увидел, то сказал:

— Сто фунтов!

Судя по всему, цена его удивила так же, как и маму, только не так обрадовала.

— Сто фунтов! — повторял он.

Мама сказала:

— Нужно только купить бумажные фильтры. И кофе. Ах да, еще штепсель.

— Штепсель, — сказал папа. — Сто фунтов — и у нее даже штепселя нет! Откуда ты вообще знаешь, что она работает?

— Но если она не работает, ты ее починишь, — сказала мама.

Что, конечно, абсолютная правда. Папа может починить все что угодно.

Папа ушел в мастерскую и захлопнул за собой дверь.

— У тебя совсем нет воображения! — крикнула мама. И она ушла в дом и тоже захлопнула за собой дверь. Которая в дом.

Мы все некоторое время стояли во дворе. Потом у Тома в коробке что-то опять заскреблось. Том поглядел на коробку так, словно совсем про нее забыл, и сказал:

— У меня тут подарок для мистера Хьюза. Как вы думаете, сейчас подарить или подождать?

— Давай сейчас, — ответила Минни. — Может, это его развеселит.

В дверь мастерской были видны папины ноги, торчащие из-под «мини».

Том позвал:

— Мистер Хьюз!

Папа зарычал.

— Мистер Хьюз, Минни говорит, вы расстроились, потому что по осени не успели пересчитать цыплят и они разлетелись. Так я вам вот что купил...

Папа выбрался из-под машины и уставился на Тома.

— Это подарок, — сказал Том и протянул папе коробку.

Папа открыл крышку и посмотрел внутрь. И все смотрел и смотрел, словно глазам своим не верил.

— Цыплята, — сказал он. — Две курочки.

— И пробный пакетик цыплячьего корма, — сказал Том, вытаскивая пакет из-за спины.

Папа поставил коробку на бок и осторожно вынул оттуда курочек. Они тут же метнулись обратно в коробку и забились в угол, прижавшись друг к другу.

— Я решил, может, вы будете кур разводить? И яйца продавать, — сказал Том. — У вас тут места много, пусть гуляют.

— Можно, — сказал папа. — Можно. Куры во дворе создают определенную атмосферу.

Но курочки, похоже, были не в настроении гулять. Том купил их у того дяденьки, который таскает цыплят с птицефермы, так что они всю жизнь жили в жуткой тесноте. А теперь у них случился приступ агорафобии, и вылезать они не хотели.

— Извините, мистер Хьюз, — сказал Том.

— Ничего-ничего, — сказал папа. — Когда привыкнут, сами вылезут. А как мы их назовем?

Все поглядели на Минни — она же у нас гений.

Минни поглядела на коробку.

— Разве можно их называть, когда мы их толком даже не рассмотрели? — сказала она. — Придется подождать, когда они покажутся.

Мы вытащили коробку во двор, поставили возле мойки и стали ждать, когда курочки покажутся. Но агорафобия их, наверное, совсем одолела, потому что они так и не показались. Зато показалась мама. Она

показалась на пороге дома, промчалась через двор со скоростью двести миль в час, по пути сунула мне Макса и скрылась в мастерской. Мы слышали, как она там кричит, но слов разобрать не могли, только папа иногда восклицал: «Сто фунтов!»

Это продолжалось очень долго. Небо потемнело. Мы проголодались. Я думал — может, если бы я продал «Плей-стейшн-2», мы бы выручили больше денег и родители бы не поругались.

Я пошарил в карманах — вдруг шоколадка завалилась — и нашел мячик, который купил Макс. Я посадил Макса на землю и покатил мячик к нему. Макс засмеялся, но его интересовала не красота движущегося мяча, а треньканье. Но я все равно продолжал так делать. Пару раз Макс толкнул мячик ногой, как будто вроде бы и ударил.

Минни сказала:

— Рановато отрабатывать с ним удары, тебе не кажется?

Я сказал:

— Если ближайшего футбола мне надо ждать семь лет, нужно постараться сделать так, чтобы игра вышла что надо.

Вот тут-то все и началось. Двор внезапно залил яркий свет фар. Наши тени пробежали по бензонасосам и по «альта-газу». Макс от испуга так и прыгнул мне на руки. Во двор, словно бы из ниоткуда, въехали «ниссан-икс-трейл» (предельная скорость 110 миль в час), «БМВ-М5» (предельная скорость вообще 161 миля в час, представляете?!) и два микроавтобуса «тойота-хай-эйс». Мы с Минни и Томом оторопело глядели, как они катят к воротам. Водитель

«БМВ» опустил стекло (кстати, он был страшно элегантный) и сказал:

— Не будете ли вы так добры открыть нам ворота? Благодарю вас.

Мы все помчались открывать ворота. Водитель сказал «благодарю», и все машины проехали в ворота и помчались в гору.

Том сказал:

— Панцири паленые!

Макс вопил: «Би-би! Би-би! Би-би!», да и я думал примерно то же самое. Только еще я думал: на таких крышках по проселку не ездят.

Дверь мастерской открылась, и вышли папа с мамой. Они больше не кричали друг на друга. Они глядели вслед машинам, как и все мы. Даже Мари в конце концов появилась.

— Поразительно оживленное сегодня движение на горной дороге, — сказала она. — Вероятно, это самое крупное событие в истории Манода.

А мы все глядели и глядели. Даже одна из курочек в конце концов высунула голову из коробки.

— Куда это они? — спросил Том.

— Никуда, — сказал папа. — То есть ведь дорога именно туда и ведет — в никуда.

— Разве что барышни Селлвуд вдруг решили устроить пышный прием, — сказала мама.

Но машины проехали далеко за дом сестер Селлвуд. То там, то сям показывались пятна света — машины пробирались к вершине по извилистой дороге. И вдруг — уже на самом верху — в небо ударил сноп света. Все хором закричали: «Ух ты!» А свет так и застыл, как прилип, растекаясь по облакам, будто замороженный фейерверк.

Минни сказала:

— Как будто инопланетянский прожектор обшаривает небеса в поисках корабля!

Я сказал:

— Это «ниссан». У него на верхнем багажнике прожектора для сафари. И бардачок с подогревом, чтобы обед не остыл.

А Том сказал:

— Ковабунга!

— 7 — АПРЕЛЯ

АВТОМОБИЛИ:

СИНИЙ «ЛЕКСУС» — мистер Хой (не остановился)

УГОЛЬНО-ЧЕРНЫЙ «БМВ-М5» — тот, сверкающий (мог бы купить кофе)

ПОГОДА: дождь

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Самое интересное всегда читается между строк

Иначе говоря, вниз они так и не проехали!

Обычно Миляга Том приходит на работу к восьми. Когда в семь я вышел забрать молоко*, он уже сидел на пороге и глядел на вершину горы. Он сказал:

— Что, обратно так и не проехали?

* В маленьких британских городах молочники каждое утро развозят молоко по домам.

Я ответил:

— Нет, не проехали.

— Интересно, что они там делают?

Кстати, у Минни была куча версий, что они там делают.

— Скорее всего, это преступная организация решила устроить в горах бункер для штаб-квартиры, чтобы оттуда править всем миром.

— Как Шреддер? — спросил Том.

— Ну да, вроде того, — сказала Минни, — только это люди, а не гигантские разумные крысы-мутанты.

Она уже успела повесить вклейку со знаменитыми преступниками на стену над кроватью. Там были Бонни и Клайд, и Аль Капоне, и Винченцо Перуджиа (тот, который украл «Мону Лизу»). Минни часами глядела на их лица.

— Знаешь, некоторые говорят, что есть такой криминальный тип внешности. Что все преступники похожи. А ты как думаешь?

А потом показывает на фотографию Тото Риины (главаря итальянской мафии) и спрашивает:

— Тебе не кажется, что он слегка смахивает на Тома?

— Том — не преступник. Просто ему не везет.

— Смотри, а она? По-моему, я на нее немного похожа.

И показала на фотографию Энн Бонни, королевы пиратов. Ничего общего.

После завтрака (снова желтое комковатое молоко) мы с Томом пошли постояли у мойки и еще немножко поглядели на гору. Большая обувная коробка с

курочками была на месте. Изнутри то и дело доносился шорох.

Я сказал:

— Минни говорит, их нельзя называть, пока они не выйдут, так? А что, если они не выйдут, пока мы их не назовем?

— Это ты про что, Дилан? — спросил Том.

— Ну, если у них будут имена, их можно будет позвать. А как их позвать, если у них нет имен, правда?

— Не знаю я, как имена-то выдумывают, — сказал Том. — Ничего такого не умею.

— Ну, Том, раз это ты их купил, давай назовем их Донателло и Леонардо — как Черепашек.

Том улыбнулся, и я в жизни не видел такой потрясной улыбки. Лицо у него совсем переделалось, и он выглядел вообще другим человеком.

— Только вот пусть будет Микеланджело, а не Леонардо, — сказал он. — Микеланджело ведь любит повеселиться.

И мы позвали:

— Микеланджело! Донателло!

И тут же увидели — вот она: из коробки высунулась крошечная взъерошенная черная головка.

— Ура! — завопил Том. — Гляди!

Ну и конечно, взъерошенная головка тут же спряталась обратно.

Я снова начал тихонько их звать. Кстати, если вы не знаете, так Донателло — самый умный из Черепашек. Рафаэль — самый сердитый. Леонардо — самый взрослый, а Микеланджело — самый веселый. Обычно сначала всем нравится Микеланджело. Это он лопает горы пиццы и кричит: «Люблю повеселиться!»

(«Дви'н хофи партио!») Многие думают, что он слишком часто так кричит. Раз по десять в каждой серии, то есть когда смотришь «Черепашек» по «Миру мультфильмов», он еще до завтрака успевает сказать это раз пятьдесят. Так что потом Микеланджело обычно всем надоедает. Но не Тому. У Тома очень верное сердце.

Утром всю дорогу в школу я оглядывался на гору — вдруг машины поедут вниз? Не поехали. И чем дальше они не ехали, тем страннее это становилось.

— Я же говорю, — сказала Минни. — Международная преступная организация. Пока мы с тобой тут болтаем, они, наверное, ставят спутниковую станцию слежения.

Я сказал:

— Полиция не позволит.

— Все куплено, — сказала Минни.

Нашего полицейского зовут сержант Хантер. Видим мы его раз в год, когда он заезжает на техосмотр. По-моему, он не из тех, кого можно купить. Но ведь, как заметила Минни: «Если международная преступная организация затеет построить спутниковую станцию слежения, что сможет с ней поделаться сержант Хантер?»

Наша школа — побратим школы в Малави, которая называется «Гамби», потому что находится в городе Гамби. Мы накопили денег и купили в школу компьютер и модем, так что теперь можем раз в неделю переписываться. Нам сказали выбрать каждому друга по переписке и написать ему, как живется в Маноде. Нам

раздали фотографии тех, с кем мы будем переписываться. Мне достался мальчик по имени Джордж. На фотографии он стоит в окружении целой толпы одноклассников под табличкой «Добро пожаловать в Гамби» и держит в руках мяч. Так что между Гамби и Манодом есть два отличия. В Гамби есть мальчики, и в Гамби есть табличка.

Вот что написала в «Гамби» Минни (девочке по имени Нелли).

Дорогая Нелли!

Мы живем в маленьком городке у подножия высокой горы. В старые времена на вершине горы была знаменитая каменоломня. Те, кто там работал, должны были вставать в пять утра, чтобы идти в каменоломню. Они положили вдоль тропинки такие белые камни, чтобы в темноте было видно дорогу. Четыре тысячи человек шли по горной дороге мимо дома, где живут сестры Селлвуд. Удивительно. На работе они в основном делали кровельные плитки. Выносили сланец наружу и кололи его на плитки на открытом воздухе. Плитки были разной формы — они назывались «императрица», «графиня», «герцогиня», «толстушка». Зимой было так холодно, что камнетесы говорили, будто это Северный полюс, и им приходилось колоть плитки в специальных подземных помещениях, которые называются «кэбан грун». Поэтому они болели. Потому что когда они кололи сланец в помещении, пыль попадала им прямо в легкие. Обычно камнетесы умирали еще до пятидесяти лет. Вроде бы не очень молодыми, но это означает, что в Манодe почти ни у кого нет дедушек.

Сейчас в Маноде самый низкий уровень преступности во всей Великобритании, но раньше жизнь здесь была гораздо интереснее. В 1898 году в одном из «кэбан» произошло чудовищное кровавое убийство. Вот что тогда случилось: Томас Джонс и Мэри Братон (тридцати трех лет) возвращались домой с вершины, когда вдруг...

Все остальное стерла мисс Станнард. Наверное, это было ужас что такое. Письмо Минни закончила так:

Напиши нам все про Гамби. Особенно про чудовищные кровавые убийства.

Это написала Минни. А вот что написал я.

Мы видели, как по горной дороге проехали «БМВ», «ниссан» и два микроавтобуса.

Больше я ничего не придумал.

Мисс Станнард сказала:

— Маловато, Дилан. И не очень интересно.

— Ничего себе! Они же уехали наверх, а обратно не проезжали! А значит, пробыли на горе всю ночь! А где они спали? Там наверху же нет домов, кроме той развалюхи возле шахты. Они что, спускались в шахту? Наверное, у них там бункер...

— Так почему ты всего этого не рассказываешь?

— Вот, рассказал.

— Я имела в виду в письме.

— Ну это написано между строк.

— Что ж, — сказала она и улыбнулась, — давай вытащим это на сами строчки, ладно?

И я написал.

Мы видели, как по горной дороге проехали «БМВ», «ниссан» и два микроавтобуса, а обратно они не проезжали.

Мисс Станнард сказала, что все равно пока довольно скупо, и попросила меня постараться и написать поподробнее.

— Я знаю, что у тебя теперь цыплята. Вот и напиши про них.

Мисс Станнард сказала, чтобы я взял письмо домой и там закончил.

— Может быть, найдется что-нибудь поинтереснее.

Она была права.

Когда мы вернулись в мастерскую, курочки гуляли на траве возле таблички «Открыто». Мама нашла старую кроличью клетку, и они почти все время прятались там. Иногда они выходили, но вид у них был нервный. Когда они ходили, то сначала ставили лапу, потом замирали и оглядывались, как будто кругом было минное поле. Как только кто-нибудь открывал дверь в магазин, они бежали туда. Минни сказала, это потому, что им нравятся флуоресцентные огни.

Мы пытались их оттуда выгнать, но стоило нам открыть дверь, как они пугались дзиньканья колокольчика, кидались внутрь и прятались за вертящейся стойкой с батарейками. Мы выманивали их оттуда в пятнадцатый раз, как вдруг дверь у нас за спиной дзинькнула. Мы подняли головы. На пороге стоял он, тот самый элегантный водитель «БМВ».

— Ой... — сказала Минни.

— Извините, вы не придержите дверь на минутку? — попросила мама.

Он явно удивился, но послушался. И Минни выгнала курочек мимо него на улицу.

— Простите, — сказала мама совершенно спокойно, как будто к ней в магазин каждый день заходят элегантные незнакомцы и помогают выгонять курочек. — Прошу вас.

Такой белой рубашки я никогда не видел. Она чуть ли не светилась. Из рукавов синего костюма торчали манжеты, и в них были видны маленькие сверкающие запонки. Таких сверкающих людей я тоже никогда не видел. У него даже машина сверкала — непонятно почему, ведь она только что проехала по горной дороге.

— Я бы хотел заправиться, — сказал сверкающий.

Я сказал «сейчас» — очень быстро, потому что мне ужасно хотелось рассмотреть машину. И только когда я выбежал под дождь, то понял, что рассмотреть водителя было бы гораздо интереснее. В общем, если вам правда хочется знать, у машины были черные с серым велюровые сиденья, спутниковая навигационная система, полный набор средств связи и сорок тысяч миль на спидометре. Вы, наверное, думаете, что пробег — это не мое дело, но все это входит в маркетинг. У некоторых «БМВ» пятой серии после первых пятидесяти тысяч возникают проблемы с потреблением масла. Так что папе было бы полезно знать, какой у нее пробег.

Только я залил полный бак, как Донателло вскочила на капот и начала скрести краску лапой. Я прогнал ее, так что она ничего не поцарапала, но свои

дела сделать успела. Я решил стереть результат, так что вернулся в магазин за тряпкой.

В магазине я увидел, как сверкающий дает маме кредитную карточку.

— Я вижу, у вас есть «гаджия», — говорил он. — Вас не затруднит сделать мне двойной эспresso?

Мама, как всегда, повела себя гениально.

— В настоящее время, увы, затруднит, — сказала она, — но в самом ближайшем будущем, конечно, нет.

— То есть если вы тут будете в самом ближайшем будущем, — добавил я.

Понимаете? Это опять маркетинг. Я попытался выяснить, сколько он здесь пробудет.

— Нам нужны фильтры. И кофе. И чашки, — объяснила мама. — Зато мы берем вещи в химчистку.

— Я запомню, — сказал сверкающий.

— А если хотите, можем достать вам шины со скидкой, — сказал я.

— Спасибо, шины у меня уже есть.

Я сказал:

— Да, я видел. «Торнадо». На «пирелли-Р7» ездить лучше. Я потому и говорю. Горная дорога у нас не очень.

— Да. Ну что ж, спасибо...

Тут я вспомнил, что надо сказать.

— Ах да: добро пожаловать в Манод, самый высокий уровень осадков во всей Великобритании.

Папа всегда так говорит.

— У всех свои сильные стороны, — сказал водитель, и тут я понял, что почему-то сказал не то. Вот когда папа говорит про уровень осадков, у него получается как будто похвала.

Я не мог понять, что я сказал не так, пока Минни не добавила:

— Самый высокий уровень осадков и самый низкий уровень преступности. Это не обязательно взаимосвязано.

Тогда водитель засмеялся. Все-таки голова у Минни варит что надо.

Мама сказала:

— Если вам что-то понадобится, скажите, мы постараемся вам помочь. У нас можно сделать ксерокс, выйти в Интернет, подписаться на газеты. И конечно, заправить автомобиль.

— Автомобиль вы мне уже заправили. Поэтому я и дал вам карточку.

— Ах да, конечно, извините. — Мама немного нервничала, потому что Макс под прилавком дергал ее за юбку.

Она подняла его на руки.

— Ой... — сказал сверкающий.

Мама посмотрела на него и сразу поняла, в чем дело. Он увидел Максовы глазищи. Они у него огромные. В них так и тонешь. Мама улыбнулась. Водитель сказал:

— Мадонна с младенцем.

Мадонна? Я посмотрел на стойку с газетами. Ему что, нужен журнал про Мадонну? Или плакат? Или диск? У нас таких нет.

Мама вернула карточку и сказала:

— Большое спасибо, мистер...

Водитель сказал:

— Лестер.

— О. Большое спасибо, Лестер.

Когда он направился к двери, я вспомнил, что Донателло сделала свои дела на капот. Я схватил тряпку

и помчался к машине. Сверкающий только взялся за ручку водительской дверцы, как я крикнул ему, чтобы он подождал.

— У нас куры на свободном выпасе, — сказал я, вытирая капот. — Мы продаем яйца, если вас это интересует.

— Сейчас — нет. — Он сел в машину.

— И хорошо. — Я взял курочку на руки. — Они пока еще не несутся. Правда, Донателло?

Сверкающий уже захлопнул дверцу. Но когда я это сказал, он снова открыл ее и уставился на меня.

— Простите, — сказал я.

— Что ты сказал? — спросил он.

— А, извините, это я не вам, а курице.

— Как зовут вашу курицу?

— Донателло.

Он все глядел на меня.

Я пожал плечами.

— Вторую зовут Микеланджело. Я понимаю, это мальчишковые имена, а курицы девочки, но...

— А кто решил их так назвать?

— А. О. Честно говоря, я. Донателло нравится мне меньше, чем Микеланджело. Я знаю, что Микеланджело многие не любят, но, по-моему, это глупо. Он замечательный. Они все замечательные, правда? Микеланджело, Рафаэль, Донателло и Леонардо.

— Да, действительно, — сказал он.

— Каждый по-своему, — сказал я.

— Каждый по-своему, — согласился он. — Мне пора, но когда-нибудь мы продолжим этот разговор.

И он захлопнул дверцу с приятным глухим звуком, который бывает только у самых классных машин.

Когда я вернулся в магазин, все стояли, вроде бы даже затаив дыхание.

— Что он сказал? — спросила мама.

— Спросил, как зовут курочек.

— Какое дружелюбие, — сказала мама. — Бегите за папой. Быстро.

Минни побежала в мастерскую, а мы с Мари начали расставлять вокруг телика складные походные стулья («Ударная Барахолка» на поле футбольного клуба «Динамо» в Блейно, по фунту штука).

Когда папа пришел, мама сказала:

— Садись-ка. Мы тебе кое-что покажем.

И она включила телик, и он стал показывать, как к нам приходил Лестер. Это была запись на камеру наблюдения. Камера наблюдения — это вроде телика, но не совсем. Там нет звука и картинка ужасно прыгает, так что мы не видели, как открылась дверь. Просто бац! — и Лестер в магазине, бац! — и он у витрины с напитками, бац! — и он смотрит на газеты.

Мама сказала:

— Вот он все внимательно рассматривает. Смотри, он хочет что-то купить. И купил бы, только у нас нет того, что он хочет.

— Кто это? — спросил папа.

— Это, — сказала мама, — наш новый клиент.

— Он с горы, — сказал я.

Папа подошел к самому экрану.

— А почему у него туфли так блестят? — спросил он.

— Потому что начищены.

— То есть это они на самом деле так блестят? Я думал, дефект пленки.

— Они на самом деле так блестят.

— Не знаю, что он там делал на горе, — сказал папа, — но овец не пас, это точно.

Мы все смотрели запись не отрываясь. Мама сказала:

— Вот сейчас он заметит кофеварку. Если бы она работала, он бы попросил кофе. Ясно? Я же тебе говорила: на эту «гаджию» все набегут.

Папа спросил:

— А на газеты он не подписался?

— Нет.

— Значит, скоро уедет. Человек в таких туфлях читает газеты каждый день. Если бы он собирался тут остаться, то подписался бы на газету. — Он начал чуть-чуть сердиться, как когда уехали Рамананы. — Ладно, идите уроки делайте, — сказал он. Но только он это сказал, как дверь опять дзинькнула. Мы все обернулись — и кто же стоял на пороге? Всего-навсего Лестер. Он очень удивился, когда увидел, что вокруг телевизора расставлены складные стулья. Он бы еще больше удивился, если бы понял, что это мы на него смотрим, но мама быстренько переключила телик на ту камеру, которая во дворе, так что теперь на экране была только машина Лестера и кусочек мойки. Вот сейчас я подумал, что это, наверное, показалось Лестеру еще удивительнее.

— Вы говорили, что доставляете газеты, — сказал он.

— Да, — сказала мама.

— Мне бы хотелось получать «ФТ», если можно.

Мама немного растерялась, а папа сказал:

— А, «ФТ». Конечно-конечно. А на сколько вы подписываетесь? На день? На пару дней? На неделю?

— Пожалуй, до дальнейших распоряжений, — ответил Лестер.

— Хорошо. До дальнейших распоряжений, — сказал папа.

Тогда Лестер сказал всем «до свидания». А потом посмотрел на меня и сказал мне «до свидания» отдельно.

Мы дождались, когда он заведет мотор. Тогда мама спросила:

— «ФТ» — это что?

— «ФТ», — сказал папа, — «ФТ» — это... это не важно. Миссис Порти знает. А важно то, а важно то, что у нас — у нас новый клиент! Новенький-новенький постоянный клиент! До дальнейших распоряжений!

— А все благодаря «гаджии», — сказала мама.

— То есть как это благодаря «гаджии»? Он же подписался на газету, а не на кофе.

— Но если бы у нас был кофе, он купил бы кофе!

— Если бы у нас был кофе! Может, он и скаковую лошадь купил бы, если бы она у нас была! Может, устроим маленькую такую конюшню — так, на всякий случай?

— Но ведь это «гаджия» задала тон, правда? «Гаджия» — это же экстра-класс! Он как увидел ее, так сразу и подумал: с нами можно иметь дело. Тут модная кофейня, а не забегаловка какая-нибудь.

Папа посмотрел на маму. Потом он посмотрел на «гаджию» и сказал:

— Да. Ты права. Все благодаря «гаджии».

И мы поняли, что ссоре конец, и это было приятно.

Потом мы все еще раз просмотрели запись — на счастье.

— 8 —

АПРЕЛЯ

АВТОМОБИЛИ:

«ЛЕНДРОВЕР» — мистер Морган

СИНИЙ «МОНТЕГО-УНИВЕРСАЛ» — миссис Лорти (привезла газеты. Мы предложили ей кофе. Сказала, потом вернется и выпьет ташетку)

«ФИАТ-МУЛЬТИПЛА» — мистер Артур из газеты (полный бак, латте)

ДВАДЦАТЬ ОДИН БЕЛЫЙ МИКРОАВТОБУС!!!

КРАСНЫЙ «ФОРД-КА» — мисс Станнард (заехала за шоколадкой и в результате выпила горячего шоколада)

СИНИЙ «ЛЕКСУС» — мистер Хой (остановился заправиться, кофе не захотел)

ЗАЛЕННЫЙ «ДАЙХАЦУ-КОПЕН» — миссис Эджер-тон (заехала взглянуть на кофеварку, сказала, что дизайн ей не нравится, попросила чай. Чай у нас не подают. Том заварил ей одну ташку в виде исключения)

«ВОКСХОЛЛ АСТРА-УНИВЕРСАЛ 1.9 CDTi» — мистер Дэвис (заехал в первый раз — потенциальный клиент?)

ПОГОДА: местами сыро. На вершине солнце

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Иногда солнце светит ближе, чем думаешь

В тот же вечер папа вернулся из мелкооптового магазина с кофе, фильтрами, одноразовыми чашечками, кремом для обуви («потому что этот человек не может поддерживать такой блеск без крема») и штепселем для «гаджии».

Мама вернулась из сноудонского комиссионного благотворительного горноспасательного магазина с кни-

гой под названием «Кофейная кавалькада» (20 пенсов), где рассказывается, как варить всякий разный кофе, и (все-таки она гений!) «Руководством для владельца „БМВ-М5“».

— Не то чтобы мы хотели, чтобы его чудесная машина сломалась, — сказала она, — но нужно быть готовыми ко всему.

«Руководство» папа забрал себе, а книжку про кофе дал Тому, сказав:

— Давай читай. Скоро начнется твоя карьера официанта.

Том сказал: «Огромное вам спасибо» и позвонил своей маме похвастаться.

Кстати, «ФТ» — это сокращенно «Файнэншл таймс».

На следующее утро мы прождали целую вечность, но сверкающий так и не появился. Зато появился мистер Артур из газеты на своем «фиате-мультипла» (предельная скорость 109 миль в час). Мне было интересно. Я всегда хотел поглядеть поближе на «фиат-мультипла», потому что впереди у него три сиденья, а это очень странно. К тому же из-за тупого капота и широко поставленных фар он ужасно похож на черепаху!

Мистер Артур — главный редактор «Манодского ежесеместника», нашей местной газеты. Раньше газета называлась «Манодский еженедельник», но за неделю новостей на целую газету не набиралось.

— Это потому, что в газетах пишут в основном о преступлениях, — сказала Минни, — а в Маноде, к сожалению, преступлений не бывает.

— Насчет «к сожалению» не уверен, — сказал папа.

— А вам бы, мистер Артур, наверное, хотелось, чтобы преступлений было побольше. Было бы о чем писать, правда?

— Я хотел написать об этих приезжих, — ответил мистер Артур. — Но писать нечего. Кроме того, что они приехали. А это все и так знают. Я хочу написать о тебе, Дилан.

Сначала я решил, что он шутит. Но он и правда хотел написать обо мне.

— Последний мальчик в Манодэ, — сказал он. — Не с кем играть в футбол. Может быть интересно.

Честно говоря, я не был уверен, что это может быть интересно.

Папа сказал:

— Я играю с ним в футбол. — Что не совсем правда. — Если вам нужно о чем-то написать, так напишите о том, что на А496 нет таблички «Манодэ».

— Отсутствие таблички, мистер Хьюз, нельзя назвать последней новостью, — сказал мистер Артур. — Все, кто хочет знать о табличке, уже о ней знают. А вот мальчик, которому не с кем играть в футбол, — это сюжет.

Я сказал:

— Когда Макс подрастет, я буду играть с ним. Ему уже почти год.

— Так что до ближайшей игры тебе ждать шесть лет. — Мистер Артур что-то записал в блокнот. — Отлично, заголовок готов. А теперь нужна фотография.

Он достал фотоаппарат — и тут же как по волшебству рядом со мной оказалась Мари.

— Нельзя же снимать его как есть, — сказала она. — Он даже не причесывался. Когда людей фото-

графируют для газеты, они по несколько часов гримируются, выбирают наряд и...

— Конечно, но мне надо к обеду в Трасвинид.

— Ничего, мы скоро, — сказала Мари. — А Том сделает вам кофе. Хорошо, Том?

— Да-да, — сказал Том. — Какой вам? Капучино, эспрессо...

— Честное слово, не нужно. Понимаете, я еду на похороны.

— Американо, мокко, моккачино...

— Правда, Том, спасибо за заботу.

— Ну пожалуйста! — взмолилась Мари. — Я его хотя бы причешу!

— Ладно, хорошо. Том, я выпью кофе, спасибо. Обычный кофе с молоком.

— Значит, латте, — сказал Том.

— А я хочу эспрессо, Том, — сказал папа.

Мари потащила меня наверх, в их с Минни комнату, и начала причесываться сама.

— По-моему, причесывать нужно меня!

— Но я же тоже буду на фото, правда? Разве ты не хочешь, чтобы с тобой на фото была твоя сестра?

Она причесывалась лет примерно сто, а потом начала кисточкой румянить лицо из такой маленькой коробочки. Время от времени она глядела на меня и говорила:

— Быстрее!

А мне было интересно посмотреть, как у девочек в комнате все устроено. Понимаете, обычно меня туда не пускают. Одна стена была вся заклеена маленькими картинками.

— Это со странички «Секреты красоты» из журнала «Клозер», — сказала Мари. — Там печатают всякие

косметические рецепты для каждой части тела — глаз, зубов, ногтей, ног — для каждой детали женского тела.

Если посмотреть вблизи, было довольно интересно. Но стоило немного отойти, как становилось еще интереснее, потому что все вырезки на стене были сложены в женскую фигуру. Да, умеет Мари все подать, у нее к этому настоящий талант.

Когда она кончила наводить красоту, то заставила меня снять ее «поляроидом».

— Это еще зачем?

— Чтобы я увидела, как выгляжу.

— Так посмотришь в зеркало.

— На фотографиях выглядишь иначе, — сказала она. — Фотоаппарат добавляет пять фунтов.

Когда мы вернулись вниз, Мари сказала:

— Извините, мистер Артур, что заставили вас ждать.

И наградила его улыбкой шириной с радиатор «мерседеса».

— Ничего-ничего, — сказал мистер Артур. — Ради такого зрелища стоило и подождать.

И сделал снимок.

— А теперь еще один кадр, — сказала Мари. — Боком.

Она встала боком, положив руку на пояс. В результате она заставила мистера Артура сделать примерно миллион ее портретов в разных позах, пока он не сказал:

— Извините, мне пора бежать. Похороны скоро кончатся.

Мари стала выяснять, когда снимки напечатают в газете, и заставила мистера Артура пообещать, что он

пришлет ей все фотографии. Через неделю он прислал ей фотографию, очень хорошую, где у нее блестят зубы и волосы. Зато она совсем не обиделась, что на первую полосу газеты ее портреты не попали. Там был только я — я стоял у бензонасоса с футбольным мячом под мышкой и заголовком сверху: «Самый одинокий мальчик в Уэльсе». Кстати, спереди у «фиата-мультипла» действительно три сиденья. Очень жалко, что водительское кресло на нормальном месте. Вот если бы оно было в середине, это было бы да.

Том сделал мистеру Артуру латте, а папе — эспresso. Он решил, что кофеварка сломалась, потому что эспresso вышло кот наплакал. Том нажимал кнопку, пока не накапал целую кружку, и папа ее выпил. После этого он стал какой-то дерганый. Он сказал нам с Минни, что пора в школу.

— Но мы хотим посмотреть на того сверкающего!

— А где он, ваш сверкающий, скажите на милость? Смылся за границу? Да, наверное, смылся за границу, а мы торчи тут с розовой газеткой и тонной кофе! — Он говорил очень-очень быстро. Даже немного страшно стало.

Мама сказала:

— Папочка, это ты от кофе стал такой ершистый? Пойди попей водички.

— Нет-нет-нет-нет. Я отвезу ему газету сам. А как же — сервис! Дилан, садись в машину.

— Ты же мне сказал идти в школу.

— Нет, я хочу взять тебя с собой. Ты ему понравился. Мы отвезем ему его газету и капучино. Индивидуальный подход к каждому клиенту, да? Ради этого стоит проехать лишнюю милю.

Минни сказала, что тоже поедет.

Мама стала объяснять папе, что глупо гнать в гору ради одной чашки кофе. Это экономически невыгодно, к тому же по пути кофе все равно остынет. Папа ответил ей так быстро, что никто не понял ни слова. Он выбежал наружу и забрался в «мини-купер». Минни спросила:

— Можно, я сяду вперед, ведь машину называли в мою честь?

— Да, — ответил папа.

Я сказал:

— Кто старше, тот и садится вперед. Так что впереди сижу я.

Папа опять сказал «да». Он просто не слушал.

Я отпихнул Минни, сел вперед и пристегнулся. Внутри у машины оказалось на удивление роскошно — много отделки под орех и пахнет кожей. Еще там было на удивление тесно. Я чувствовал себя яйцом в коробочке для яиц.

— А мы точно доедем на ней в гору? — спросил я. — Какой у нее двигатель-то?

— Не нравится — перелезай назад, — сказал папа.

Я не перелез. А зря. На всех выбоинах мы подскакивали, как футбольный мяч. Один раз нас вообще развернуло. Папа, по-моему, был от этого просто в восторге.

— Ну прямо «Ограбление по-итальянски»! — вопил он.

— Какое «Ограбление по-итальянски»? — спросил я, чтобы начать разговор и отвлечься от мыслей о том, как бы нам вообще с горы не слететь.

— Да ты про него знаешь. Компания преступников по-крупному грабит банк в Милане. Или в Турине? Да

не важно, где-то там. И им удастся смыться, потому что они останавливают уличное движение. Устраивают здоровенную пробку и смываются на «мини-купе-рах»: «мини»-то может ездить и по ступенькам, и по сточным трубам — где угодно. Здорово!

Минни нагнулась вперед — что с ее стороны было отважным поступком.

— А сколько они награбили? — спросила она.

— Несколько миллионов. В слитках. Они слитки сперли.

— Золотые?

— Целую кучу. Тонны золота.

— И смылись?

— Ага. Вроде того. Посмотри сама. Там еще Майкл Кейн играет.

— А-а, — разочарованно сказала Минни. — Так это кино. Я-то думала, ты рассказываешь про настоящее ограбление.

Вершину горы из Манода видно редко, потому что она обычно закрыта тучами. И середина тоже. И подножие — почти всегда. Иногда тучи опускаются на Манод так низко, что, когда нужно подняться в ванную на втором этаже, приходится проходить сквозь облака. Я понимаю, что вам-то интересно об этом читать — надо же, люди едут сквозь тучи, — но на самом деле это все равно что ехать сквозь грудку грязных серых тряпок. Мы так долго ехали сквозь серое, что нам уже стало казаться, будто мы и сами посерели.

На дорогу перед машиной внезапно выскочил маленький беленький ягненок. Папа ударил по тормозам и отчаянно засигналил, и ягненок убежал. Но, что характерно, побежал он прямо вперед, по самой сере-

дине дороги, а нам пришлось ехать за ним. Как написала Минни в письме в «Гамби»: «Мы с ягнячьей скоростью плелись сквозь сумрак Планеты Тряпок, это длилось целую вечность, но наконец мы выехали наверх — и оказались над облаками, у самой вершины горы Манод».

Представляете — там было солнце! В Маноде начиная с февраля более или менее непрерывно шел дождь, так что выехать на солнце — это было как будто открыть собственный кухонный шкаф и обнаружить там море и пляж. Папа опустил все стекла. Придурочный ягненок убежал обратно в тучу. После всей этой серятины казалось, что белизна овец и зелень лугов — это самые яркие цвета на свете. Даже сланец больше не был серым. Он стал иссиня-черным с серебряным отливом, будто старый «мерседес», который только что навощили. А в заднее стекло только и было видно, что накинутое на долину толстое грязное облачное одеяло, из которого вдали торчала вершина горы Блейно.

Впереди на дороге осталось совсем немножко щебенки, сквозь которую посередине росла трава, словно длинный-предлинный панковский ирокез. Слева виднелась старая пастушья хижина.

— Он, наверное, там, — сказал папа. — Больше нигде. — Говорил он уже не так быстро.

Когда мы подъехали поближе, то увидели двух человек в оранжевых куртках. Один был на квадроцикле. Только я разволновался, как папа остановил машину.

— Ты чего?

— Смотри. — Прямо поперек дороги и через весь склон шла ограда из колючей проволоки. — Всю вершину отгородили.

Мы вышли из машины и посмотрели через забор. Человек на квадроцикле поехал к нам. Ехал он целую вечность, а когда доехал, то даже с квадроцикла не слез и шлема не снял. Он сказал: «Чем могу помочь?» таким тоном, что стало ясно: помощи от него не дождешься, хоть виси на волоске над пропастью.

— Доброе утро, — сказал папа. — Мы привезли Лестеру газету.

— И кофе, — добавил я и показал чашечку.

— Отдайте мне. Я передам.

— Да, но... кофе остынет.

— Я передам.

— А забор... — сказала Минни.

— Это временное сооружение. Приносим извинения за причиненные неудобства. Как только строительство будет закончено, ограду уберут.

— Какое еще строительство? — спросил папа.

— Наше, — сказал человек в оранжевой куртке. Потом он положил «ФТ» на сиденье, а чашечку поставил в специальное приспособление у самого руля — и укатил.

Минни сказала:

— Это штаб-квартира преступной организации. Что я, штаб-квартир не видела?

Она показала на две штуковины возле старой хижины. Сначала их было не видно, потому что они сливались с травой и камнями. Но если присмотреться, то можно было различить по обе стороны хижины два купола. Вроде больших палаток, но совсем не мягкие и не провисшие. Они были сделаны из чего-то твердого, вроде двух больших черепаших панцирей.

Мы смотрели, как человек в шлеме подъехал на квадроцикле к одному из куполов и залез внутрь. Я сказал:

— Технодром!

Потому что было очень похоже. Если вы не знаете, Технодром — это штаб главного врага Черепашек Ороко Саки. Это такой большой, круглый, бронированный железный шар с комнатами внутри. Вроде дома, который может кататься. Только он, наверное, не катается. Папа и Минни не знали, что такое Технодром, так что ничего не ответили. Папа глядел вниз, в долину, а потом наверх, на небо.

Через некоторое время Минни начала нервничать, что пора в школу.

— Да, — сказал папа. — Занятно — оказаться там, где тепло и солнышко, а потом специально поехать под дождь. — Он так и стоял на месте. — А знаете, на свете есть места, где такая погода стоит круглый год.

— Как в Гамби, — сказал я. — Там вообще никогда дождя не бывает.

— Или как тут, — сказала Минни. — Похоже, тут всегда солнце. Смотрите, какая трава сухая.

— Да-да, — сказал папа. — Меня это просто несказанно бодрит.

Я удивился, что он так сказал. Куда ему еще бодриться-то?

И мы поехали назад по Планете Тряпок и всю дорогу ничего не говорили — только потихоньку серели. Но тут прямо перед нами в тумане загорелись две огромные фары. По гаревой дороге прямо на нас ехало что-то большое. Папа включил дальний свет и засигналил. Фары остановились. Мы тоже.

— Интересно, кто это? — сказал папа. — Надеюсь, он даст задний ход.

Ничего не произошло.

Тогда папа сказал:

— Дилан, пойдй скажи им, что им легче дать задний ход под гору, чем нам — в гору. Давай.

Я вылез из машины. Крутом действительно было как на другой планете. Я ничего не видел на расстоянии вытянутой руки, но слышал, как урчит двигатель, и даже чувствовал, как от него во влажном воздухе идет тепло — как от вентилятора с подогревом в туалете для клиентов. Я прошел четыре-пять шагов и только тогда увидел ее — кабину микроавтобуса, торчавшую из тумана, словно здоровенный подарок — из обертки. Весь фургон я не разглядел, но было ясно, что он такой же, как те, что мы видели на днях. На дверце было написано «FaV».

Я крикнул:

— Извините!

Было слышно, как опускают стекло, и голос из тумана крикнул:

— Что?

Лица я не видел.

— Папа говорит, вам легче дать задний ход под гору, чем нам — в гору!

— Передай папе, что он ошибается.

Я это обдумал. А потом сказал:

— Вы уверены? Обычно он не ошибается.

— И на старуху бывает проруха.

И все. Я услышал, как стекло подняли.

Папа рассердился. Съезжая задним ходом на траву, он бормотал: «Ни шута слепого не видно!» Двигатель микроавтобуса закашлял, и большие желтые глаза

двинулись вперед. Микроавтобус проехал в тумане мимо нас. Как только он проехал, папа начал снова заводить «мини». И перестал. Еще пара желтых глаз: мимо нас, разбрасывая из-под колес комья грязи и даже камни, проехал второй микроавтобус.

— Чтоб меня за ногу да в кувшин! — сказала Минни.

Потом проехал еще один микроавтобус. А за ним — четвертый, а потом пятый, шестой, седьмой...

Их было двадцать один. Да еще те два, которые уже проехали наверх. На вершине горы Манод было двадцать три микроавтобуса. Когда мы поняли, что микроавтобусы кончились, то поехали обратно в город. Но мы с Минни не отрываясь смотрели в туман за задним стеклом. Он был весь в габаритных огнях.

Когда мы вернулись в мастерскую, во дворе было полно машин. Их было так много, что мы еле-еле пробрались к двери магазина. Весь Манод видел, как микроавтобусы проехали по Хай-Стрит, а потом повернули налево, в гору. Все понимали, что что-то происходит, и все считали, будто мы наверняка знаем, что именно.

Миссис Порти стояла у кассы и говорила:

— Я слышала, будут строить телефонную антенну, а это ужасно, потому что от них же радиация, и хотя людей наверху нет, там же живут барсуки!

Мама держала на руках Макса. Вид у нее был усталый и недовольный.

— Ну что я тут могу поделать, миссис Порти? — сказала она.

— А я слышал, — сказал мистер Морган, — что там будет бункер для правительства на случай войны. Их

на вертолетах доставят на спортплощадку, а там будут ждать полицейские машины, чтобы отвезти всех на гору. А в фургонах завозили провиант — ну там, консервы и сушеные продукты. Там можно будет уютно устроиться аж на год, а то и больше.

— Как Бакстер Стокман, — сказал Том. Все посмотрели на него. — Это он изобрел мышероботов, которые могут прогрызать металл. А все думали, что у него их всего несколько. А потом Эйприл О'Нил нашла подземную пещеру, битком набитую мышероботами, — их там было несколько сотен, и они лежали и ждали. — Все по-прежнему смотрели на Тома. Он сказал: — Это в «Черепашках».

— А.. — сказали все. — Да...

Тогда Крепыш Эванс сказал:

— А я слышал, что это к лучшему.

Стало потише.

— Я слышал, что все эти фургоны и все такое — они поехали наверх, чтобы снова открыть каменоломню. В Маноде будет работа. Вот что я слышал. А вы как думаете?

— Это было бы замечательно, — сказала мама.

Мистер Хой сказал:

— Несколько дней назад к нам пришли молодые люди из Блейно — вроде бы на какую-то дискотеку. А вдруг это они? Вдруг это несовершеннолетние хулиганы?

Было видно, что маме все это уже надоело. Она уже собиралась выставить всех вон — и упустила бы великолепную возможность продать побольше товаров. Так что было хорошо, что тут вошел папа и закричал:

— Мы только что были наверху, так что спросите у нас.

Все заговорили разом.

Папа поднял руку и сказал:

— Но сначала — кто хочет кофе? Кому какого?

Примерно минуту все молчали. Потом мама Тома попросила бескофеиновый латте. Все уставились на нее. Никто же не знал, что Том читал ей по телефону «Кофейную кавалькаду».

Мистер Морган откашлялся и тоже попросил чашечку.

— Бескофеиновый латте?

— Кофе.

— Сию секунду.

Мама принимала заказы. Папа варил кофе. Я раздавал чашки. Это была отличная работа в команде. Я глядел на маму — исправилось ли у нее настроение. Папа протягивал ей большую чашку пенистого моккачино со взбитыми сливками. Папа был весь в облаках пара, словно джинн.

— А я слышала — токсические отходы, — сказала миссис Порти.

— Ну не сказал бы, — ответил папа. — Старую каменоломню обнесли колючей проволокой. И навели секретность. Думаю, токсические отходы не стали бы так охранять. Кому они нужны?

Все опять заговорили, и тут дзинькнула дверь. Все обернулись. Это пришел мистер Дэвис, мясник. Все так удивились, что даже ничего не сказали. Он не заходил к нам в магазин одиннадцать лет, почему — не знаю. Правда, на этот раз он тоже не совсем зашел — только сунул голову в дверь и рывкнул:

— Не думайте, будто я не знаю, что вы тут затеваете! Все, все знаю!

— Так скажите же нам, мистер Дэвис, что вы знаете, будьте так любезны, — сказала мама Тома.

— И я знаю, что вы все заодно! Да-да! Не думайте, будто я не знаю! Все в одну галошу гадите! — сказал мистер Дэвис.

И ушел.

Все посмотрели на папу. Он пожал плечами.

— В жизни в галошу не гадил, — сказал он.

Все засмеялись.

И тут зазвонил телефон, и все замолчали. Папа снял трубку. Все подались вперед и прислушались. Было слышно, что звонит мужчина. А папа говорил с ним очень вежливо и все время повторял: «Ну что вы, ничего-ничего. Конечно. Нет-нет, все отлично». И все такое. Мы сразу поняли, что это он. Когда папа повесил трубку, все набросились на него с расспросами. Папа сказал «т-с-с». Потом он сказал:

— Он поблагодарил нас за газеты и кофе. И добавил, что в дальнейшем будет приезжать за ними сам, чтобы не беспокоить нас.

— Вот видите? — сказала миссис Порти. — Ему нужно убежище. То же самое было в Лехведе, когда случилась та история с ветряной электростанцией.

— Но... — сказал папа. Все снова замолчали. — Нам было совсем не трудно, а если Дилан захочет завтра подняться наверх, ему покажут то, что его интересует.

Тут все до единого поглядели на меня.

Мисс Станнارد, судя по всему, очень удивилась. Она сказала:

— Вот уж не знала, Дилан, что тебя что-то интересует.

— А что тебя интересует, Дилан? — спросила миссис Порти.

Я пожал плечами:

— Мы с ним разговаривали про курочек.

— Про курочек?

— Про курочек.

— 9 — АПРЕЛЯ

АВТОМОБИЛИ:

ВСЕ. Все автомобили в Манодэ и с окрестных ферм

ПОГОДА: переменная облачность. То есть солнце вышло один раз. Все остальное время лил дождь

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Сколько пользы от яиц

Этот день я запомнил потому, что он был вообще ни на что не похож. Обычно меня никто не замечает, но в этот день все в Манодэ только на меня и глядели. Когда я уходил в школу, к мастерской подъехал Крепыш Эванс — поговорить с папой насчет того, что у него шумит коробка передач.

— Конечно, если насчет каменоломни правду говорят, коробка передач мне, может, и ни к чему, — сказал он. И подмигнул мне. — Ну что, сходишь на разведку, малыш Дилан? Пойдешь поглядеть, что там делается наверху?

— Не могу, — ответил я. — Школа.

Папа сказал:

— Ну школа может и подождать, правда?

— Вообще-то нет.

— Школа — дело нужное. Но если ты не пойдешь наверх — если учесть, что он об этом попросил и что он гость в нашем городе, — может получиться неловко, ты не находишь?

На это я сказал:

— Мне пора. — И ушел.

Когда мы шли по Хай-Стрит, мимо проехал на своем «лендровере» мистер Морган. Он притормозил и высунулся из окна.

— Ну что, малыш Дилан, был наверху? — спросил он.

— Нет, — ответил я. — Школа.

— А, конечно. Я просто так спросил, — сказал он.

Сначала я не обратил внимания, но когда мы проходили мимо «Мистера Мегачипса», мистер Хой как раз открывал его и спросил, был ли я уже наверху.

— Не могу. Школа.

— Ну, как сможешь. Я просто так спросил.

Когда мы подошли к дверям школы, на меня с расспросами набросились более или менее все. Было такое чувство, будто все в Маноде сошли с ума. Так что когда я вошел в школу, то вздохнул с облегчением.

То есть вздохнул бы, если бы мисс Станнард не сказала:

— А, Дилан Хьюз. Что-то ты рано.

— Нет, не рано.

— Раньше, чем я думала. Я думала, ты пойдешь на гору.

— Я не мог, — ответил я.

— Почему?

— Ну, это... школа...

Честное слово, уж она-то должна была понимать.

— А. — Она долго глядела на меня, как будто пыталась решить какую-то задачку. А потом спросила: — Ты дописал письмо нашим друзьям в «Гамби»?

Письмо я, конечно, не дописал — из-за всей этой суматохи с новым клиентом.

— Ну что ж. Раз тебе трудно придумать, о чем писать, вот тебе задание: поднимись на гору, узнай, что там происходит, и об этом и напиши.

— Что? Мисс Станнард, я должен пойти на гору? Прямо сейчас? Сам?

— Не сомневаюсь, что твой папа будет рад помочь тебе сделать домашнее задание. Я все ему объясню.

Папа забрал меня из школы, и мы поехали на гору. Когда мы выехали из облаков на солнце, папа на минуту остановил машину, вышел и немного походил под ясным голубым небом. Он уговаривал и меня выйти, но я остался в машине.

Потом мы подъехали к самой ограде, и папа просигналил фарами. Тут же к нам подкатили люди на квадроциклах. Я решил, что сейчас нас опять прогонят, но папа сказал:

— Мы привезли...

Тогда тот, который в шлеме, сказал:

— Я знаю, что вы привезли.

Он открыл калитку в ограде, и мы заехали внутрь. Проехали длинный низкий навес, под которым стояло человек шесть, а еще несколько человек то ли шли, то ли бежали к нему.

— Когда каменоломня работала, здесь была столовая, — сказал папа. Он остановил машину. И тут я понял, почему эти люди бегают. Они гоняли футбольный мяч. Один поймал его, повернулся и отбил назад. От ветра мяч закрутился и полетел к нам. Я выскочил из машины и как раз успел погасить его. Я поднял голову. Все махали руками и кричали: «Сюда! Сюда!» Я решил, что если сейчас покажу им, чего стою, они могут пригласить меня в команду. И как раз рассчитывал удар, как вдруг что-то случилось. Все опустили руки и пошли к навесу. Я обернулся. К нам шел Лестер. Он поздоровался. Папа сказал:

— Добрый день. Как вам «ФТ»?

— Спасибо, что привезли.

— А бензин? Надеюсь, что вам понравился.

— Бензин? — немного удивленно переспросил Лестер. — Прекрасный бензин. Прекрасный. Мне хотелось вам кое-что показать. — Тут он заметил, что у меня мяч. — Оставь его прямо тут, на лужайке, — сказал он.

Вот так вот. Даже ударить не дали. Лестер повел нас к старой каменоломне. Папа всю дорогу пихал меня локтем и шипел, чтобы я сделал заинтересованный вид и вел себя прилично.

— Мы сейчас спустимся в шахту. Последний раз я там был, когда мне было столько же, сколько тебе сейчас. Мы часто забирались туда, играли и курили хабарики. Потом вход забрали решетками. Тебе там понравится.

Мне бы гораздо больше понравилось, если бы мы успели немного погонять мяч.

Когда мы зашли в каменоломню, я сразу подумал про Бакстера Стокмана и его пещеры с мышероботами.

Я схватил папу за руку. Но оказалось, что там нет ни роботов, ни пещер. Было довольно уютно — вроде туннеля с неяркими желтыми лампами по стенам и приятным теплым ветерком, который дул неизвестно откуда. В пол для чего-то были вделаны рельсы.

А кругом стояли штабеля больших деревянных ящиков. Два человека в ярко-оранжевых куртках взяли ящик и установили его на тележку. Потом один встал спереди, а другой сзади, и они покатали ящик по рельсам вниз, в недра горы. Лестер глядел им вслед, пока они не превратились в две подпрыгивающие оранжевые точки, а потом улыбнулся нам и сказал:

— Идемте.

Один деревянный ящик был прислонен к стене, и на него светил яркий прожектор. Лестер поставил нас прямо перед ящиком. Оранжевые точки уже скрылись из виду, но стук колесиков по рельсам еще слышался. Лестер снял с ящика крышку и отошел в сторону.

То, что оказалось внутри деревянного ящика, было еще неожиданнее того, что оказалось внутри горы. Никакие не консервы и не токсические отходы.

Там была картина — портрет женщины, читающей книжку. Лицо у нее было цветное, одежда — черно-белая, а макушки не было совсем. А самое странное — одна грудь у нее выскочила из платья, как иногда печатают на обложках журналов. Я посмотрел на папу. Лестер посмотрел на нас обоих и сказал:

— «Манчестерская Мадонна».

— Ага, — сказал я и опять посмотрел на папу. По-моему, на Мадонну было совсем не похоже.

— Микеланджело, — сказал Лестер.

— Ага.

— Ты ее, наверное, никогда не видел. Она не такая известная, как другие. Забавно, что она некоторым образом связана с твоей пернатой подружкой Микеланджело: это же «темпера».

— Ага.

— Ее делают из яиц.

— Это сделали из яиц? — спросил папа.

Совсем плохи дела. Я начал думать, что Лестер, наверное, немного чокнутый, как Бакстер Стокман. Я решил не смотреть ему прямо в глаза и стал глядеть на женщину на картине. Вдалеке слышались какие-то крики. Наверное, те, снаружи, опять играли в футбик.

А Лестер продолжал говорить:

— Да-да! Для кого яичница, а для Микеланджело — шедевр. Думаю, теперь ты будешь любить его еще больше.

Папа спросил:

— Как это — из яиц?

— Думаю, Дилан объяснит все гораздо подробнее, — ответил Лестер. — Но в общих чертах смогу и я: сейчас художники пишут красками, в которых пигмент растворен в масле, а Микеланджело и его современники растворяли пигменты в яичном белке. Это называется «темпера».

— Ага.

Конечно, сейчас кажется, что это страшная глупость, но я понял, что картина нарисованная, только когда Лестер про это сказал. Женщина была ужасно похожа на настоящую, хотя и не как фотография. Я не знал, что это такое.

— Как видите, картина не закончена. Одевание Мадонны... — Опять Мадонна какая-то. — Одевание

Мадонны намечено светотенью, но потом, наверное, художник собирался сделать его голубым. Однако черно-белый контраст лишь добавляет выразительности. Как будто мастеру настолько не терпелось запечатлеть совершенную красоту лица девушки, что он начал работать, не дождавшись, когда у него будут нужные краски. Он понимал, что стоит ему помедлить лишь до утра, и очарование ее померкнет. Вот оно, Искусство, не правда ли? Спасение Красоты от губельного Времени. Спасение одного мига от вечного забвения.

— Определенно.

— Конечно, согласно Плинию, именно так искусство и зародилось. Одна девушка прощалась со своим возлюбленным. Он уходил на войну. Она поставила рядом с ним светильник и угольком очертила тень на стене. Бедняжке так хотелось, чтобы он остался с ней. Так и вижу, как великий мастер смотрит на эту девушку с тем же чувством. Так и вижу, как он дожидается партии лазурита, а она так и не прибыла. Лазурит — камень дорогой. Его растирали в порошок, растворяли в яичном белке, а потом тонким слоем наносили на полотно. Смотрите. Просто поразительно — так и ощущаешь тяжесть складок, а ведь они только намечены светотенью.

— Поразительно, — согласился папа. — Но про яйца — это тоже поразительно.

Я смотрел на картину не отрываясь. Нет, на Мадонну она совсем не была похожа. Даже в молодости. Еще на картине были мальчики: два совсем маленьких и два постарше. Маленькие возились и мешали девушке читать. Один из мальчиков постарше держал в руках что-то вроде старого носка, и оба пристально

его разглядывали, как будто это было, например, вещественное доказательство. На заднем плане виднелись контуры еще двух человек — то ли они, как в раскраске, ждали, когда их раскрасят, то ли только что материализовались на платформе нуль-транспортера. Но вот что странно: хотя вместо почти всей картины была какая-то мешанина, даже хотя у женщины не было макушки, лицо у нее было совсем как настоящее. Теплое.

— Как посмотришь на такую картину, — сказал папа, — так на всю жизнь о яичнице забудешь, разве что совсем уж проголодаешься. Но раз уж мы заговорили о яйцах, так имейте в виду, что мы вам можем сделать яичницу, омлет, безе — все, что захотите.

Вот он какой, мой папа. Великий человек. Даже если мы оказались на этом жутком Технодроме один на один с чокнутым изобретателем и картиной, сделанной из яиц, папа все равно помнит о главном. Он думает о «Сноудонском Авто-Чудо-Оазисе».

Лестер сказал:

— Честно говоря, яиц я не ем.

— Хорошо. А все эти люди наверху? Они здесь надолго? Потому что мы доставляем продукты на дом. То есть можем, в принципе. Были бы не прочь.

— Не хотелось бы вас задерживать, — сказал Лестер. — Ведь Дилану наверняка пора в школу.

— Вообще-то нет. Это ведь полезно для образования, если подумать, правда? Мы расскажем мисс Станард, и...

— Нет, — как-то слишком быстро сказал Лестер. — Нет. К сожалению, мне придется попросить

вас не распространяться о том, что вы здесь увидели. Прошу вас... ни с кем... об этом не говорить. Вообще ни с кем. Впрочем, об этом и упоминать не стоило.

Папа пообещал, что мы будем держать язык за зубами.

— В таком городе, как наш, хранить тайны трудновато, но мы постараемся.

— Спасибо.

— Так что это за тайна?

— Прошу прощения?

— Что вы тут делаете?

— Вероятно, чем меньше я вам скажу, тем лучше. Спасибо, что приехали.

Пока мы не прибыли обратно на Планету Тряпок, папа ничего не говорил. Но я видел, что он обо всем этом думает и пытается разобраться. Через некоторое время он сказал:

— Это абсолютно... — Он поглядел на тучу за окном, подыскивая нужное слово. — Непостижимо.

— Может быть, мы говорили о разных Микеланджело?

— Может быть.

У нас в Манодской средней школе бывают «мокрые перемены»: нам разрешают остаться в классе на большой перемене, если идет дождь, — а дождь идет, что да, то да. В классе у нас есть гигантские шашки, гигантские паззлы и рисовальный стол. Девочки обычно сбегаются к рисовальному столу и притворяются, будто рисуют птичек из отпечатков рук, а на самом деле просто болтают. Лично я обычно надеваю

куртку и иду забивать пенальти, а сланцевая статуя мне вместо вратаря. Больше никто во двор на большой перемене не ходит. То есть до сегодняшнего дня не ходил. Сегодня все стояли под старым велосипедным навесом. А потом, как только я вошел в ворота, бросились ко мне. Человек сто. Как в страшном сне — будто мы играем в пятнашки и все водят, кроме меня. Я пытался убежать, но бежать было некуда. Все столпились вокруг меня и кричали:

— Что там, наверху?

— Что ты видел?

— Что он тебе сказал?

— Что там делается?

Мисс Станнард увидела, что происходит, и подбежала к нам, свистя в свисток.

— Девочки, девочки, отойдите! — закричала она, разгоняя толпу. — Отпустите бедного мальчика!

Потом она вытащила меня из самой гущи и, кажется, сказала:

— Он мой!

Затащила меня в вестибюль, заперла дверь и говорит:

— Ну вот. Так что же? Что там, наверху? Что ты видел? Что он тебе сказал? Что там делается?

— Извините, мисс Станнард, я не могу вам рассказать.

— В чем дело?

— Он просил меня не распространяться, мисс Станнард.

— О чем не распространяться?

— Не знаю, мисс Станнард.

— У них были такие странные защитные костюмы, как у химиков?

— Нет-нет.

— Может быть, там что-то строят? Вышку или...

— Нет, мисс Станнард. Там ничего не роют, и вообще...

— Так что же ты там делал?

— Он показал мне картину, мисс Станнард.

— Какую картину?

— Женщину, мисс Станнард.

Она сразу стала какая-то серьезная.

— Какую еще женщину?

— Не знаю, мисс Станнард. Такую ничего себе. Он просил меня никому об этом не рассказывать.

— Он показал тебе картину с женщиной и велел никому не рассказывать?

— Он просил меня не распространяться.

— Наверное, ты все-таки понял, что это за женщина. Может быть, Шарлотта Черч*?

— Нет, мисс Станнард. На ней была какая-то простыня. Честно говоря, она не всю ее закрывала, а вокруг еще были мальчишки...

— То есть он показал тебе изображение неодетой женщины и сказал...

Тут я вспомнил кое-что важное.

— Мисс Станнард, — спросил я, — вы знаете Микеланджело?

— Дилан! Не надо опять про Черепашек!

— Но, мисс Станнард...

— Довольно. Если ты ничего не можешь нам рассказать, значит, ты пропустил уроки без уважитель-

* Шарлотта Черч — жительница Уэльса, юная певица, исполнительница классического репертуара.

ной причины. Придется мне вычесть у тебя два похвальных очка.

Интересно, как это ей удастся? Похвальных очков у меня нет ни одного.

Когда мы возвращались домой, стало еще хуже. Мы с Минни шли по Хай-Стрит.

— Минни, — говорю, — скажи, Мадонна — она из Манчестера?

— Нет.

— Так, может, есть какая-то другая Мадонна, не та, знаменитая? И какой-то другой Микеланджело — не весельчак?

— Дилан, обернись.

Я обернулся. За нами по Хай-Стрит шла вся школа. Дети. Их мамы. Мисс Станнارد. Даже Джордж, регулировщик. Они тащились за нами, словно длиннющая автомобильная пробка.

И когда мы пришли в мастерскую, там тоже был затор. Во дворе и на обочине стояли все манодские машины до единой. С дороги, наверное, казалось, что у нас тут ярмарка. Только никого во дворе не было. Все были в магазине. Когда мы с Минни вошли, началось не пойми что. Все меня дергали и задавали один и тот же вопрос. Куда подевалась Минни, я не понял. Мне стало страшно, и мама закричала:

— Извините! Здесь маленький ребенок! Пожалуйста, потише!

Все замолчали. Папа взял Макса у мамы, а потом сказал:

— Сегодня мы с Диланом были на горе, и должен сказать, приняли нас очень тепло. Но человек, который с нами разговаривал, — Лестер его зовут,

он попросил нас не распространяться о том, что мы там видели.

Тут все снова начали кричать. Макс разревелся. Все перестали кричать и начали извиняться.

— Был бы рад рассказать поподробнее, но не могу, — сказал папа.

— Очень подозрительно, — сказала мисс Станнارد. — Этот человек показал Дилану изображение легкомысленно одетой женщины и велел никому не говорить. Даже учительнице. Так не полагается.

— Изображение легкомысленно одетой женщины?! — сказал мистер Морган.

— Насколько я знаю, это была Мадонна.

— Портрет Мадонны? — спросила Мари, которой внезапно стало интересно.

И тут из того угла, где стоял компьютер, послышался голос Минни:

— Эта, что ли?

Все столпились возле монитора. Там была она — женщина с картины Лестера. На компьютере она выглядела не такой теплой, как в жизни.

— А! — сказала мисс Станнارد. — *Этот* Микеланджело!

— А! — сказала Мари. — *Эта* Мадонна!

Выясняется, что Мадонной называют мать Иисуса Христа, а «Манчестерская Мадонна» — это ее знаменитый портрет работы знаменитого старого мастера. Эта картина висит в Национальной галерее. Минни продолжала искать в «Гугле», чтобы узнать еще что-нибудь.

— Так что же делается в каменоломне? — сказала миссис Порти.

— Я же с самого начала говорила, — сказала Минни. — Международная преступная организация.

— Ах, так и знала, что с этим человеком что-то неладно, — сказала миссис Порти. — Слишком уж у него туфли блестят.

— 17 — АПРЕЛЯ

АВТОМОБИЛИ:

БЕЛЫЙ «МОНТЕГО» — Крепыш Эванс (полный бак бензина, коробка тянущек)

ПОГОДА: сыро

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Прекрасное рядом с тобой!

В этот день Крепыш Эванс уехал, а Зараза Эванс дала мне в глаз.

Оказалось, что все машины, которые заехали на гору, не имели никакого отношения ни к ограблениям, ни к открытию каменоломни. Газетный Артур все выяснил и напечатал в «Ежемесячнике».

ПРЕКРАСНОЕ РЯДОМ С ТОБОЙ!

Город Манод принимает самых именитых гостей за всю свою историю. Сейчас к нам «заехали» король Карл, Иоанн Креститель и святой Георгий.

Читатели, конечно, помнят, какой переполох в финансовом секторе возник в прошлом году из-за крупных наводнений. Королевская фамилия была вынуждена переселиться в Балморал,

поскольку оставаться в Букингемском дворце было небезопасно. Футбольный клуб «Арсенал» по тем же причинам переехал в Милтон-Кейнз. Палата общин перебазировалась в Бирмингем. А коллекция полотен Национальной галереи отправилась в некое «тайное убежище». Оказалось, что это город Манод.

Само собой, сведения это секретные. Однако публикация в «Манодском ежемесячнике» не нарушает эту секретность, поскольку его все равно никто не читает.

Как сказал папа, все мы должны гордиться тем, что Манод — это «тайное убежище». И для нас большая честь, что все эти картины сейчас находятся в нашем городе.

— Из этой чести шубы не сошьешь, — сказал Крепыш Эванс.

— При чем тут шубы? — сказал папа. — Это же искусство. Это здорово. Совсем другое дело. Теперь мы не сможем жить по-прежнему. И двинемся вперед по дороге прогресса.

— Лично я двинусь вперед, это точно. По дороге до самого Лондона, — сказал Крепыш.

— Зря ты так. Как раз когда дела пошли в гору...

— На этой горе одни тучи, — сказал Крепыш.

Он залил полный бак и попросил коробку тянучек. У нас продаются такие коробки с видом на гору и красивой надписью «На память из Манода» на крышке. Их никто не покупал с тех самых пор... да вообще-то ни разу. Коробки слегка запылились, так что, прежде чем давать одну из них Крепышу, я протер ее тряпочкой. Папа сказал:

— Кутить так кутить. Может, купишь «мини-купер-эс», раз такое дело?

— Нет. Спасибо. Пора мне ехать.

Он немного постоял, глядя на коробку. Потом посмотрел на гору. словно искал десять отличий. Что не заняло бы у него много времени, поскольку на коробке гора вся зеленая и покрыта ромашками и овечками, а настоящая гора — здоровенное серое пятно, как будто кто-то взял и стер ее гигантской резинкой.

Папа пошел принести Крепышу сдачу, и Крепыш сказал — очень тихо, только мне одному:

— Присмотри за моей малышкой, ладно?

— За кем?!

Он поглядел на меня очень странно, и тут я понял, что это он про Заразу Эванс. Честно говоря, я никогда не считал ее малышкой. Я сказал:

— Да-да, конечно. Не беспокойтесь.

— Спасибо.

— А как это — присматривать?

— Ну, в школе. Не бросай ее. Она будет скучать по папе.

— А...

На «мокрой перемене» я предложил Заразе сыграть в «четверку»*. И спросил:

— Ты как?

Она сказала:

— Чур, я хожу первая. Я играю синими. Ты — красными.

* «Четверка», или «собери четыре», — настольная игра, похожая на крестики-нолики. Цель игры — выставить на доске ряд из четырех шашек своего цвета по вертикали, горизонтали или диагонали.

— Ага. А ты как?

Она уставилась на меня.

— Ну, папа твой уехал, правда?

Она поманила меня пригнуться пониже к столу с «четверкой», а когда я пригнулся, дала мне в глаз.

— 21 — АПРЕЛЯ

АВТОМОБИЛИ:

БЕЖЕВЫЙ МИКРОАВТОБУС «ЛУТОН» — «Братья Брейк»

«ЛЕНДРОВЕР» — мистер Морган и Шван

ПОГОДА: сыро, потом мокро

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: В Маног прибыла тайская кухня!!!

Обычно я не обращаю внимания на микроавтобусы, но этот я запомнил. Этот день я вообще запомнил целиком. Папа с утра поехал в мелкооптовый магазин. Обычно он привозит оттуда хлеб, молоко и что-нибудь для прилавка со сладостями, если они у нас кончаются. Сегодня он привез пятьдесят пакетиков растворимого супа и пятьдесят упаковок растворимой лапши (двадцать — с курицей и кукурузой, двадцать — с говядиной-барбекю и десять — с курицей с ананасами по-тайски). Курица с ананасами по-тайски — это у них новинка.

— Никогда не пробовал тайской кухни, — сказал Том. — Да и никто в долине наверняка не пробовал.

Мама разнервничалась.

— Может, не стоило покупать растворимую лапшу, когда у нас на бензин денег нет? — сказала она.

— Ты, кажется, говорила, что нужно сделать из «Оазиса» не просто автозаправку? — сказал папа. — Там, наверху, живет человек десять, не меньше. А значит, десять потенциальных покупателей. Растворимый суп, крем для обуви, ксерокс. Они раскупят все быстрее, чем мы им чеки пробьем.

— Да, но...

— Мистер Морган говорит, что купит «мини-купер» для своей дочери. Так что на бензин нам хватит. А растворимая лапша хранится дольше, чем радиоактивные отходы. Не волнуйся. Все путем!

Мы с Минни выстроили в магазине целую башню из упаковок растворимой лапши — почти с Минни ростом. Я думал, она расстроится, что в каменоломне, оказывается, нет никаких нелегальных штаб-квартир, а только картины. Но Минни не расстроилась. Она сказала:

— Искусство и преступление не могут друг без друга, как рыба и жареная картошка. В этой Галерее половину картин хоть когда-то, а воровали. Во время войн их крали солдаты. Это называется «трофеи». Некоторые картины стоят целое состояние. Кто-нибудь обязательно попытается их свистнуть.

— Да, но не оттуда же. Они же на горе, и в каменоломне.

— Ну и что? Знаешь, кто обычно ворует картины? Мафия.

— Мафия? Почему?

— Чтобы расплачиваться ими вместо денег. Если один мафиозо должен заплатить другому мафиозо, ну например, двадцать миллионов фунтов, он шлет ему

не чек или наличные, а картину. Тогда банки об этом ничего не знают. Засечь труднее, понимаешь?

— Не может же картина стоить двадцать миллионов.

— Некоторые стоят. Поэтому их и прячут в каменоломню.

— Ну прямо, двадцать миллионов...

— Несколько лет назад человек на белой «воксхолле-нове» украл из одного замка в Шотландии картину да Винчи, которая стоила пятьдесят миллионов.

— Да уж, теперь он, наверное, на «нове» уже не ездит.

— Он бросил «нову» в лесу неподалеку и дальше поехал на черном «БМВ-5» — совсем как у Лестера. Может, это Лестер и был. Вид у него подозрительный.

— Ну знаешь, если бы он натырил пятьдесят миллионов, то купил бы себе шестую модель вместо пятой.

— Слушай, Дилан, а когда ты разговаривал с Лестером — ну тогда, про цыплят, — о чем он тебя спрашивал?

— Ни о чем. Только как их зовут.

— И все?

— Он хотел узнать, кто их так назвал. Я ему сказал, что я. А чего ты спрашиваешь?

— Так, думаю.

Люблю, когда Минни думает. От этого обычно бывает много пользы.

Башня из растворимой лапши чуть-чуть скособочилась, но устояла.

Когда мама увидела, какая из лапши вышла башня, она снова начала ворчать:

— Сколько ты потратил?

— Чтобы заработать денег, надо что-то вложить, и кто не рискует, тот не пьет шампанское, — сказал папа.

— Я не хочу ничего пить, я хочу выплатить долги!

— Представь себе, что ты — крепкий мужчина, который только что провел машину по горной дороге. Он устал. Он напряжен. Ему все равно нужно выйти из кабины, чтобы открыть ворота. Он слышит запах кофе. И думает: ну чашечку. Идет на запах, попадает в магазин, а там...

— Курица с ананасами по-тайски, — подхватил Том. — Разве можно пройти мимо?

— А если он не остановится? Если он едет по дороге с горы и только и думает, как бы поскорее оказаться внизу? Если он едет и думает: «Зачем мне останавливаться возле мастерской, когда можно доехать до „Асды“ и купить там готовый завтрак, газеты, вкусные фрукты и овощи?»

— И сумочку, — сказала Мари. — Там продают такие миленькие сумочки через плечо с вышивкой — цветами и всяким разным. В «Асде».

— И пиццу, — сказал Том. — Свежую пиццу. Можно даже заказать, с чем хочешь, хоть с ветчиной и горошком.

— А я вам объясню, почему он не поедет в «Асду», — сказал папа. — У нас индивидуальный подход к каждому клиенту. — Он посмотрел на меня. — Лестеру нравится Дилан. Поэтому у нас индивидуальный подход.

Миляга Том спросил:

— А почему? Почему ему нравится Дилан?

— Да, — сказала Мари. — Наверное, вы его неправильно поняли.

— Нет, — сказала мама. — Наоборот, это очень даже понятно. Дилан всем нравится. Все его любят. Он симпатичный.

— Если не нужно масло поменять, — сказал папа.

— Нет, — сказала Минни. — Мы его действительно неправильно поняли.

Все посмотрели на нее.

— Дилан сказал Лестеру, что это он придумал называть курочек Микеланджело и Донателло. Лестер ничего не знает про Черепашек. Он считает, что Дилан назвал своих цыплят в честь великих художников эпохи Возрождения. Он думает, будто Дилан интересуется искусством.

Папа поглядел сначала на меня, а потом на башню из лапши. Мама сразу поглядела на башню из лапши.

Минни продолжала говорить:

— Если Лестер побеседует с Диланом еще раз, то сразу поймет, что совершил глупую ошибку. И тогда прости-прощай индивидуальный подход.

— Почему никто мне раньше этого не объяснил? — прошептал папа.

Точно так же он шептал, когда обнаружил путаницу с машинным маслом и антифризом.

— Я только сейчас это поняла, — сказала Минни.

— Как это он ничего не знает про Черепашек? — сказал Том. — Он что, совсем дурак?

Нечего и говорить, что мама расстроилась, так что они с папой еще немного покричали друг на друга, а мы с Минни улизнули в школу. Только мы прошли мимо тренажерного зала, как папа бегом нас догнал. Он явно о чем-то думал. Он всегда о чем-то думает.

— Дилан, мне надо с тобой поговорить, — сказал он.

Мы пошли и сели под забором с росписью — как раз под панелью «Элвис впервые приходит на студию

„Сан“» — и папа рассказал мне о Лютере Блиссете. Я про него никогда не слышал. Папа сказал:

— Он играл за «Уотфорд» в восьмидесятые годы.

— Меня тогда еще не было.

— Да-да. Но он играл за «Уотфорд» как раз тогда, когда и Джон Барнс. Ты же знаешь Джона Барнса?

— Забил потрясающий гол в матче с Бразилией в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году, — сказал я.

— Точно. Так вот, и Барнс, и Блиссет оба играли в нападении. Ясно? У «Уотфорда» было два нападающих, один из них — Джон Барнс. Тот самый Джон Барнс, который забил гол бразильцам, который был лучшим игроком Англии тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года, который играл за Англию семьдесят девять раз, который написал «Энфилдский рэп». А еще Лютер Блиссет — прирожденный забивальщик голов и просто хороший парень. И тогда «Милан» — один из самых крупных и богатых спортивных клубов в Европе — решает купить одного из них. Которого?

— Джона Барнса.

— Купили Лютера Блиссета.

— Почему?

— По ошибке. В «Милане» знали, что в «Уотфорде» двое нападающих, и купили не того.

— А... как это?

— Да не в этом дело. Дело в том, что Блиссет — р-раз! — и перелетел из «Уотфорда» в «Милан». Не важно, по ошибке или нет, — он уже там. И все, что ему остается, — это начать играть гораздо лучше, и тогда никто ничего не заметит.

— И у него получилось?

— Честно говоря, не совсем. Забил за сезон всего пять голов, и его продали обратно в «Уотфорд». Но

дело в том, что он побывал в «Милане». Все его любили, а когда он вернулся домой, то играл гораздо лучше. Он забил за одну игру в сборной Англии три мяча и стал самым результативным игроком за всю историю «Уотфорда».

— И что?

— А то, что быть самым великим — это не важно. Важно делать все, на что ты способен.

— То есть?

— Это.

— Что — это?

— Все это. Вся эта история с картинами, и вообще.

— А. Ну так они мне сказали, что потом можно будет сыграть. Если я опять приеду на гору...

— Да я не про футбол.

— Как — не про футбол? Ты же тут говорил про Джона Барнса и Лютера Блиссета...

— Я говорил про тебя. Я вот о чем: Лестер считает, что ты гений вроде Джона Барнса, а мы все знаем, что ты, ну, ты просто Дилан. И ничего страшного. Считай это подвернувшимся шансом. Лестер думает, что ты умный. Тебе остается только притвориться умным...

— Да я пробовал в школе. Не получается. Может, лучше сказать, что умная у нас Минни, а не я? Что он ошибся?

— Таким, как Лестер, не нравится, когда им говорят, что они ошиблись.

Тут я начал думать, что никакого плана у папы на самом деле нет. И тогда папа сказал:

— Ладно, план такой. Минни умная, это да. Пусть она научит тебя про Микеланджело и все такое. А ко-

гда будет нужно, она пойдет с тобой. Так что все, чему она тебя не научит, она тебе подскажет.

Гениально!

Минни все это страшно понравилось.

— Это же настоящая афера! — сказала она. — А мы все будем жулики! И устроим мошенничество!

Она так обрадовалась, что даже не могла смирно стоять на месте.

Я сказал:

— Я не мошенник. Я просто вежливый.

— Ладно-ладно!

Мы сидели за школьным компьютером и читали про Микеланджело в «Википедии». Там говорилось, когда он родился и где, — и я никак не мог это выучить. А еще там были его картины. Самые знаменитые — роспись Сикстинской капеллы в Риме. Это такая церковь, в которой он все стены разрисовал сценами из Библии. И рисовал все сам, потому что считал, что таких хороших художников, которые могли бы ему помочь, нету. Он рисовал, лежа на спине на лесах. Пару раз падал. Папа Римский еще сердился, что он так долго рисует. Ну, спрашивайте дальше. Теперь-то я все-все помню.

Так я и сказал дома папе:

— Спрашивай дальше. Все, что хочешь, про Микеланджело.

Папа сидел у кассы на одном из наших дешевых садовых стульев. Он спросил:

— Где он родился?

— Честно говоря, этого Дилан не помнит, — сказала Минни. — Но ты можешь спросить у него все остальное. Спроси про Сикстинскую капеллу...

— Хорошо...

Но спросить меня он не успел. Потому что пока он думал, что сказать, приехал бежевый микроавтобус. Это был обычный микроавтобус «лутон», но весь разрисованный: на нем были нарисованы люди в поварских колпаках и галстуках бабочкой — они держали в руках кастрюли, а дым из кастрюль вился так, что получалась затейливая надпись: «Братья Брейк — готовые блюда». Водитель припарковался, подошел к двери и сунул голову внутрь. К сожалению, на нем не было ни колпака, ни галстука. Дверь сказала «дзинь», а водитель спросил:

— Скажите, это Манод? На А496 нет таблички.

— Табличка не является бюджетным приоритетом, — горько ответил папа. — Чем могу служить?

— Где тут Горная Дорога? — спросил водитель, как будто считал, что это название — ну как «Лондонское шоссе». Но мы его сразу поняли. Так что было немного странно, что папа ему не ответил. Он словно застыл.

— Горная Дорога, — повторил водитель. — Ничего не напоминает?

Папа так и не оттаял.

Минни сказала:

— Так она прямо тут и начинается, сразу за воротами.

Водитель ушел. Папа смотрел, как он открывает ворота, забирается в кабину, проезжает в ворота, вылезает из кабины и закрывает ворота, — и все это время папа ничего не говорил и не шевелился.

Оказалось, что «Братья Брейк» продают барам и кафе замороженную пищу. Но не простую.

— Жареные куриные крылышки по-китайски, говядину с фасолью по-чилийски, пироги с мясом по-деревенски, — сказал папа.

— Ну как, — сказал он маме, — как, как, как нас угораздило подумать, будто они не позаботились о поставке провизии заранее?! С чего мы вбили себе в голову, будто можем им понадобится?!

— Не вини себя, — сказала мама.

— А я себя и не виню, — сказал папа. — Я тебя виню.

— Если хотите, я могу приготовить говядину с фасолью по-чилийски, — сказал Том. — Я умею.

— В этом-то и дело! — сказал папа. — Зачем возиться, если тебе привезут замороженную? Им привезли целый фургон заморозок от «Братьев Брейк» — что им еще нужно? Ничего. Зачем им наш растворимый супчик, когда у них там ведра бульона и минестроне? К чему им глядеть на лапшу, когда им привезли утку по-пекински? Они здесь вообще ничего покупать не будут!

— Утка по-пекински — это же вкусно, — сказал Том.

После обеда мистер Морган приехал со своей дочерью взглянуть на «мини-купер». Папа разрешил мне помочь ему вымыть машину и отполировать ее с воском, а потом отчистить покрышки. Выглядела она как новенькая. Папа выкрасил ее в такой ярко-красный цвет, в какой красят гоночные автомобили. Дочку мистера Моргана зовут Шиан. Она сказала, что машина просто прелесть, но ей не нравится цвет.

— Но это же гоночный красный, — сказал папа. — Как в фильме — ну вы, наверное, смотрели — «Ограбление по-итальянски».

— Нет, не смотрела. Для меня такой оттенок слишком агрессивный.

— Как это? — сказал папа. — Как цвет может быть агрессивным?

— Психология цвета, понимаете? Красный. Как в корриде. Маленький красный автомобиль, несущийся по зеленым полям, — это как красная тряпка для быка для некоторых водителей-мужчин. Меня будут перегонять, подрезать и так далее. А иначе почему цвет называется «гоночный», как ты думаешь, па?

Мистер Морган сказал:

— Она учится в университете на психолога. Разбирается в таких вещах.

— Я же специально сделал так, чтобы «купер» был совсем как в «Ограблении по-итальянски», — сказал папа. — Это фильм про то, как в Италии ограбили банк и смылись на «мини-куперах».

— Наверное, это очень агрессивный фильм, — сказала Шиан.

Так что «мини-купер» мы не продали. И растворимую лапшу, судя по всему, тоже не продадим.

— 25 — АПРЕЛЯ

АВТОМОБИЛИ:

«ФОРД-СКОРПИО» — сержант Хантер

«ЯГУАР-ИКС-ДЖЕЙ 42 V8 СУВЕРЕН» (регистрация IN5UR3) — Барри и Тон из страховой компании

ПОГОДА: сыро, потом дождь

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Иногда грузья оказываются переодетыми врагами

Черепашки учат еще и тому, что ошибиться может кто угодно. Например, в серии «Записки из подполья» Черепашки убегают по туннелю от трех чудищ-камне-едов и попадают в подземный город. Там живет загадочное Существо, которое спасает их от чудищ, так что Черепашки — естественно — думают, что оно на их стороне. Но на самом деле у него другие планы — оно хочет, чтобы Черепашки навсегда остались в подземном городе. Им приходится с боем прорываться на волю, потому что Существо напускает на них разумную магму.

Так что ничего удивительного, что иногда человек путает масло с антифризом. Или когда человек просыпается среди ночи, слышит, что в гараже кто-то возится, выглядывает в окно и видит, что там горит свет, — так вот, нет ничего удивительного, что человек решает, будто это его папа перекрашивает «мини-купер» из гоночного красного в какой-нибудь другой цвет. Ошибиться тут очень легко, и человек даже не поймет, что ошибся, пока не спустится на следующее утро вниз и не обнаружит, что его папа разговаривает с сержантом Хантером о том, что «мини» угнали.

Сержант Хантер посмотрел на меня и спросил:

— Ты что-нибудь слышал, малыш Дилан?

— Да.

— Что?

Я рассказал, что ночью в гараже горел свет и дверь была открыта.

— Во сколько?

— В четверть четвертого. А минут через десять я услышал шум мотора.

Папа очень удивился:

— И ты ничего не сказал?!

— Я думал, что это ты его перекрашиваешь.

— Зачем мне заводить мотор, если я перекрашиваю машину?

— Не знаю. Может, ты решил проехаться, чтобы краска быстрее высохла.

Папа зашипел. Мы ушли в школу.

От того что в Маноде наконец-то совершено преступление, Минни пришла в восторг.

— Преступность обычно возрастает волнообразно, — сказала она. — Значит, это только начало.

Всю дорогу в школу она заглядывала в лица прохожим, чтобы выяснить, не принадлежат ли они к криминальному типу.

— Не исключено, что похитители все еще среди нас, — сказала она.

Как только мы пришли в школу, она начала всем об этом рассказывать. К началу уроков уже все девочки сбежались в наш класс, чтобы послушать, как среди ночи в гараж вломилась вооруженная до зубов банда и угнала наш вылизанный «мини-купер» с форсированным двигателем — вероятно, чтобы ограбить банк.

— Машины обычно угоняют, чтобы уехать на них после совершения других, более серьезных преступлений, — сказала она. — Возможно, наш «мини» уже догорает где-нибудь в кювете на полпути в Бирмингем.

А потом она всем раззвонила, как я посмотрел в окно и принял этих вооруженных бандитов за своего папу. Все очень смеялись. Сначала я не понимал, почему мисс Станнард не разгонит девчонок по клас-

сам, а потом заметил, что она тоже сидит за партой и слушает.

— Продолжай, Минни, — сказала она. — Отличная тренировка навыков устного рассказа.

Минни даже написала об ограблении в «Гамби». Днем я получил письмо от Джорджа.

Дорогой Дилан!

Спасибо тебе за письмо. Оно было очень скучное. Это правда, что ты принял банду вооруженных головорезов за своего папу и отдал им ключи от машины? Папа, наверное, рассердился. Пожалуйста, напиши мне еще какие-нибудь смешные истории о жизни в Маноде. Не пиши больше скучных писем!

Жду ответа, как соловей лета.

Джордж

А во время завтрака Зараза Эванс стала показывать на меня пальцем через всю столовую и смеяться, и смеялась очень долго и очень громко. Мне ужасно захотелось домой. Там, по крайней мере, уже знали все подробности.

Но когда мы пришли домой, во дворе стоял «ягуар-4.2» (предельная скорость 155 миль в час!!! Разгоняется до 60 миль в час за 6,3 секунды). В магазине было два человека в костюмах. У одного был мобильник в нагрудном кармане, а у другого — большие обвислые усы, как у моржа.

— Привет, малыш, — сказали они, когда я вошел. — Кажется, ты все видел?

— Ну...

— Кстати, меня зовут Барри, — сказал усатый. — А это Тон.

— Тон-тон-тон, телефон, — сказал Тон и шутки ради сделал так, чтобы мобильник у него запищал. — Мы из страховой компании.

Они говорили по очереди, будто клоуны из детской передачи.

— Мы хотим узнать, что именно ты видел, — сказал Барри. — Только не спеши. — Он достал блокнот.

Я сказал:

— Вообще-то ничего особенного. Проснулся, услышал шум, в гараже горел свет, вот и все.

— Когда?

— В тринадцать.

Оба записали время и сказали мне спасибо. Минни спросила, не считают ли они, что нас ждет волнообразный подъем преступности.

— Будем надеяться, что нет, — сказал Барри. — Мы решили расследовать этот случай поподробнее, потому что он очень необычный. Уровень преступности в Манчестере самый низкий в Великобритании. Как правило. Нам стало интересно, что же изменилось.

С этими словами он посмотрел прямо на папу.

Папа сказал:

— На ночь я запер гараж. Дверь взломали. Пойдите сами посмотрите.

Барри посмотрел на меня и спросил:

— А ты помнишь, от чего ты проснулся? Может быть, тебя разбудил грохот, треск или что-то в этом роде?

Я как следует подумал и сказал:

— Нет. Нет, не помню.

— Понимаешь, мы пытаемся собрать улики, чтобы выяснить, почему это случилось, — сказал Тон.

— А раньше не случалось, — сказал Барри.

Улики. Я очень сильно задумался. Может быть, если я вспомню улику, эти бандиты больше никого не ограбят.

— Ты слышал голоса? Шум мотора другой машины? Понимаешь, мы пытаемся понять, как они сюда попали.

— Нет, не слышал, — сказал я.

— Не заходил ли к вам в мастерскую в последнее время кто-нибудь не совсем симпатичный? Чутьочку подозрительный? Криминального типа?

Только он это сказал, как я посмотрел на Минни. Вид у нее был такой, как будто она вот-вот ляпнет: «Том». Так что я вмешался и сказал:

— Нет-нет. Точно нет.

— Точно нет?

— Точно нет.

Барри посмотрел на папу.

— А сам автомобиль... это я так, для проформы спрашиваю... это был ярко-красный «мини-купер-эс»?

— Да-да.

Я сказал:

— Салон под орех, кожаная рукоятка переключателя передач и фигурные диски. — Они посмотрели на меня. — Папа поставил на колеса фигурные диски. Они смотрелись просто обалденно. Понимаете, папа хотел продать «мини» дочке мистера Моргана, чтобы выручить деньги на бензин. Поэтому он и постарался, чтобы машина выглядела на все сто. Но дочке мистера Моргана не понравился цвет. Правда, пап?

Папа кивнул. Двое в костюмах, кажется, были очень довольны, так что, может быть, я назвал какую-то важную улику.

— Вопросы? — спросил Барри.

Я спросил:

— А правда, что у «ягуара» есть датчики высоты, которые при скорости больше ста миль в час опускают кузов на пятнадцать миллиметров для улучшения аэродинамики и устойчивости на дороге и для экономии топлива при поездках на высоких скоростях?

— Не знаем, — сказал Тон.

— Ездить со скоростью выше ста миль в час запрещено законом.

— А мы никогда не делаем ничего противозаконного.

Они все равно сказали мне спасибо и попросили позвонить, если я еще что-нибудь вспомню. Барри подарил мне ручку, на которой сбоку золотыми цифрами выбит его телефонный номер. Какой славный человек!

Когда они уехали, папа ушел в гараж, хотя все в Маноде знали, что ремонтировать ему там нечего. Когда мама принесла ему туда чай, он ее не пустил. И не вышел, когда я стал загонять курочек в кроличью клетку. Я уже хотел вернуться в дом, как тут дверь гаража открылась, и папа стоял на пороге и смотрел на меня.

Я сказал:

— Ну привет.

Папа сказал:

— Привет, сынок.

Кажется, больше он ничего говорить не собирался. Тогда я сказал:

— Папа, прости, пожалуйста, что я не понял, что это грабители.

Папа по-прежнему ничего не говорил.

— Если бы можно было загадать желание, я бы загадал, чтобы машина нашлась.

Он уставился на меня, а потом сказал:

— Хочешь, позабываем пенальти?

Что за бред? Если бы папа предложил мне залить масло, я бы и то не так удивился. То есть папа, конечно, иногда играет со мной в футбол, но только если я его попрошу два миллиона раз. Первые десять ударов он стоял на воротах. Следующие десять на воротах был я, потом мы поменялись и еще раз поменялись, пока не оказалось, что мяч стало совсем не видно — только белая клякса в темноте. Игра была просто супер, и я выиграл — 83:77. Потом мы немного посидели на крыльце и посмотрели, как плывет за облаками луна. Папа сказал:

— Когда едешь куда-то на поезде, нужно обязательно брать с собой зебру.

— Чего?

— Дело в теории вероятностей. Знаешь, как работают страховые компании? Они высчитывают вероятность того, что что-то произойдет. Например, машину обязательно надо страховать, потому что рано или поздно ты ее с какой-то вероятностью разобьешь. Ну, скажем, с вероятностью один к ста. А когда едешь на поезде, вероятность попасть в катастрофу еще меньше. Где-то один к миллиону. А вот для зебры вероятность пострадать в железнодорожной катастрофе практически нулевая. Зебры почти никогда не попадают в катастрофы. Так что бери зебру, садись с ней в поезд — и точно не пострадаешь. Ясно?

— Вообще-то нет.

— Я хочу сказать — умей о себе позаботиться. Понятно?

Как-то он сложно выразил эту мысль. Но вечер получился абсолютно потрясный.

Эта история с футболом так меня удивила, что я удивился гораздо меньше, чем стоило бы, когда утром спустился вниз и обнаружил, что мама уже встала, а папа от нас уехал.

— 26 — АПРЕЛЯ

АВТОМОБИЛИ:

«ЯГУАР-4.2» — Барри и Тон

ПОГОДА: проливной дождь

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Суперфутбол

Утро я запомнил в основном из-за завтрака. Перед школой мы сидели в магазине, и тут подкатили на своем «ягуаре-4.2» Барри и Тон. Они хотели поговорить с папой. Мама спустилась и сказала:

— Извините, мистер Хьюз уехал по делам.

А потом взяла Макса, пошла и легла обратно в постель.

Мы все переглянулись. Раньше папа никогда не уезжал по делам. А мама раньше никогда не ложилась обратно в постель.

Я спросил:

— И что же нам делать?

— А я тебе скажу, что нам делать, — сказала Мари. — Нам надо нормально позавтракать. Хватит есть эту гадость, от которой молоко желтеет.

И она взяла упаковку лапши с курицей и ананасами и залила ее кипятком из «гаджии».

Я решил, что это как-то не вовремя, но пахло вкусно.

— Ну и как? — спросил я.

— Вроде горячего арахисового масла пополам с веревочками. Ничего, вполне.

Минни сказала:

— Давайте все съедим по порции, чтобы зарядить мозги. Нужно выработать план.

— А что, растворимая лапша заряжает мозги?

Минни взяла упаковку, прочитала список всех химикалий и всяких там «Е» и сказала:

— Если от этого думать не начнешь, значит, уже ничто не поможет.

Так что я тоже сделал себе порцию. А когда пришел Том, мы и его накормили. Набив рот лапшой, он спросил:

— А куда поехал мистер Хьюз?

— По делам, — сказала Мари. — Потому что мастерская себя не окупает. А все Дилан виноват. Потому что это из-за него грабители угнали «мини».

Как будто я сам этого не знал.

— Интересно, что у него за дела? — сказал Том.

— Дело не в этом, — сказала Мари. — И не в том, кто виноват. Дело в том, что мастерская себя не окупает. Если мы хотим, чтобы папа вернулся, надо зарабатывать больше денег.

На словах-то кажется, что это проще простого.

— Можно встать на путь криминала, — сказала Минни.

— Без меня, — сказал Том.

— Да брось ты, Том! Если один раз не получилось, это не значит, что уже никогда не получится. Надо пытаться — снова и снова. А на этот раз тебе поможем мы.

— Нет, Минни, понимаешь, я же исправился.

— Ну, раз так, тогда ладно, — сказала Минни.

— Точно? — спросил Том. Он забеспокоился. — Если без этого никак нельзя, я, наверное, сумею совершить одно крошечное преступленье...

— Не нужно, — сказала Мари. — Эти люди по-прежнему наверху. Им по-прежнему приходится проезжать через наш двор. Они по-прежнему наши потенциальные клиенты. Осталось придумать, что им продавать. Будут какие-нибудь предложения?

Предложений ни у кого не было. Я так просто сидел и жалел о том, что не остановил угонщиков. И не могу разыскать машину. Или хотя бы улики.

Том сказал:

— Можно продать мой набор гибких Черепашек. Коллекционеры их очень ценят.

— Спасибо тебе большое, Том, — сказала Мари, — но ведь ты и так уже продал много сувениров с Черепашками. Правда-правда, все равно спасибо.

— Тьфу, — сказал Том.

— Может быть, все-таки устроить дискотеку? — продолжила Мари. — Дискотека — это так здорово. Я давно об этом думаю. Из гаража получится отличный зал. Подберем музыку, повесим зеркальный шар... Вся школа сбежится.

— Раз заплатят за вход, другой заплатят, а потом всем надоест, — сказала Минни. — И откуда тогда прибыль?

— Ну и пожалуйста! — взвилась Мари. — Уже и предложить нельзя!

И тогда Минни сказала:

— Пироги.

Все только рты разинули. Минни гений, это факт. Правильно Том сказал: «Люблю пироги. И все их любят».

— Утку по-пекински им привезли, это мы знаем, — сказала Минни, — а вот как насчет пирогов? А также пряников, кексов, тортов и пирожных? Наверное, нет. Печь мы можем и сами, так что обойдемся без накладных расходов.

— А что мы будем печь? — спросил Том. — Например, имбирное печенье — это ведь не очень вкусно.

— Мы напишем меню и будем печь только по предварительным заказам. А главное, будем придумывать выпечку сами. Особые рецепты для тех, кто имеет дело с произведениями искусства на вершине горы.

Так мы и придумали пирог «Пикассо». И торт «Тернер». И корзиночки «Караваджо». И тартинки «Тинторетто». И меренги «Матисс». Все утро Минни так и сыпала фамилиями художников, а Мари подбирала к ним названия всякой выпечки. Даже Том им помогал. Они уселись у компьютера, хихикали, хохотали и возились со шрифтами и цветами. А я вот не знаю ни одной фамилии художника. И ни одного названия шрифта. Или пирожного. Так что и лезть к ним не стал.

— Когда кто-нибудь из них будет проезжать в следующий раз, мы дадим им меню, — сказала Мари.

Было приятно видеть, что команда Хьюз снова работает. Хотя капитан и уехал. А менеджер лежал в постели. А я сидел на скамье запасных.

Мама почти все утро не выходила из комнаты, потому что скучала по папе, что было вполне понятно. Я помнил, как на нас подействовала лапша с курицей,

так что заглянул в «Кофейную кавалькаду» и решил сварить маме «моккачино» — это смесь кофе и горячего шоколада с молоком. Настоящий горячий шоколад у нас кончился, так что я покрошил маме в чашку конфету и отнес ей. Кажется, маме понравилось.

Я спросил:

— А он скоро вернется?

— Кто?

— Папа.

— Папа? А что папа?

— Он скоро вернется?

— Откуда?

— Ну, он же уехал по делам. Ты же сама сказала — он уехал по делам.

— А... Не знаю. Наверное, довольно скоро.

Она все смотрела в окно.

— А по каким делам он уехал?

— М-м-м?

— Он что, будет строить Плотину?

— М-м-м...

— Ладно, — говорю, — некогда мне тут с тобой болтать.

Это я соврал — делать-то мне было больше нечего. Но мама не стала меня удерживать, так что я ушел.

Донателло снесла яйцо!

Прямо на баллоне с бутаном. Яйцо было еще теплое, и к нему прилипло перышко. Здорово! Но совершенно ни к чему. Я уже хотел побежать всем рассказать, а потом подумал: а какая разница? Подумаешь, яйцо. А потом еще подумал, как это грустно, что курочка так старалась, снесла яйцо, а от этого ничего не зависит. Вот от меня тоже ничего не зависит.

И тут меня осенило. Правильно папа говорил: ради индивидуального подхода к каждому клиенту стоит проехать лишнюю милю.

Зачем дожидаться, пока кто-нибудь поедет вниз, и только тогда отдать меню? Я могу отнести его наверх. Да, машины у нас нет, но ведь наши дедушки ходили на работу пешком. Чем я хуже?

Я побежал в магазин. Меню лежали стопкой у принтера. Выглядели они обалденно: желтые буквы на голубом фоне. Я схватил меню, шапку и побежал. Я тоже смогу заработать кое-что для мастерской. Еще я взял с собой мяч — вдруг удастся поиграть?

Идти наверх было приятно. Раньше я проезжал по горной дороге только на машине и поэтому до сих пор не замечал белые камни. Они попадались каждые две минуты. Это было как на тех загадочных картинках, на которые нужно долго-долго глядеть, чтобы увидеть лицо, а как только увидишь, уже не можешь себе представить, что его нет. То же самое. Как только я заметил несколько камней, то сразу увидел белую линию, которая уходила в облака, будто веревочка. Я шел и шел, а когда обернулся, то понял, что не так-то далеко и ушел. Мне было видно буквы на вывеске «Авто-Чуда». Тут я чуть не сдался, но потом подумал про четыре тысячи дедушек, которые ходили по этой дороге каждое утро, и решил, что не так уж это и далеко, если они проходили такое расстояние каждый день перед работой. Я бросил мяч и начал пинать его вверх по тропе. И думал, как было бы здорово, если бы был кто-то, кто отбивал бы его мне.

Как я зашел в облака, не помню. Просто вдруг стало холоднее и мокрее, и я больше ничего не видел,

а камни под ногами стали скользкие. Я взял мяч и стал думать, не вернуться ли, но тут я увидел впереди следующий белый камень. Я подошел к нему и оттуда увидел следующий камень, а оттуда — следующий, а оттуда — следующий, и дальше, и дальше. Потом я увидел кое-что еще. Оно было размером с дом, но все покрыто шерстью — густой жесткой шерстью. Я замер. Мохнатая тварь тоже. И все остальное. Как будто весь мир замер. Или исчез. Остались только я, два белых камня (один впереди и один сзади) и мохнатая тварь. Я сделал шаг назад. Поскользнулся. Выпустил мяч. Он покатился вниз, под гору. Его уже сто лет как не было видно, а гравий на тропе все шуршал. Мохнатая тварь наверняка это слышала. Но не пошевелилась. Когда я выпрямился, облако, которое ее окутывало, словно бы на секунду раскрылось.

Это был большой кусок сланца, огромный кусок сланца, сверху поросший мхом. Одна сторона у него на ощупь оказалась гладкая, как ветровое стекло. Я понятия не имел, что он там делает. Может, это была последняя добытая сланцевая глыба. Может, каменоломню закрыли, а эту глыбу не успели расколоть на «толстушки» или еще что-нибудь. Когда я подошел поближе, то разглядел на ней стрелочки и какие-то пометки — наверное, инструкции для тех, кто должен был колоть ее на плитки. А еще там были рисунки — еле нацарапанные, так что казалось, будто их можно стереть прямо рукой. Это были лица, которые глядели вверх, на угол глыбы. Я не понял, что они там увидели, разве что их очень-очень сильно интересовал мох. В общем это оказался не мохнатый зверь, а просто камень, и это было хорошо. Зато я потерял мяч, и это было совсем не хорошо. Но меню я по-прежнему держал в руках, а это главное.

А вот когда я вышел из тучи на солнце — ух, как было здорово! Теперь я понимаю, как чувствует себя машина в автоматической мойке, когда ее перестают поливать водой и начинают обдуть горячим воздухом. Я чувствовал, как сохну. Все кругом стало ярче и чище. Сланец был голубой. Мох сверкал, словно золотой, а голоса наверху были самым чудесным звуком на свете, как будто я пришел на праздник, где все только меня и ждали. А потом ко мне по склону подкатился мяч. Я поднял голову. У столовой стояли двое мужчин в комбинезонах и что-то кричали. А третий бежал за мячом ко мне. Он бы поймал мяч, но тот налетел на камень, отскочил и покатился прямо мне под ноги. Я погасил его правой ногой и отбил. Мяч приземлился у самых ног того человека. Он поймал мяч, крикнул: «Отличный удар!» и подождал, когда я подойду. А тогда он задал мой любимый вопрос:

— Хочешь, сыграем?

Суперская была игра. Мы играли пять на пять, но земля была такая каменистая и ухабистая, что казалось, будто на поле еще сотня невидимых игроков. Только подашь кому-нибудь отличный длинный пас — и тут мяч отскакивает и возвращается к тебе или ни с того ни с сего улетает куда-нибудь влево, и приходится за ним бежать. Фантастический был футбол. Как будто мы играли против горы. Бились мы как сумасшедшие, и счет был пять-ноль в пользу другой команды. Я даже один раз ударил по воротам и забил бы самый что ни на есть классический гол, только не попал. Команда Хьюз может мной гордиться.

Потом кто-то дал мне банку «Спрайта», и мы все сидели на скале и смотрели, как садится солнце. Как только оно опустилось за гору Блейно, все тучи

в долине стали красные, как аварийная сигнализация, как будто их включили. И один голос у меня за спиной произнес:

— Чистый Тернер. Ради таких закатов стоило поехать в Уэльс.

Это был Лестер.

Я обернулся. Он страшно удивился.

— Как ты сюда попал? — спросил он.

Ему объяснили, что я пришел пешком.

— Ты всю дорогу шел пешком?! — Как будто я на Луну пешком дотопал, честное слово.

— Мы хотели спросить, не нужны ли вам пирожные.

— Что?

— У меня тут список... — Я дал ему меню, но он тут же отдал его тому, кто спросил меня, не хочу ли я поиграть.

— У нас свои поставщики. Нам ничего не нужно.

Футболист сказал:

— Ну, если он ради этого шел в гору пешком...

Но Лестер уже подталкивал меня к своему Техно-дрому.

— Знаю я, зачем ты на самом деле пришел!

Футболист крикнул мне вслед:

— Я повешу меню в столовой!

— Да-да, — сказал Лестер, не оборачиваясь и не сбавляя шага.

Ну и ладно. Мне все равно хотелось заглянуть под купол, а если меня спросят про Микеланджело, это ничего. Я смогу ответить. Наверно.

Внутри купола оказалось совсем не интересно. Сплошные компьютеры, телефоны и стулья, как и положено в мафиозной штаб-квартире, только там не было экрана во всю стену, на который проецируются

спутниковые изображения врагов, мышероботов или склада мутагена, — какой-то человек в белой рубашке говорил по телефону, и все. В углу стоял мольберт с картиной, освещенной яркой лампой. Лестер сказал человеку в белой рубашке:

— Это тот паренек, о котором я вам рассказывал. Понимающий. Представляете — пришел сюда пешком с самого низу. Пешком. Как Рафаэль. Знаете, что Рафаэль пешком пришел из Урбино в Рим, чтобы посмотреть на рисунки Микеланджело?

Понимающий. Это мне понравилось. Я подошел к картине. Так и представлял себе, как скажу: «А, Сикстинская капелла» или «Никому лучше Микеланджело не удавалось воспеть красоту человеческого тела», но когда я увидел картину, то просто застыл. Никакого человеческого тела там не было. И у меня появилось неприятное ощущение, что это вообще не Микеланджело. Целая картина одних фруктов и всякой всячины — и еще орехи. С виду как настоящие, но ничего интересного — как в магазине, понимаете? Может, конечно, это была такая реклама, но зачем рекламировать орехи?

А Лестер говорил по телефону с Томом:

— Да, он у нас. Всю дорогу шел пешком. Мне не хочется отпускать его обратно одного. Уже темно, а свободного водителя у меня нет. Не могли бы вы заехать забрать его? Можете? Превосходно!

Я подумал — действительно превосходно, и хорошо бы поскорее. Ничего себе! Орехи! А что про них скажешь, про орехи-то?

Лестер подошел ко мне, встал за спиной и стал рассказывать, что, хотя сейчас Национальная галерея закрыта из-за проблем со страховкой, было решено

выставлять в особом зале по одной картине каждую неделю.

— Сейчас в Лондоне трудные времена, так что идея в том, чтобы посылать туда картины жизнерадостные, воодушевляющие. Как ты думаешь, это поможет?

Я попытался представить себе, какие трудные должны быть времена, чтобы воодушевиться орехом. Причем даже не настоящим. Нарисованным. Тут я вспомнил, что папа сейчас в Лондоне, и стал думать, не трудные ли у него времена. И как-то забыл, что рядом стоит Лестер. Наверное, вид у меня стал странный, потому что он спросил, что случилось. Рассказывать ему про папу я не хотел, а что еще сказать, не знал. Тут, к счастью, как раз вошел тот футболист.

— Вы только поглядите, — сказал он и вручил Лестеру меню.

Лестер начал читать, потом начал улыбаться, а потом начал смеяться.

— Это ты сочинил? — спросил он.

Упускать шанс было нельзя. Я мог сказать: «Нет, это моя сестра», и тогда все бы поняли, что это она у нас умная и произошло недоразумение. Но не успел я ничего ответить, как Лестер сказал:

— Не скромничай. Кто же еще? — А потом добавил: — Что ж, надо бы нам заказать каких-нибудь пирожных.

— Закажете? Правда закажете? Как здорово!

— Почему бы и нет? — Он снова посмотрел в меню. — Кто бы мог подумать? Ты же просто живешь в мире искусства!

— Э... — сказал я. — Ну стараюсь. Вы же понимаете. Тогда Лестер показал на картину и сказал:

— Это Мелендес. Наверное, ты знаешь эту историю.

Ну что мне было сказать? Скажешь «нет» — покажешься полным придурком. Скажешь «да» — а вдруг ему вздумается меня проверить? Так что я таращился на картину — и все.

— Извини, — сказал Лестер. — Извини. Ты же подлинника никогда не видел. Для тебя это волнующий момент.

Он отошел и сел за стол, и я оказался в ловушке. Если я перестану смотреть на картину, он обязательно станет задавать вопросы. Так что мне пришлось смотреть дальше. Стою, смотрю. Орехи интереснее не стали, зато мне захотелось в туалет. Я терпел как мог. Старался об этом не думать. Но в конце концов начал приплясывать на месте.

Когда вошел Том, Лестер сказал ему «тс-с» и показал на меня:

— Уже полчаса так стоит. Поразительная способность сосредоточиваться. В жизни такого не видел. — А потом говорит: — Ну что, Дилан, готов вынести вердикт?

Я сказал:

— Мне нужно в туалет. — И выбежал.

Когда я вернулся, Лестер все еще говорил про меня:

— Надо же, как ему было интересно. Даже в туалет не пошел, терпел до последнего.

— Симпатичная картина, — сказал Том. Он смотрел на нее очень пристально, как будто выбирал орех получше.

— Бедняга Мелендес. Как видите, был очень даровит, но из-за политических интриг был вынужден удалиться от двора. Мечтал писать масштабные полотна — батальные сцены и так далее, — но ведь это дорого. На них уходит много красок и много времени.

А поскольку Мелендес был в ссоре с королем, то не мог найти знатного покровителя, который платил бы ему за работу. Вот так. Пришлось довольствоваться малым. Писал то, что под руку попадет, обычно фрукты. Натюрморты.

— А по мне, так это в сто раз лучше битвы, — сказал Том.

Я чуть не заорал — знаешь, друг, ты сначала погляди на нее этак с полчасика, тогда пожалеешь, что это не битва. А Том все глядел на картину, как будто она ему по-настоящему нравилась.

— Знаете историю про Пруста и натюрморты?

На этот раз поймать меня не удалось.

— Нет, — говорю.

— Однажды к Прусту пришел его друг, пожилой уже человек, и стал жаловаться, что устал от жизни и ему недостает чувств и красоты. Пруст велел ему пойти посмотреть на всякие натюрморты, вроде этого. Потому что они учат видеть красоту в самых скучных вещах — даже в кастрюлях и сковородках на собственной кухне.

Том все глядел на картину.

— Апельсины, да? — сказал он.

— Да. Апельсины, дыня и, конечно, грецкие орехи. Что в этих коробках, можно только предполагать, но мне кажется...

— В первый раз вижу апельсины с веточками сверху. Нет, я понимаю, они растут на деревьях, но вот черенки никогда не видел.

— Да-да, — сказал Лестер. — На вид совсем спелые. Бери и ешь, но почему-то понятно, что долго они не пролежат. Я ведь уже говорил — спасение Красоты от губельного Времени. — И он опять посмотрел на меня. — Может быть, тебе самому попро-

бовать писать, а, Дилан? Напиши картину, на которой будет показана скрытая красота Манода.

Я был так ошарашен, что забыл о вежливости. И закричал:

— Красота Манода никакая не скрытая! Манод — очень красивый город! Это сразу видно!

— Честно говоря, не сразу. Чтобы увидеть прекрасное в таком пейзаже, нужен тренированный глаз.

— Да нет же! Это все видят! Том, ну скажи ему!

— Ну да, Манод же просто чудо, панцири паленые!

Уходить Тому не хотелось. Ему понравилось смотреть на орехи. Я вышел, забрался в «ранглер» и сигналил, пока он не прибежал.

Всю дорогу вниз я думал: разве можно настолько ничего не понимать в Маноде? И вот я об этом думал, и тут мы свернули, и стало видно приютившийся в долине город. Мокрые сланцевые крыши были ярко-голубые, а из всех труб поднимался синеватый дымок. Я сказал:

— Ну что он такое говорил? Как можно такое даже подумать?

Но на самом деле я думал: бедный папа. Разве можно сравнить какие-то там нарисованные орехи с горой, вывернутой наизнанку?! И тут я увидел мяч — ну который я уронил по дороге наверх. Он застрял между двумя большими камнями. Том остановился, выпустил меня, и я подобрал мяч.

Мама вышла открыть ворота. Вид у нее был не больно-то радостный. Не успели мы припарковаться, как она начала нудить: «Где вы так долго пропадали?» и все такое. А когда мы вошли в магазин, ее

поддержали девочки. Я дождался, когда они выговорятся, а потом сказал, что у нас закажут пирожные.

— Фантастика! — сказала Мари.

— Грандиозно! — сказала Минни.

— Сколько? — спросила Мари.

— Каких? — спросила Минни.

Ну, предположим, ответы на эти вопросы я мог бы и знать. Но в конце концов все образовалось, потому что в понедельник вниз поехал микроавтобус, а когда Том побежал открывать ворота, водитель дал ему письменный заказ!

— Ну поглядим, — сказал я.

Том отдал мне бумажку и сказал:

— Я поговорил с водителем. Он везет в Лондон ту картину.

— Ага.

Мы получили заказ на дюжину корзиночек «Караваджо» и один пирог «Пикассо». Как я тогда заметил, «ковабунга!»

А Том стоял как вкопанный и глядел вслед микроавтобусу.

Рядом с водителем сидел Лестер. Он нам помахал.

Том сказал:

— Ну вот, она уехала. Уехала в Лондон. И мы, скорее всего, никогда ее не увидим.

— Ты это про что, а, Том?

— Про картину, Дилан.

— С орехами?

— Мне вот апельсины очень понравились.

— А...

— Все меняется, правда? Даже гора — и та меняется. Каждый день, каждую секунду мы становимся на минуту старше.

Я немного подумал. А потом сказал:

— По-моему, Том, ты тут где-то ошибся. Но я понимаю, что ты имел в виду.

— 6 —

МАЯ

АВТОМОБИЛИ:

СИНИЙ «ЛЕКСУС» — мистер Хой

ПОГОДА: переменная облачность

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Картины — тот же Мутаген

В этот день мистер Хой наконец предложил Тому работать у него. И хотя Том искал немного другую работу, все равно это было хорошо.

Пирог «Пикассо» печь легче легкого. Это обычный яблочный пирог, украшенный большим носом из теста и глазом из теста. Нарезать и припустить яблоки может кто угодно. Мари умеет делать дрожжевое тесто, а Макс обожает играть с обрезками. Из одного обрезка, с которым он играл, мы сделали глаз.

А вот с корзиночками «Караваджо» мы намучились. В «Не плати за упаковку» не продают специальную шоколадную стружку для выпечки, так что пришлось класть в крем для корзиночек шоколадные шарики из нашего магазина. Вроде бы какая разница, но почему-то в тесте они выглядят странно. Как будто глаза. И смотрят. Минни предложила вынуть их

из крема и раскрошить на кусочки. Только никто не просил, чтобы это сделал именно Макс. А он взял и сделал. У него отлично получалось выковыривать шарики из крема, только потом он их никому не отдавал. При этом он случайно попробовал крем — и все, стал как акула, отведавшая крови. Мы пытались оттащить его от стола, но он орал как резаный. Чтобы задобрить его, пришлось все-таки дать ему большую ложку крема. Пока Макс его лопал, мы утратили бдительность, и он весь перемазался. Отмывать его большого смысла не было, так что мы решили — пусть сидит и вылизывается дочиста. Дочиста у него не получилось, зато он был доволен и не орал.

Когда мы покрошили шарики и положили их обратно в крем, вид все равно был странный. Как выразилась Минни, «соотношение шоколада и крема изменилось в пользу шоколада». В результате корзиночки были набиты шоколадной крошкой, слегка склеенной кремом.

Когда мама увидела, на что похож Макс, она расстроилась. И когда она увидела, на что похожа кухня, — тоже. И еще когда она увидела, сколько мы перевели шоколадных шариков.

— Перестаньте есть то, что предназначено на продажу, — сказала она. — Это наши запасы. Это все равно что сидеть и жевать деньги!

Минни сказала:

— Мам, не сердись. Мы уже решили, что кондитерское производство будет размещаться и снабжаться отдельно. — Все это означало, что мы попросили маму Тома все нам печь. Мама Тома сказала, что будет в восторге. Мы должны были только собирать заказы и приносить ей все ингредиенты.

— Все, что хотите, испеку, — сказала она. — Только что такое торт «Тициан»? Впервые слышу.

— Просто мы название такое придумали, — ответила Минни. — Дайте волю воображению.

— Гм... Как-то мне не часто приходилось это делать, но можно попробовать.

Люди с горы заказывали пирожные каждый день, и все время разные. Иногда что-то оставалось, и мы продавали остатки в магазине. Скоро мы уже продавали в основном пирожные. И посетителей у нас стало больше — потому что Том сделал нам витрину.

Том все твердил про ту картину с орехами и про то, что больше никогда ее не увидит, потому что ее увезли в Лондон. А в субботу утром мы обнаружили, что он сидит в витрине и все там переделывает. Он сходил в «Не плати за упаковку» и купил там большие тюки всякой всячины — мыльной стружки, изюма, кукурузных хлопьев, тыквенных семечек, арахиса, в общем, все что попало. А потом убрал с витрины весь антифриз и средства для стекол и вместо них выставил свой странный товар. Положил слой мыльной стружки, как будто ковер, и в одном углу насыпал гору изюма и рядом гору кукурузных хлопьев. А вокруг наставил пустых коробочек от молока и сока и разложил всякие принадлежности для барбекю.

— Я тут подумал, рисовать я не умею, но все равно ведь можно сделать натюрморт и на него любоваться, правда?

— Это да.

Минни сказала:

— А ты никогда не думал, что можно украсть настоящий натюрморт и на него любоваться?

— Нет. Я исправился.

Витрина Тома нравилась всем, но сделать себе такую же первым захотел мистер Хой. Он сказал:

— Отличная витрина. Это ты сделал? Можешь и мне такую сделать?

Вообще-то Том ни за что не стал бы разговаривать с мистером Хоем и не пошел бы к нему в кафе, потому что мистер Хой погубил надежды Тома — взял на работу ту рыжую девчонку. Но когда мистер Хой сказал: «Плачу десятку», Том сдался.

В витрине у мистера Хоя не было ничего, кроме большой голубой стеклянной рыбины и рекламы торта. Вместо них Том положил опрокинутую корзину, из которой по всей витрине рассыпались красивые розовые картофелины и желтые луковицы. А среди всего этого Том положил обрывки рыболовных снастей, поплавки и кусочки сети, так что от одного взгляда на витрину прямо слюнки текли. Том делал все это рано утром в понедельник, так что по дороге в школу все останавливались посмотреть.

Когда мистер Элси, аптекарь, отвез своих дочек в школу, то постучал в витрину мистера Хоя и спросил Тома, не сделает ли он и ему такую витрину, когда здесь закончит. В витрине у мистера Элси висела здоровенная картонная ступня с рекламой мозольного пластыря. Том пришел в аптеку, порылся в кладовой, нашел там уйму старинных пузырьков, расставил их в витрине и повесил там картинку — старика со ступкой и пестиком. Мистер Элси дал Тому тридцатку.

В витрине сноудонского комиссионного благотворительного горноспасательного магазина всегда была на-

стоящая свалка: груды старой одежды и книг. Заплатить Тому деньгами там не могли, так что сказали, чтобы он выбрал себе, что хочет, из магазина, — он взял «вечный» фонарик, — и во вторник он пришел туда и нарядил их старый манекен альпинистом: натянул на него шапку с кисточкой, ботинки — в общем все. В руку ему он сунул книжку, на плечи набросил красивый шерстяной кардиган, а в свободную руку дал утюг. Утюг был непонятно зачем, но для торговли это оказалось полезно: в тот же день на него нашелся покупатель.

Окно киоска миссис Порти всегда было залеплено рекламными листовками и разными объявлениями. Потом миссис Порти пустила туда Тома. Он расчистил окно и повесил туда полку, а на полку поставил все баночки с вареньем. Вроде бы ничего особенного, но эта витрина получилась лучше всех. Когда на баночки падало солнце, было как разноцветная роса или, там, драгоценные камни.

И даже тренажерный зал. Том снял их здоровенную зеленую вывеску «Тренажеры» и поменял ее на замечательную большую фотографию горы Манод. Вид получился странный — но по-хорошему странный, потому что теперь настоящая гора виднеется из-за собственной фотографии.

Новые витрины даже попали в газету — вот посмотрите.

ЧТО ДАЮТ

За этот месяц витрины на дороге на Блейно стали настоящим подарком для тех, кто любит делать покупки глазами, — оформлены они, как в лучших магазинах Лондона и Кардиффа. Правда, ни там,

ни там я не был. Чудесное превращение произошло стараниями Тома Эджертон, благодаря которому витрина в окне магазинчика при автомастерской «Оазис» — «Натюрморт с бакалейными товарами» — стала лицом нашего города. Том (когда-то носивший прозвище Дубина Том) говорит, что витрины он придумал после того, как увидел одну картину. Сейчас он уже не помнит, что это была за картина, а сказать, где он ее видел, не может. Новые витрины, вероятно, привлекли бы в наш город гостей, если бы те о них узнали. Я сделал все что мог, но эту газету читают только те, кто живет в Маноде, и — будем смотреть правде в глаза — если вы живете в Маноде, то уже знаете о витринах.

«Чудесное превращение»! «Лицо нашего города»! Прямо как Черепашки. Пока они не упали в люк, то были обычными черепашками из зоомагазина. А потом они попали в лужу мутагена — и только тогда стали мутантами. А если бы они не стали мутантами, то не превратились бы в ниндзя. Если вдуматься, картина с орехами — это мутаген, от которого весь наш город стал не таким, как раньше.

— 7 —

МАЯ

АВТОМОБИЛИ:

БЕЖЕВЫЙ МИКРОАВТОБУС «ЛУТОН» — «Братья Брейк» (проехал вверх по горной дороге)

Внедорожник «РОВЕР» 3500 V8 — мисс Эльза Сембуг и водитель «Братьев Брейк»

Угольно-терный «БМВ-М5» — мистер Лестер (закупил и заказал всевозможные товары — хлеб, газеты, просто тонны всего!)

Красный «ФОРД-КА» — мисс Станнард (большой пакет шоколадных конфет «Резвущки»)

ПОГОДА: морось

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Осы преступного мира

Я понимаю, что все про это забыли, но ведь была среда. Да, наверное, водитель «Братьев Брейк» этого не знал. То есть он, наверное, знал, что была среда, но не знал, что это Манодская Среда, если вы меня поняли.

С тех пор как папа Заразы Эванс уехал, сама Зараза стала еще заразнее, чем раньше. Например, когда мисс Станнард отругала ее за то, что она не слушала на математике, она встала, подошла к доске, взяла с рисовального стола ножницы и отрезала себе косички. Все так и ахнули — кроме мисс Станнард. Мисс Станнард подобрала косички с пола, положила в полиэтиленовый пакетик и отдала обратно Заразе.

— Вдруг кто-нибудь захочет взять себе косичку на память? — сказала она.

Заразин папа просил меня приглядеть за ней, поэтому на рисовании я сел с ней за одну парту. Мы рисовали «Наш родной город», чтобы потом послать рисунки в Гамби. Я рисовал гору, Зараза тоже. Я предложил ей нарисовать по полгоры, а потом склеить рисунки, чтобы вместо двух маленьких картинок получилась одна большая. Зараза ничего не сказала — просто подпихнула ко мне свой рисунок. Я сказал:

— Хочешь, на большой перемене погоняем мяч?

— А почему ты меня спрашиваешь?

Я не знал, рассказывать ей про ее папу или лучше не надо, поэтому пожал плечами.

— Это потому что у меня короткая стрижка?

— Нет, просто мне на самом деле хочется погонять мяч.

— Если у меня короткая стрижка, значит, я должна играть в мальчишеские игры, так, что ли? — И она врезала мне так, что я свалился со стула. На этот раз мисс Станнارد совершенно точно видела, как все случилось, но только велела всем поднять рисунки над головой.

Почти все нарисовали гору, кроме Джейд Порти, которая нарисовала свой собственный дом, и Минни, которая нарисовала автобусную остановку.

— Кто-нибудь что-нибудь заметил? — спросила мисс Станнارد. — Что общего между этими рисунками?

— Они все еще не просохли, мисс.

— Что еще? Никто не заметил? Они все СЕРЫЕ! Все ваши рисунки совершенно серые! Мы должны подарить нашим друзьям в Гамби радость, а от ваших рисунков удавиться хочется! Если они увидят такие рисунки, то начнут собирать для нас гуманитарную помощь. Будьте любезны нарисовать что-нибудь яркое, красочное!

Тогда Зараза нарисовала мальчика, которого крепко стукнули, и из него во все стороны летят брызги ярко-красной крови. Мальчик был совсем не похож на меня, но я же единственный мальчик в городе. Я ничего ей не сказал, но домой пошел задворками, а не по Хай-Стрит.

Если идти задворками, открывается особенно красивый вид на гору. Вот тогда-то я и увидел, как машина мисс Селлвуд летит по направлению к городу гораздо быстрее обычного. Когда я вышел на дорогу на Блейно (B5565), там все уже бежали, потому что хотели попасть домой до прибытия мисс Селлвуд, и тут их машина вырулила из-за угла, и все попрыгали в магазины, чтобы ее переждать. Но машина никуда не поехала. Она остановилась у поребрика, и водитель опустил стекло. Оказалось, что за рулем сидит вообще не мисс Селлвуд, а водитель «Братьев Брейк».

— Эй, парнишка, ты ведь из мастерской, да? — спросил он. — Слушай, у вас там буксир есть?

— Конечно, — отвечаю. — «Ранглер» тысяча девятьсот девяносто седьмого года выпуска, пятьдесят девять тысяч пробега.

По-моему, я произвел на него впечатление.

Только я собрался рассказать ему о специальных хромированных бамперах, как заметил, что бампер «ровера» мисс Селлвуд сильно помят и что сама мисс Эльза сидит на пассажирском месте.

Я сказал:

— А, у вас тут мисс Селлвуд?

Мисс Селлвуд сказала:

— Мы возле тренажерного зала?

— Нет, мисс Эльза, мы еще только возле бара.

— Боже мой! Нет, в бар я не хочу.

Водитель спросил:

— Ты знаешь эту старушку?

— Да, это мисс Селлвуд.

— А ты знаешь, что она совершенно слепая? Она сидела за рулем, а сама ничего не видит! Ехала мне в лоб и даже не притормозила! Я бы ее насмерть

убил, а она — меня! Пришлось съехать в кювет, чтобы не врезаться!

Я спросил:

— Мисс Селлвуд, как вы себя чувствуете?

— Спасибо, Дилан, здоровее некуда, а вот у Эдны мигрень. Пришлось мне ехать одной, чтобы купить ей лекарство по рецепту.

— Мисс Селлвуд, это же опасно! Надо было вам позвонить маме, она бы приехала и свозила вас.

— Не хотелось ее беспокоить. А вот теперь этот милый молодой человек любезно вызвался помочь. Должна сказать, он прекрасно водит автомобиль.

— Так вы хорошо себя чувствуете? — еще раз спросил я мисс Селлвуд.

— Все с ней нормально! — сердито сказал водитель. Зря он со мной так. — И с ее машиной тоже все нормально. А вот у меня микроавтобус перевернулся!

— Ой! Неужели прямо вверх колесами?

— На бок завалился. Потому-то я и спрашиваю про буксир.

— А, понятно. Нет проблем. — Но я решил, что нельзя упускать возможность провести исследование рынка. И спросил: — И что, все продукты вывалились?

И правда! Водитель сказал, что весь его груз погиб, и согласился с тем, что на горе ждут подвоза продуктов. Без них там будут голодать. Ага! Теперь наша очередь стать суперпоставщиками!

В тот день роли в команде Хьюз распределились так: Том вел «ранглер», я все устроил, потому что провел исследование рынка, Минни была нашим мозгом, Мари управлялась с лебедкой, а мама... маме

почему-то было не интересно. Наверное, устала из-за Макса.

Минни гениально придумала отвезти наверх растворимую лапшу, раз уж подвернулся такой удачный случай. Когда она спросила у мамы разрешения, мама сказала: «Как хочешь» и снова уставилась в окно.

Конечно, с капитаном было бы лучше, зато мы очень старались, чтобы он мог нами гордиться.

То, что Мари так здорово разбирается во всякой механике, для всех обычно неожиданность. Все дело в том, что папе по работе приходится читать много журналов про машины, а у них на обложке почти всегда красивая девушка. Так что Мари с самого детства решила, что красивые девушки должны понимать в машинах. А Мари действительно красивая. К тому же папа всегда хотел, чтобы мы побольше знали про машины. Даже я. Пока не случилась та перепутаница с маслом и антифризом и «фиестой» мисс Станнард, а такое могло произойти с кем угодно. Потому-то Мари и разбирается в механике. Как Донателло (Черепашка).

Когда мы ехали в гору, то пели:

Сплинтер сделал из них замечательных парней
(непростая он крыса!),

Донателло — механик, Леонардо всех умней
(это точно!),

Рафаэль — очень крут, хотя немного грубоват
(эй, полегче!),

Микеланджело всегда повеселиться рад (ура!).

Мисс Селлвуд пыталась нам подпевать.

Когда мы въехали на гору, то увидели, что вдоль дороги рассыпаны картонные коробки. От дождя они совсем размякли и почти все лопнули. Внутри видне-

лись пакетики замороженных продуктов. Большой бежевый микроавтобус лежал на боку в канаве, и была видна ходовая часть. Рядом беспокойно расхаживал Лестер.

Минни сказала:

— Растворимая лапша не нужна?

— Ух ты! — закричала Мари и выскочила из машины. — Тут, оказывается, солнце! Как так получается? Интересно, я успею загореть? — И она стянула джемпер и закатала рукава блузки.

Том закреплял лебедку на передней оси микроавтобуса. Лестер подошел к нему и спросил:

— Это серьезно?

— Ну как вам сказать... Курятину, наверное, придется выбросить. А вот блюда вроде лазаньи размораживаются не так быстро, так что тут все, может быть, и обойдется.

— Я говорю о машине, а не о продуктах.

— А. Конечно. Ну тогда поговорите лучше с Мари. Понимаете, я не механик. Так, помощник. — Том помахал Мари, которая пересела за руль.

Цепи натянулись. Из выхлопной трубы пыхнул дым, и микроавтобус начал подниматься — медленно-медленно, как когда очень уж не хочется вылезать из постели. А потом, когда он поднялся на дыбы, мы отошли назад, и микроавтобус встал на колеса и стоял на дороге как ни в чем не бывало.

Том стал отстегивать цепи. Мари вышла из «ранглера». Она сказала водителю:

— Переворачиваться, между прочим, было совершенно не обязательно. Тут вполне можно разъехаться. Земля совсем сухая и твердая, а ехали вы медленно.

Она была права. Микроавтобус завелся с первого раза. Водитель, похоже, был ужасно рад. Он сказал:

— Ну все, еду обратно в Бирмингем и подаю в суд на вашу старушку. И пока ее не упекут, я сюда ни ногой!

— Не надо, — сказала Мари. — Она садится за руль только по средам. Нужно просто планировать дела на другой день, и все. Лестер, объясните ему!

Лестер собрался что-то сказать, но водитель развернул микроавтобус и газанул вниз с горы, вдавив по дороге в грязь большую коробку мороженных куриных крылышек. Для автомобиля с такой большой колесной базой радиус поворота у микроавтобуса был удивительно маленький.

Судя по всему, мисс Селлвуд не возражала, что про нее столько говорят.

— Какое увлекательное приключение, — сказала она. — Такого оживленного движения на горе не было с самой войны. А вы знаете, что все картины из Национальной галереи спрятали у нас в каменоломне, чтобы Гитлер их не разбомбил?

— Знаю, — сказал Лестер. — Вот как раз сейчас мы делаем то же самое.

— Зачем же? — удивилась мисс Эльза. — Гитлер ведь уже умер.

Лестер попытался рассказать ей про наводнения и страховку. Но мисс Эльзе было так приятно вспоминать войну. Она спросила:

— А в тот раз вы тут были? Наверху? А помните тот вечер, когда мы устроили танцы у большого валуна?

— Нет. К сожалению, меня тогда еще не было на свете, — ответил Лестер.

— Как жаль. Прелестный был вечер. Надеюсь, вы интересуетесь искусством?

— Да. Это моя работа.

— Наш папа очень любил рисовать, — сказала мисс Эльза. — Все рисовал, рисовал... Обязательно зайдите к нам взглянуть на его картины. Вы ведь способны оценить их по достоинству — в отличие от многих. От меня, например. Я же слепая.

— Да, — сказал Лестер. — Конечно, зайду. Даю вам слово.

Мари и Минни вытащили из «ранглера» коробки с растворимой лапшой и отнесли их в машину Лестера.

Мари сказала:

— Не фонтан, конечно, зато продержитесь, пока дождетесь следующей партии.

— Как щедро с вашей стороны. А что это? Растворимая лапша? — Лестер так произнес эти слова, что сразу стало ясно: он слышит про такое в первый раз. Мари объяснила ему, что нужно всего-навсего добавить воды — «горячей, само собой», — и что лапша бывает с разными добавками. Тут подошел тот человек, который тогда предложил мне поиграть в футбол, и сказал:

— Огромное спасибо. Вы спасли нам жизнь. Теперь мы у вас в долгу.

— Ах да! — сказал Лестер. — Сколько мы вам должны?

Я стал считать: сорок три упаковки растворимой лапши по 1 фунту 75 пенсов за упаковку...

Но тут вмешалась Мари:

— Ну что вы, мы же соседи. Это подарок.

— О! Хорошо. Большое вам спасибо.

Когда мы сели в «ранглер», Том сказал:

— Сорок три упаковки растворимой лапши по фунту семьдесят пять за упаковку...

— Семьдесят пять фунтов двадцать пять, — сказала Минни.

— Куча денег, — сказал Том.

— Я понимаю, вы считаете, что я сглупила, когда отказалась от денег, — сказала Мари. — Но у меня было такое чувство, что папа отказался бы. А если папа бы так сделал, значит, это правильно.

Вот странно: я думал в точности так же. Всю дорогу вниз мы пели: «Команда Хьюз всегда друг за друга горой!» На мотив песенки из «Черепашек». Не той, настоящей, а из ремейка.

Мы были правы, что так было правильно!

Мы собирались закрываться, и тут зашла за шоколадками мисс Станнارد. Она всегда заходит за шоколадом как раз тогда, когда нам пора закрываться. Мари говорит, что она, наверное, весь вечер старается не думать про шоколад, чтобы его не есть, но в последнюю минуту не выдерживает, запрыгивает в машину и мчится к нам в магазин.

Мисс Станнارد упрашивала маму помочь ей выбрать, что ей купить: пакет «Резвушек» или плитку «Трубадура», и тут вошел Лестер. Мисс Станнارد улыбнулась ему — от уха до уха — и спросила, что ему больше нравится: «Резвушки» или «Трубадур».

— Честно говоря, никогда не задумывался, — ответил Лестер.

— Ну что же вы! Зато теперь вы в Маноде, а когда живешь в Маноде, у тебя появляется куча времени подумать о том, о чем раньше никогда не задумывался.

— Да-а-а-а-а, — протянул Лестер — очень-очень медленно. — Да-а-а-а-а. — И посмотрел на маму. —

Я пришел сказать всей вашей семье спасибо за то, что вы сделали сегодня. Даже не знаю, чем мы можем вас отблагодарить.

Вот оно. Наш шанс. Все мы посмотрели на маму. Пусть назовет цену. Мама сказала:

— Ну что вы. Мы были только рады избавиться от растворимой лапши.

Кажется, Лестер даже удивился.

— Гм... хотел спросить... у нас многие жаловались, что хлеб, который мы получали от нашего поставщика, невкусный, вот я и подумал, может быть, вы...

— Да! — Это я, не мама. — Да, мы можем поставлять вам хлеб. А молоко?

— Конечно. Да. Молоко. Спасибо.

— Сколько?

— Э-э... Нас наверху двенадцать, так что...

— Шесть литров молока, десять буханок в нарезке. Белый, черный?

— Думаю, по пять того и другого.

— Отлично. А пироги?

— Ах, ваши пироги у нас очень популярны.

— Отлично.

Я посмотрел на маму. По-моему, ей было не очень интересно, хотя я и заключил только что замечательную сделку.

И тут Минни тоже замечательно выступила.

— А «Файнэншл таймс» всем нравится? — спросила она. Про газеты я как-то забыл.

— Нет, нет! Не всем. А что у вас есть? «Миррор»?

— Пять экземпляров «Миррор». Пару «Гардиан»?

— Пожалуй, да.

— Хорошо, припишу к счету. А «Манодский ежемесячник» позволит вам быть в курсе всех местных новостей! — сказала Минни.

— А что, у вас тут бывают новости? — спросил Лестер и тихонько добавил «ха-ха». Никто к нему не присоединился. — Что ж, еще раз спасибо, — сказал он. — Если я больше ничего не могу для вас сделать, тогда я, наверное, пойду.

И тут мисс Станнард сказала:

— Вы могли бы показать картины детям.

Лестер нахмурился:

— Каким детям?

— Я учительница в здешней школе. Было бы так славно, если бы вы провели экскурсию...

— Извините, это невозможно. По соображениям безопасности, микроклимата и секретности — и, честно говоря, вообще не предполагалось, что вам станет известно, где находятся картины.

Он коротко взглянул на меня.

— У них никогда не будет такой возможности, — сказала мисс Станнард.

— К сожалению, у них и сейчас нет такой возможности.

— Они отчаянно нуждаются в зрительной стимуляции. Представляете, у них недавно был урок рисования, и они все раскрасили серым. Не тронули ни охру, ни краплак, ни киноварь.

— Жаль, что я ничем не могу вам помочь, — сказал Лестер.

— Когда строили ограду вокруг катального озера, Совет выписал нам художника, чтобы расписать стену. Я предлагала эпизоды из артуровского цикла.

Или что-нибудь геологическое. А знаете, за что проголосовал совет? За сцены из жизни Элвиса Пресли. Вплоть до его посмертной встречи с мистером Дэвисом в «Товарах на дом — выгодно!». Сходите посмотрите. Здесь никто ничего не понимает в искусстве.

— Если никто ничего не понимает в искусстве, зачем же тащить детей на гору смотреть на картины?

— Хорошо, я дам вам время подумать. Когда решите, позвоните мне. — И она написала свой телефон на первой странице «Файнэншл таймс» и ушла.

Лестер посмотрел на маму.

— Это невозможно, — сказал он. — Честное слово.

Мама пожала плечами и сказала:

— Ничего страшного. Как хотите.

Обычно она так не говорит.

Вечером я решил сделать маме сюрприз.

— Не надо ничего готовить, — сказал я. — Смотри, что у меня есть.

Я притащил с горы целую упаковку куриного филе с лимоном и кориандром. Филе было в вакуумной упаковке, так что испортиться не могло. И еще на Тома хватало. Мы разогрели филе в микроволновке, съели с французским батоном и сели подумать, сколько прибыли нам принесет новый бизнес. Оказалось, много. По крайней мере, по сравнению с тем, что мы обычно выручали.

— А вот если бы мы украли какую-нибудь их картину, то выручили бы гораздо больше, — сказала Минни и посмотрела на Тома.

— Не получится, — сказал Том. — Там, наверху, полно людей на квадроциклах, и вообще...

— Всегда можно что-нибудь придумать, — сказала Минни. — Вот тот оставшийся неизвестным похититель, который украл из Бельведера в Вене бесценное полотно Брейгеля. Знаете, что он сделал? Он притворился реставратором и сказал, что в раме у картины завелся жучок. А потом сказал, что у него есть средство от жучка — осы. Специальные осы, которые едят жучка. Так что ему заплатили — дали денег, представляете? И он поставил вокруг картины тент, чтобы осы не разлетелись. А потом пошел пообедать и не вернулся. Тент не убрали несколько часов — боялись ос. А потом сняли — раз! — а картины-то и нет! Он взял ее и сбежал. Совершенное преступление!

— Нет, я так не смогу, — сказал Том. — Я боюсь ос. И...

— Да не было там никаких ос. В этом-то все и дело, — сказала Минни.

— А зачем он тогда ставил тент?

— Сто пятьдесят семь, — сказала Мари. — Вот сколько мы сегодня заработали.

Я сказал:

— Папа, наверное, удивится. Если дела и дальше так пойдут, мы будем зарабатывать столько, что папе не придется больше работать на Новой Плотине и он вернется. Правда, мама?

Мама ответила:

— Пойду-ка искупаю и уложу Макса. Уберите потом со стола.

Она говорила мечтательным голосом, как будто представляла себе, что папа вернется, и очень этому радовалась.

АВТОМОБИЛИ:

АВТОБУС — Гвинедский комитет по образованию

ПОГОДА: сыро

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Оказывается, Лестера зовут совсем не Лестер

Это тот автобус, который каждое утро заезжает за Мари и отвозит ее в школу в Блейно, где есть старшие классы. Для автобуса он страшно навороченный. Когда-то он принадлежал горным спасателям, так что у него есть цепи противоскольжения, решетка спереди, привод на четыре колеса и выхлоп, который гудит, будто вертолет.

Автобус остановился прямо у мастерской, потому что мисс Станнارد добила своего. Более или менее. Лестер собирался разрешить ей устроить в каменоломне школьный вечер, но только в субботу, потому что на неделе нужно проделать много текущих работ. А кому придет в голову куда-то идти в субботу? Когда автобус притормозил во дворе, оказалось, что ответ на этот вопрос был такой: всем. В автобус набились вся школа, кроме нас с Минни. Минни тоже туда полезла.

Я сказал:

— А как же мама? Она же одна останется.

Мари уехала в Блейно.

Минни сказала:

— Сегодня в Конви «Сумасшедшая автораспродажа».

Так что я тоже сел в автобус. Готовить нам завтрак маме было некогда. Даже бутерброды. А всю растворимую лапшу мы продали. Пришлось взять по паре батончиков «Марс» со стойки.

Когда ты единственный мальчик в школе, у этого есть по крайней мере одно преимущество: сидеть с тобой никто не хочет. Так что я спокойно съел шоколадку, хотя, конечно, заметил, как Зараза Эванс свирепо пялится на меня поверх спинки своего сиденья — будто унюхала шоколад.

По извивам горной дороги автобусу не проехать. Нам дважды приходилось вылезать, а водитель медленно-медленно объезжал громадные валуны. Потом мы выехали из облаков, и все пришли в такой восторг от солнца, что захлопали в ладоши. Ну, само собой, кроме Заразы Эванс.

Лестер встретил нас на вершине. Сразу было видно, что вести нас в каменоломню ему совсем не хочется.

— Сегодня такая чудесная погода. Нехорошо вести детей под землю, когда их окружает естественная красота, — вот что он сказал, как только нас увидел.

— Да-да, — сказал я и подумал: вдруг получится поиграть?

Мисс Станнард сказала:

— Ничего-ничего. Ведите нас, Лестер.

Мы все вслед за Лестером направились ко входу в каменоломню. Там все было как в прошлый раз — теплый ветерок и узкоколейка. Лестер объяснил всем, что по узкоколейке когда-то вывозили на поверхность добытый сланец. А теперь вагонетки специально переделали, чтобы возить картины в предназначенное для них хранилище. Лестер показал одну такую вагонетку:

— Если хотите, можете повозить ее туда-сюда, посмотреть, как она устроена.

— А покататься можно? — спросила Джейд Порти.

— Нет.

— А как же картины? — спросила мисс Станнард. — Где они?

— В хранилище прямо под нами. К сожалению, страховка не покрывает тех, кто спускается вниз без шлема, а поскольку шлемов в достаточном количестве у нас нет...

— Чушь, — сказала мисс Станнард. — Каменоломня сорок лет как закрыта. Все, что там могло обрушиться, уже давно обрушилось. Не надо так нервничать, Лестер.

И двинулась вдоль узкоколейки. А все остальные пошли за ней. Даже Лестер.

Рельсы уходили все вниз и вниз. Они шли зигзагом, туда-сюда, как старый акведук на площади Мадок. Очень чувствовалось, что спускаешься все глубже и глубже. Было немного странно думать, что мы уже у подножия, только внутри, а не снаружи. Правда, сосредоточиться на этом чувстве у меня не получалось, потому что Зараза Эванс все время заходила сзади и пыталась запустить лапу мне в карман.

Мы неожиданно завернули за последний угол, а там вместо туннеля оказалась комната. То есть не такая комната, как, например, спальня. Она была больше самой большой комнаты, которую я только видел, да и вы наверняка тоже, — в моем случае это зал Национального выставочного центра в Бирмингеме, куда мы ездили на «Мотор-шоу». Вот какая она была большая. Ее освещали такие здоровенные прожектора на стойках. И там стояли сотни и сотни рядов деревянных

ящиков. Правда, сотни. Много сотен и тысяч, и все на таких больших металлических стеллажах.

— Ну вот, — сказал Лестер. — Полное собрание Национальной галереи. — Когда он это говорил, то отыскал глазами меня и чуть-чуть улыбнулся. А потом зашагал к рядам ящиков и показал на первый:

— Раннее Средневековье, детали алтарей и так далее — и примерно до Джотто.

Он перешел к следующему ряду.

— Раннее итальянское и североевропейское Возрождение — Босх, Брейгель и так далее... смотрите, не стесняйтесь.

— Дети, это подлинное пиршество для глаз! — сказала мисс Станнард. — Перед нами высочайшие достижения цивилизации, и они прямо здесь, у нас под горой. Только представьте себе!

Несколько девочек прошли вслед за ней вдоль первого ряда. Там были одни ящики. Ящики — и все. Очень много ящиков, и ничего, кроме ящиков.

Лестер уже перешел к следующему ряду.

— Высокое Возрождение до Рафаэля...

Мисс Станнард перебила его:

— Права ли я, считая, что все полотна находятся в ящиках?

— Да. Да-да, конечно. Это же бесценные произведения искусства. Нужно обращаться с ними с предельной осторожностью. Мы следим за влажностью, температурой, запыленностью...

— Но... нельзя ли нам посмотреть на какую-нибудь картину?

— Нет. Честное слово, нет. Разве можно вынимать их из ящиков? Нет, нет, нет, нет и еще раз нет! — Звучало это так, словно Лестер боится, как бы картины

не разбежались. — Что ж, надеюсь, вы получили некоторое представление о том, чем мы здесь занимаемся. А теперь буду рад проводить вас наверх...

Однако мисс Станнард стояла на месте, как вкопанная.

— Дети, — сказала она, — посмотрите на потолок.

Мы все посмотрели вверх. Потолок был двускатный и заостренный, словно крыша дома или изнанка каменной палатки, был весь покрыт засечками и блестел, как мокрый. И пока я его рассматривал, Зараза Эванс врезала мне по почкам. Я согнулся пополам, и она вытащила у меня из кармана второй «Марс».

— Это пещера искусственного происхождения, — сказала мисс Станнард. — Ее вырубili из камня ваши деды и прадеды. Они добывали камень голыми руками, кирками и молотами. А чуть позже — небольшими зарядами взрывчатки. На то, чтобы выдолбить такую пещеру, ушло почти сто лет. Посмотрите, дети, этот зал — словно тайная молельня. Представьте себе, его называют Галереей. А теперь здесь хранятся картины, так что это и есть художественная галерея.

Я изо всех сил старался не обращать внимания на Заразу Эванс, но она чавкала моим «Марсом» прямо у меня за спиной, над самым ухом.

— Можно сказать, — продолжала мисс Станнард, — что наши прадеды создали настоящее произведение искусства.

— Нет-нет! — возразил Лестер. — Конечно, это достойное зрелище, но оно имеет отношение к инженерному делу, а никак не к искусству. К раскопкам. К чему угодно, но не к искусству.

— Это вы так говорите, Лестер, но разве вы имеете право это говорить? — сказала мисс Станнард. —

Вы вообще считаете произведением искусства ваши деревянные ящики.

— Нет. В них произведения искусства. Великие. Точнее, величайшие.

Мисс Станнард не сдавалась:

— Как можно считать что-то произведением искусства, если на него даже и посмотреть нельзя? Произведение искусства становится произведением искусства, только когда на него смотрят. Этот потолок по крайней мере видно.

И только она это сказала, как Зараза еще раз врезала мне по почкам.

Я решил, что с меня хватит. И набросился на Заразу. Она ухмыльнулась и побежала от меня обратно в туннель. Я погнался за ней. Кинулся за ней вверх по крутому туннелю. Спереди до меня доносился ее топот, а сзади — гулкие спорящие голоса Лестера и мисс Станнард.

Вдруг шаги впереди стихли. Я побежал быстрее, потому что подумал, что сейчас догоню Заразу. А потом остановился. Раздался визг. Жуткий визг, который эхом отдался по всему туннелю у меня за спиной. Судя по всему, этот визг донесся и до большой пещеры, потому что гулкие голоса замолчали, и сразу после этого я услышал, как по туннелю ко мне приближается топот нескольких сотен бегущих ног.

Визг раздался снова. И не успел я ничего подумать, как побежал на него. Добежал до вершины. Визг доносился из той маленькой комнатки в стороне от главного входа, той самой, где мы смотрели на картину про Мадонну. Я распахнул дверь, и Зараза обернулась.

— Прости, пожалуйста! — хрипло сказала она. Ей было трудно дышать. — Прости. Я думала, это взаправду.

Она ткнула пальцем в угол, где раньше стояла Мадонна, и тут я тоже чуть не завизжал. Там была другая картина с другой женщиной, страшной. Но хотя она была и страшная, я не хочу сказать, что на нее было неприятно смотреть. То есть лицо у нее было примерно восемнадцатого сорта. Жутко огромные ноздри, которые глядели прямо на тебя, словно выхлопные трубы у грузовика, а глазки — знаете, у картошки и то бывают больше. Кожа вся сморщилась-переморщилась, будто сдутый шарик, особенно на шее, — шея вообще была как у индюка. Одежда на женщине была старинная, как из учебника по истории. А на голову она напялила такую странную штучковину. Наверное, это была шляпа, но мне показалось, будто это полдивана. А хуже всего то, что эта тетенька сверху вываливалась из платья. Нарисовал бы ее художник еще через минуту — даже думать не хочется, что бы тогда было.

Тут все меня догнали. Прямо так, толпой, и ввалились в дверь. Минни подошла и встала рядом со мной.

— Она ведь не настоящая, да? — спросила Зараза. — Это что, фотография?

— Это картина, — сказала Минни, а потом тихо-тихо шепнула мне на ухо: — Не Микеланджело.

— Спасибо, — шепотом ответил я.

Пришел Лестер.

— Будьте так любезны, сделайте шаг назад, если можно. — Похоже, он боялся, как бы кто-нибудь случайно недохнул на его картину. — Пожалуйста, все сделайте один шаг назад. Мне жаль, что вы так расстроились, — продолжал он. — Прошу вас, если хотите уйти, не стесняйтесь. Я уже говорил, что прекрасно чувствую себя наедине с картинами.

Но Зараза не унималась — хотела справиться с собой.

— Так это картина? А зачем вообще такое рисовать? Для чего?

— Отличный вопрос, — сказала мисс Станнارد. — Отвечайте, Лестер.

Она говорила с ним так, будто он шестиклассник какой-то. А самое замечательное — он ответил!

— Ну, — сказал он, и лучше бы он ничего не говорил, честное слово, — ну, по этому вопросу мнения ученых разделяются. Одни считают, что это всего лишь гротеск, не более чем смешная картинка. А другие видят в этом сатиру на глупых старух, которые наряжаются несообразно своим летам.

При этих словах он посмотрел на мисс Станнارد. А она в ответ свирепо глянула на него.

— Такое надо запрещать, — сказала Джейд Порти.

— Мне представляется, что и художник имел в виду примерно то же самое, — сказал Лестер.

— Нет, я хотела сказать, что такие картины надо запрещать, — сказала Джейд. — От нее же становится очень плохо. Ужас просто! Мне от нее плакать хочется. Если бы я так выглядела, то пряталась бы от всех, а не то что позволила бы написать свой портрет и совать его всем под нос. Не надо было так делать вообще, совсем не надо! Ну зачем, зачем? Теперь понятно, почему вы спрятали ее в каменоломне. Они у вас что, все такие?

Никогда не видел, чтобы человека так разобрало. Причем, когда Джейд несла всю эту ерунду, девочки, которые стояли рядом с ней, всё кивали и кивали, как будто соглашались.

— Интересно. На днях мы с Диланом говорили о Микеланджело. — Тут все уставились на меня. Странно так уставились, как будто Лестер сказал: «На днях мы с Диланом свалились в канализацию, и говорящая крыса превратила нас в ниндзя». А Лестер продолжал: — Мы говорили о том, что искусство — это красота. А до Микеланджело, в частности в Средние века, художники понимали красоту в основном как греховное искушение. Микеланджело едва ли не первым начал славить человеческую красоту как таковую. А в этом случае художник поступает прямо противоположным образом. Только посмотрите, как безобразна его модель. Как крыса, не побоюсь этого слова...

— Но не простая, — сказал я. Не сдержался. Слышишь «крыса» — говоришь «не простая». И наоборот. Нормальная реакция. К сожалению, от этого Лестер вспомнил, что я тоже здесь.

— Дилан, — сказал Лестер, — подойди сюда и посмотри. Скажи нам, что ты думаешь.

Я подошел к картине — надо было потянуть время. Старушенция была нарисована в натуральную величину, и к тому же картине сделали такую резную деревянную раму, что получалось как будто зеркало. Я стал думать: гляделась ли когда-нибудь в зеркало та женщина? Может, тогда и зеркал-то еще не было. Может, она и не подозревала, как выглядит, пока не увидела картину. Я сказал себе: Дилан, ты знаешь про картины всего четыре вещи — имена четырех художников. Это не Микеланджело, потому что так сказала Минни. Донателло — механик, а тут никакой механики. Рафаэль очень крут, а эта картина совсем не такая. Остается Леонардо. Вот я и сказал:

— Леонардо?

Было слышно, как Минни втягивает воздух сквозь зубы. Я почувствовал, как все затаили дыхание и ждут — ляпнул я ерунду или все-таки нет.

Лестер сказал:

— Потрясающе!

И все снова начали дышать, и я в том числе.

А Лестер говорил:

— Конечно, эта картина не принадлежит кисти самого Леонардо. На самом деле художник — голландец, однако влияние Леонардо в технике мазка несомненно. И в выборе темы. Эта картина поразительно похожа на один из набросков Леонардо. Как вам известно, Леонардо интересовался уродливыми лицами не меньше, чем красивыми. Он оставил сотни зарисовок. Как он их делал — с натуры или нет, — мы не знаем. Однако он ни разу не сделал уродливое лицо главной темой картины, а этот художник сделал. Кстати, его звали Массис. Квентин Массис. Мой тезка.

— Я думала, вас зовут Лестер, — сказала мисс Станнард.

— Вообще-то Лестер — это фамилия. А зовут меня Квентин.

— А, — сказала мисс Станнард. — Понятно.

Тут Лестер начал говорить о том, как это удивительно и неожиданно, что столько лет назад голландский художник так тесно сотрудничал с Леонардо. Но никто из нас его не слушал. Мы все стояли столбом и только и думали: «Квентин?!»

А он сказал:

— Массис словно бы говорит: «Да, в человеческой природе заложена красота, но не все красивы. На свете существует и уродство».

— Или ты красивый, или нет, — сказала Джейд Порти.

Себя-то она точно считает красавицей, так что сразу понятно, как она разбирается в жизни.

Лестер сказал:

— Ну что ж, надеюсь, эта экскурсия была для вас приятной и познавательной. Желаю благополучно добраться до подножия.

Все повернулись и пошли к выходу, но Зараза задержалась. И сказала:

— Знаете, мистер, вы про эту картину все неправильно понимаете.

— Что ты говоришь? — сказал Лестер.

— Он ее нарисовал, чтобы всем было хорошо. Это вы неправильно про нее думаете.

— Правда?

— Он нарисовал такую страшную рожу, что все, кто на нее посмотрит, подумают: «А я-то очень даже ничего». Когда смотришь на нее в первый раз, это же ужас что такое. Но если посмотреть подольше, начинаешь потихонечку балдеть. Я сейчас себя чувствую просто на миллион долларов!

Лестер открыл рот, но ничего не сказал. Сразу стало понятно, что теперь ему есть над чем подумать.

Когда мы вышли наружу, Зараза сидела на камне и жевала мой «Марс», и самое удивительное — выглядела она потрясно. Не на миллион долларов, конечно, но на полмиллиона точно. Или на три четверти. Опять получилось, что картина мутагенная. Она повлияла на Заразу, как другая картина — на наши витрины. Зараза заметила, что я на нее

гляжу, улыбнулась и запустила в меня половинкой «Марса».

В автобусе мисс Станнард взяла и села рядом со мной. А какой смысл быть единственным мальчиком в школе, если даже сесть один не можешь? Она сказала:

— Дилан Хьюз, по-моему, ты зарываешь свои таланты в землю. По-моему, ты гораздо умнее, чем показываешь. Леонардо. Ну надо же!

Хотя я понимал, что на самом деле это было очередное недоразумение, но все-таки стал смотреть в окно и думать: вдруг это правда? И действительно можно раз — и поумнеть? Вот и Черепашки, когда были просто черепашками, были не такие умные, так ведь? Земноводные — и все. А потом уже появился Сплинтер, и они научились управляться с машинами, устроили себе логово в канализации и так далее. Может, и человек иногда берет и превращается во что-то другое?

Гусеница не знает, что станет бабочкой. Головастик не знает, что станет лягушкой. И когда обычные черепашки провалились в канализационную решетку, они не знали, что станут героями-ниндзя — и даже мутантами.

— 16 — МАЯ

АВТОМОБИЛИ:

КРАСНАЯ «ТОЙОТА-ПРИУС-Тч» с автоматической коробкой — доктор Раманан (залить полный бак, проверить масло, пакетик «Супа в ташке»)

ЕЩЕ ОДНА КРАСНАЯ «ТОЙОТА-ПРИУС-Тц» с автоматической коробкой — какие-то незнакомые люди (бензин, по ташке капутуно)

СИНЯЯ «ТОЙОТА-ПРИУС-Тц» с автоматической коробкой — темная личность (бензин, коробка тянучек)

СЕРЕБРИСТАЯ «ШКОДА-ОКТАВИЯ» — братья Элис «ФОРД-СКОРПИО» — сержант Хантер

СИНИЙ «ЛЕКСУС» — мистер Хой (бензин)

КРАСНЫЙ «ФОРД-КА» — мисс Станнард (бензин)

ПОГОДА: дождь (в том числе радуга)

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: У природы нет плохой погоды

23 мая, в пятницу, у нас начались самые хлопотные выходные с того дня, когда мы только начали вести журнал. У нас раскупили все пакетики растворимого супа. Мы продали даже коробку фирменных манодских тянучек. А все благодаря маме, потому что это она купила зонтики.

Вот что случилось. Когда мы вернулись со школьной экскурсии, на которой нам показывали деревянные ящики, мама была в магазине. Мы удивились, потому что думали, что она поедет на «Сумасшедшую автораспродажу» в Конви. Это огромная ярмарка возле гавани. Мама ее никогда не пропускает. Но тогда она просто пожала плечами и взглянула в окно на дождь. И сказала:

— Представляете — дождь.

А в понедельник, когда мы сказали ей, что у нас кончились кукурузные хлопья на завтрак, было то же самое.

— Кажется, опять придется есть «Марс», — сказал я.

— Это ужасно вредно для здоровья, — сказала Мари. — Если хотите, можете медленно себя убивать, а я найду себе нормальный завтрак. — И взяла «Баунти», потому что в «Баунти» кладут настоящий кокос, а кокос очень полезный.

Я все-таки взял себе «Марс» на завтрак, и в школу с собой тоже взял два «Марса». Потому что знал, что Зараза обязательно сопрет у меня один. Но она не стала. Подошла, села рядом и стала болтать про Черепашек.

— А ты знаешь, что в комиксах Сплинтер был никакой не мутант?

— Нет.

— В мультиках Сплинтер — это человек, который превратился в крысу. А в комиксах он был просто крыса, которая ни в кого не превращалась. В мультиках это Хамато Йоши, который превратился в крысу из-за мутагена. А в комиксах это была ручная крыса этого самого Хамато Йоши. И Сплинтер научился боевым искусствам, глядя, как его хозяин упражняется. Полная ерунда!

— Ну да, но ведь, если подумать, четыре Черепашки-ниндзя, которые едят пиццу, — это тоже ерунда.

— Нет, но такого же просто не может быть! Человек, который мутировал и превратился в крысу, — еще туда-сюда, но крыса, которая изучает боевые искусства, — это же бред какой-то!

— Ну не знаю.

Наверное, Зараза Эванс была гораздо симпатичнее, пока не мутировала.

За весь день она ни разу никого не стукнула. На первой перемене поболтала с Джейд Порти. На математике два раза подняла руку. После школы увязалась за нами в мастерскую и смеялась над курочками — но

по-хорошему. Стояла и смотрела, как мы их кормим. И сказала:

— Ух, как они ходят, это же умора!

Куры действительно смешно ходят, но наши не смешнее других. Перед каждым шагом они высоко поднимают лапу и так замирают.

— Знаешь, кто они такие? — сказала Зараза. — Цыплята-ниндзя!

Пока мы кормили курочек, с горы съехал микро-автобус. С пассажирского места выскочил Лестер и пошел открывать ворота. Мы отнесли ему «Файнэншл таймс» и помахали вслед.

— Это твоя картина, которая со страшной старушечницей, — сказала Минни. — Поехала в Лондон.

— И наплевать, — сказала Зараза. — Я уже на нее насмотрелась вон там. — И она показала на гору. — Теперь она у меня вот здесь. — И она хлопнула себя по лбу.

Раньше я как-то не задумывался, зачем фургоны ездят в Лондон. Я глядел ему вслед и думал: вдруг папа придет посмотреть на эту картину?

Так вот, дело в том, что, когда мы зашли в дом, даже чайник был холодный.

— Мы есть хотим, — сказал я маме.

— Ну поешьте, — ответила она и стала опять смотреть в окно. — Ой, дождик, — сказала она. — Надо же.

«Марс» мы уже видеть не могли, так что сварили себе суп — не растворимый из пакетика, а настоящий, из консервной банки, — а вместо хлеба взяли крекеры с сыром. Я пригласил маму к столу, но она даже не обернулась. Мари сказала:

— У нее депрессия. Когда депрессия, есть не хочется. Жалко, что у меня нет депрессии. А то я ужасно растолстела в бедрах.

Минни сказала:

— Где у тебя бедра, интересно?

— Бедра есть у всех.

И так без конца. Я перестал слушать, потому что мне пришла в голову одна мысль: если Зараза Эванс из-за картины перестала быть заразой, может быть, какая-нибудь картина вылечит маму от депрессии. Нужно только уговорить маму подняться вместе со мной на вершину.

Оказалось, что это пара пустяков. Я просто пришел и сказал:

— Мама, мне в четверг нужно на вершину — по делу, насчет пирожных. Не подбросишь меня?

Мама на меня даже не посмотрела.

— Как хочешь, — сказала она.

Так что в четверг я посадил Макса в «ранглер» (предельная скорость 90 миль в час) — другого автомобиля у нас теперь не было — и мы поехали в гору. Мне пришлось всю дорогу держать Макса, потому что его кресло осталось в «мини». Мама никогда раньше не бывала на горе, и я подумал, что она, наверное, удивится, когда увидит солнце, но она, по-моему, ничего не заметила.

Картина была по-прежнему в ящике. И все картины были в ящиках, но перед отправкой в Лондон Лестер любил их открывать и проверять — та ли это картина и цела ли она. А потом снова закрывал ящики.

— Работы на полчаса, — говорил он, — но я люблю делать это по четвергам, чтобы потом всю пятницу

быть наедине с картиной. В воскресенье вечером я закрываю ящик, а утром в понедельник сопровождаю картину в Лондон. Я всегда стараюсь быть рядом с Искусством. Так, на всякий случай.

Пока Лестер говорил, один из его работников открывал ящик. Оказалось, что ящики ужасно сложно устроены. У каждого ящика сверху была плотно пригнанная крышка. Ее нужно было снимать ломиком.

— Главное — найти специальный паз для ломика, — сказал работник. — Он тут, под надписью. Вот погляди — прямо под буквой «ц» в слове «Национальная».

Ящик был набит соломой, и в нем были такие специальные железные скобки, чтобы держать картину. Верхние скобки оказались с зажимами — их надо было отстегнуть, и тогда картина вынималась. И представляете — на картине был нарисован дождь!

— Ну вот, — вздохнул я.

— Не нравится? — спросил Лестер. — Ну да, наверное, на твой вкус, поздновато.

Как это — поздновато? Для чего поздновато? Я подумал и сказал:

— Ага.

— На этой неделе нужно будет подстраховаться. Это очень известная картина.

Эта картина, кстати, называется «Зонтики», и нарисовал ее Ренуар. На картине нарисованы люди под раскрытыми зонтиками. А впереди стоит женщина с большой корзиной. Вид у женщины немного грустный, наверное, потому что у нее нет зонтика, а может быть, потому что все покупки в корзине наверняка намокли. Рядом с ней стоит бородатый дядька и что-то говорит. Наверное: «Хотите купить зонтик?» Со-

всем как обычный день в Манодe, правда-правда. Только в Манодe почти ни у кого нет зонтиков.

Лестер сказал:

— На самом деле она совсем не такая неинтересная. Здесь видно, что Ренуар отступает от импрессионизма в строгом смысле слова и движется в сторону более классического, более скульптурного изображения. Например, женщина на переднем плане. И тем не менее игра света и тени на самих зонтиках — дань первоначальному...

— Какая прелесть, — сказала мама.

— Игра света и тени на зонтиках? Да, пожалуй, можно сказать, что он...

— Эти люди, — сказала мама. — Идет проливной дождь, а они улыбаются и куда-то спешат. Чему они так рады?

Тот человек, который помогал Лестеру открывать ящик, сказал:

— Может, там, где они живут, дождь бывает очень редко. Может, картину поэтому и написали. Потому что дождь — это особый случай.

— Интересная мысль, — сказал Лестер, — но неверная. Ренуар писал эту картину очень долго. Он начал ее в тысяча восемьсот восемьдесят первом году, а закончил только в тысяча восемьсот восемьдесят шестом. Не хочу сказать, что все пять лет дождик моросил не переставая, но уверен, что за такое время к дождю можно и привыкнуть.

— Дождь — это нормально, когда есть зонтик, — сказал я.

— Точно, — сказала мама. — Дело в зонтиках. В последнее время зонтиков что-то совсем не видно, вам не кажется? Правда, они просто прелесть? Будто

большие цветы. И под каждым — два человека. Шепчутся, болтают, смеются. Зонтик — это праздник на палочке.

Вот так все и началось. В субботу утром мама взяла нас всех на Распродажный Карнавал в Пен-и-бонте (в этом году часть выручки пойдет в пользу сноудонской организации «Обеды на колесах») и велела разойтись по ярмарке и высматривать зонтики. Я нашел два таких маленьких складных черных, которые влезают в бардачок, и зонтик-трость размером со спутниковую антенну с надписью «Джин „Гордон“ — джин, который знает себе цену» по всей округности. Минни нашла целую сумку детских зонтиков в сплошных утятах и лягушатах. Мари отыскала белоснежный зонтик с жемчужной ручкой, в котором было больше красоты, чем пользы. Мама тоже нашла целую охапку. А когда мы прочесали распродажу, мама повезла нас в ОКСФАМ* в Ланрусте, в лавку Сю Райдер в Блейно и в горноспасательный магазин в Маноде, и везде мы искали зонтики. А когда мы вернулись домой, мама полезла на чердак и нашла там еще три зонтика. Всего пятьдесят.

Мама велела Мари взять в магазине три старых цветочных вазона, разрисовать их цветами и на каждом написать: «Манодские зонтики — берите даром!» Один вазон зонтиков мама поставила во дворе, рядом с газетной стойкой. Другой — на автобусной остановке, а в третий напихала зонтики в утятах и лягушатах и в понедельник попросила мисс Станнард поставить его на школьной площадке.

* О К С Ф А М — Оксфордский комитет помощи голодающим, у которого есть отделения по всей Великобритании.

— Зонтики, — сказала мисс Станнارد. — Это вопрос безопасности и охраны здоровья. Дети могут выбить друг другу глаза.

— Я об этом не подумала... — сказала мама.

— С другой стороны, когда же еще выбивать друг другу глаза, как не в младших классах? Давайте ваши зонтики, миссис Хьюз.

На большой перемене никто не остался в классе. Хотя дождь лил как обычно, все взяли по зонтику и побежали играть на улицу. Вообще-то зонтиков на всех не хватило, но это ничего. Все делились зонтиками — прямо как на картине. Площадка превратилась в такую большущую побегучую палатку. А настольный футбол и гигантские шашки так и остались в коробках.

Почти всех девчонок в школу возят, но на следующее утро после появления зонтиков все взяли по зонтику и пришли пешком. Сверху, из нашей мастерской, было похоже, что по улице идут болельщики на финал чемпионата.

Было так красиво, что к нам заходили просто посмотреть сверху на улицу. И покупали кофе! В конце концов приехал Газетный Артур, и вот что он написал.

У ПРИРОДЫ НЕТ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ

В Сноудонии есть на что посмотреть, но даже здесь не много найдется зрелищ столь красочных, как так называемый Манодский Марш. Каждое утро в 8.50 и каждый день в 15.45 улицы ненадолго вспыхивают яркими красками. В чем же дело? В зонтиках! Манодцы решили ходить в школу и обратно пешком, вооружившись зонтиками. «У природы нет плохой погоды, — отмечает жительница нашего города миссис Порти, — бывает лишь

одежда не по погоде». Манодские зонтики плотной массой колышутся по всей длине дороги на Блейно, словно разноцветный удав. Кстати, если я говорю «ненадолго», значит, так оно и есть. Стоит посмотреть на ту же улицу десять минут спустя — и Манод кажется обычным серым дождливым горным городком. Если вы вообще сюда доберетесь. Таблички «Манод» на А496 нет, а сам поворот не так-то просто заметить, так как его закрывает рекламный щит парка «Копай-не-хочу» в Гарлехе.

Разноцветный удав! Бред какой-то! Интересно, много ли на свете городов, у которых главные улицы похожи на разноцветного удава?

Зато на этот раз Артур напечатал фотографию Мари. На ней она улыбается из-под огромного зонтика с надписью про джин «Гордон». В подписи говорилось, что Мари «поет под дождем», но на самом деле она не пела. У нее нет голоса.

Если спросить Мари сейчас, она скажет, что все дело было в ее улыбке, а не в зонтиках. Ну и ладно. На следующий день после выхода газеты перед школой к нам заехал доктор Раманан, залил полный бак и сказал, что хочет посмотреть на зонтики. Потом приехал сержант Хантер на своем «скорпио». «Проверить, не создает ли это затор», — сказал он. Потом приехала еще одна «тойота-приус» и «школа-октавия», в которой сидели братья Эллис! Хотя они теперь живут в Конви, их мама по-прежнему читает «Ежемесячник», и они приехали посмотреть на зонтики. Они взяли с собой карточки «Юги-О!», так что мы поиграли на капоте «октавии», пока доктор Раманан не закричал: «Начинается!» и все не стали смотреть на дорогу на Блейно.

Братья Эллис, чтобы лучше видеть, забрались на крышу своей «шкоды». Нам с Минни уже пора было идти, но мы тоже хотели посмотреть на зонтики. Это как танец. Только что на улице было пусто, и вдруг — раз! — вылезает этот удав. А потом все разом кончается — толпа сворачивает за угол, к школе.

— Мы опоздаем, — сказала Минни.

— Да-да, — сказала мама и поцеловала нас обоих на прощание, чего уже довольно давно не делала. — А ведь я раньше терпеть не могла дождь, — сказала она. — Только представьте себе, что было бы, если бы дождь сейчас перестал. У нас бы не было зонтиков.

Мы вернулись к магазину, и тут — знаете что случилось? Появилась радуга! И не простая радуга, как в обычных городах, а двойная. Одна очень яркая, а другая, побледнее, прямо над ней. И цвета в бледной радуге были задом наперед. Это называется «рефракция». Сержант Хантер сказал: «Мои поздравления, миссис Хьюз», как будто думал, что и радуги тоже маминых рук дело.

— 26 — МАЯ

АВТОМОБИЛИ:

УГОЛЬНО-ЧЕРНЫЙ «БМВ-М5» — мистер К. Лестер
(новые покрышки и замена масла!)

КРАСНЫЙ «НИССАН-ИКС-ТРЕЙЛ» — человек из ка-
меноломни (приехал забрать Лестера)

ПОГОДА: отличный обложной дождь

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Вот кто на самом деле
правит миром

Мы-то уже сто лет знали, что такой день настанет. Стоило мне увидеть, какие у Лестера шины (это было 6 апреля), как я сразу понял: на горной дороге они долго не протянут. И даже так и сказал. Хотите проверить — пролистайте книжку назад.

По дороге из школы домой мы увидели, что к мастерской катит его «БМВ». Только теперь он не летел по асфальту плавно, словно дорогушая правительственная машина. Его трясло и швыряло, будто необъезженный квадроцикл. Шинам пришел конец.

Когда мы дошли до мастерской, Лестер расхаживал туда-сюда и ужасно нервничал, как будто ждал приезда аварийки на шоссе. Том спросил:

— Хотите маччиато с ванилью?

— Нет, спасибо. Опаздываю на поезд. Мне надо в Лондон.

— А с карамелью?

— Спасибо. Нет.

— А с баттерскочем*?

Я увидел, что Лестеру это уже надоело, и сказал:

— Мари поменяет вам шины. Она придет минут через десять.

Лестер посмотрел на часы.

— Я в шинах не очень понимаю, но, по-моему, вы прокололи не одно колесо, а два.

— Что?!! — Он побежал посмотреть. И левое переднее, и правое заднее были плоские, как блины.

— А запаска у вас только одна, — сказал я. — Так что придется нам ехать в Гарлех, на «Шинное поле».

* Баттерскоч — сорт сливочных ирисок на жженом сахаре.

Лестер сказал «ых!», а потом вытащил мобильник и начал как бешеный набивать эсэмэску. Я стал ему объяснять, что раз уж все равно придется менять две шины, стоит подумать о том, чтобы перейти на «пирелли-Р7», которые идеально подходят для бездорожья, и что, поскольку машина все равно не на ходу, нужно заодно и заменить масло, причем я дал честное слово, что сам этого делать не буду.

Он меня толком не слушал. Все глядел на мобильник, как будто дожидался ответного сообщения. Из магазина вышел Том и сказал, что его мама готова подвезти Лестера.

— Только вам надо будет говорить, куда ехать. По-моему, она ни разу не была в Лондоне.

— Ничего-ничего. Сверху за мной уже едут. Скоро будут.

— А как там картина? — спросил Том.

— Что?

— Та картина с апельсинами. Эта картина мне очень понравилась.

— Да-да. Спасибо, хорошо, — сказал Лестер, не сводя глаз с горной дороги.

Тут я вдруг понял, что нельзя упускать такую возможность.

— Знаете, пока вы ждете, можете прогуляться по Маноду и увидеть его Скрытую Красоту. — Так я и сказал, как будто с большой буквы, чтобы Лестер понял: мне обидно, что он говорил, будто красота у Манода скрытая.

— Да! — сказал Том. — Начните с моего натюрморта. С него все и началось. Подойдите, взгляните.

Он повел Лестера посмотреть витрину. Она стала уже не такая яркая, как сначала. Наверное, у нас

завелись мыши, а еще у курочек вышли какие-то нелады с кукурузными хлопьями.

Лестер сказал:

— Да это же...

Но тут телефон у него запищал — это пришел ответ.

— Слава богу, — сказал Лестер и побежал к воротам.

— Это же — что? — спросил Том.

— Что? — Лестер открывал ворота. На дороге уже виднелся большой «ниссан-икс-трейл» — он газовал по гравию.

— Натюрморт.

— Это ведь кукурузные хлопья, да? И сухофрукты.

— Да. Рисовать я не умею, пришлось их купить.

— Очень изобретательно. И современно, — сказал Лестер. И «икс-трейл» прошуршал через ворота на полном комплекте «пирелли-скорпион-СТ».

— Красота у Манода скрытая потому, что на нее никто не смотрит, — буркнул я.

Лестер сказал:

— Мне пора ехать. Еще успеваю на бирмингемский поезд.

— Если вы собираетесь ехать на поезде, — сказал я, — возьмите с собой зебру. Когда едешь куда-то на поезде, нужно обязательно брать с собой зебру.

— Почему?

— Тогда не попадете в катастрофу. Зебры почти никогда не попадают в катастрофы.

— Прошу прощения, я что-то не понял.

Ну совсем как с уровнем осадков. Когда это говорит не папа, кажется, что совсем не смешно.

Я сказал:

— Ничего. Извините. Счастливого пути.

Вообще-то «пирелли-скорпион-СТ» — это вещь. С бухты-барахты не проколешь.

Когда Мари пришла из школы, Том отвез нас в Гарлех, на «Шинное поле». Гарлех стоит у моря, и там есть замок, кино и, само собой, «Копай-не-хочу», но самое интересное — это, конечно, «Шинное поле». Когда нам в очередной раз велели писать письма в Гамби, я написал про «Шинное поле».

Дорогой Джордж!

Спасибо за письмо, в котором ты пишешь про жирафов. У нас в Уэльсе жирафов нет, зато есть «Шинное поле». «Шинное поле» — это шинное поле и есть: на огромном пустыре в несколько гектаров разложены шины, и можно ходить и смотреть на них. Их ужасно много. Там есть громадные шины для грузовиков и тракторов и совсем крошечные — для автомобилей «смарт». Есть даже отдел шин для кресел-качалок и инвалидных колясок. Многие люди даже и не знают, что на свете бывает столько видов шин. Даже если встать на что-нибудь высокое, кругом одни шины, шины, шины. На стене, как входишь, висит шина от «феррари», на котором Дэвид Култхард выиграл европейский Гран-при. Она очень большая, и из нее торчат стальные ребра. Видны места, где резина расплавилась, потому что колесо катилось очень быстро. Хотя считается, что это просто магазин, можно прийти сюда на целый день. Даже нужно, иначе не успеешь все как следует посмотреть.*

* Дэвид Култхард — знаменитый гонщик, многократный чемпион «Формулы-1», родившийся в Великобритании.

На «Поляне Подержанных Покрышек» случилось небольшое происшествие: из-за Дискowej Башни вышел человек в шапке с кисточкой и встал мне на ногу. Это был мистер Дэвис, мясник.

— Простите, — сказал я, хотя виноват был он.

А он пробурчал «не прощу» — он всегда так говорит, — а потом сказал:

— И никого не простят. Скоро нам всем круто придется.

И посмотрел на Минни, Мари и Тома.

Том спросил:

— А почему, мистер Дэвис? Кстати, вчера у нас с мамой на ужин были ваши сосиски — очень-очень даже.

— Спасибо, Том, — сказал мистер Дэвис. — Полагаю, ты знаешь, что держат в каменоломне на горе?

— Картины, — сказал Том. — Некоторые мы даже видели.

— Да. Те, которые вам захотели показать.

— Ну... да. На той, которую видел я, были в основном фрукты. Вам бы она понравилась, мистер Дэвис.

— А что, интересно, нарисовано на тех, которые вам не захотели показывать?

— Понимаете, я их не видел, — сказал Том, — поэтому ничего сказать не могу. — И поглядел на меня.

— Картины, которые держат на горе, — сказал мистер Дэвис даже еще тише обычного, — это не просто картины. Это информация. Информация о том, кто правит миром.

— Замечательно! — сказал Том. — И кто же правит миром, мистер Дэвис?

— Если бы я это знал, — ответил мистер Дэвис, — то не торчал бы всю жизнь в сноудонской глуши по

уши в мясных обрезках! — Он подошел к нам поближе и зашептал: — Сами подумайте. Картины. Пещера в Уэльсе. О чем это вам напоминает?

— О сланце?

— О короле Артуре, о чем же еще! И о Святом Граале!

Мы переглянулись. А потом поглядели на шины. Сказать нам было нечего. Только Том нашелся:

— А что такое Святой Грааль?

Минни сказала:

— Это чаша, из которой пил Иисус Христос на Тайной вечере. Она обладает особыми свойствами. Считается, что одному из рыцарей Круглого стола удалось ее найти. Еще считается, что все они спят в какой-то пещере.

— В Маноде?

— А почему бы и нет? — сказал мистер Дэвис.

— Потому что это не пещера, — сказала Минни. — Это каменоломня. Выкопали ее в тысяча восемьсот пятом году, через тысячу триста лет после смерти короля Артура, который, кстати, никогда в жизни не работал в каменоломне.

Мистер Дэвис посмотрел на нее, а потом огляделся, словно боялся, что и у шин есть уши. И сказал:

— А зачем тогда так стараться ради того, чтобы спрятать какие-то картинки? И почему на А496 нет таблички «Манод»? Тайны, тайны! Полная каменоломня тайн! Там, на вершине, не картины прячут. Это власть над миром!

Мы сумели найти Лестеру полный комплект восстановленных «пирелли-Р7» (в том числе запаску), и стоили они дешевле, чем пара новых шин. Экономия!

По дороге домой Том сказал:

— Удивительный человек этот мистер Дэвис. Видит то, чего никто больше не замечает. Вот, например, летающую тарелку в небе после торжественного банкета в Лехведе. На банкете было сто человек, а летающую тарелку заметил только он.

— А еще он видел Элвиса, — сказал я. — В Гарлехе, в «Товарах на дом — выгодно!».

— Да чокнутый он, — сказала Мари.

Минни сказала:

— Он мне говорил, что печенка живая. Мама послала меня купить печенку, а он сказал, что печенку не продает. Сказал — печенка живая. Сказал, если положить ее на блюдо и посмотреть через десять минут, окажется, что она отползла в сторону.

— Что, правда?! — спросил Том.

— Не знаю, — ответила Минни. — Он мне ничего не продал. Пришлось есть фрикадельки.

— А насчет картин он прав, — сказал Том. — Та фруктовая картина — она же ненормальная какая-то. Мне от нее было как-то странно. Наверное, у нее мощное энергетическое поле.

Когда мы свернули на дорогу на Блейно (B5565), я подумал: наверное, Том прав. Наверное, картины — это не просто картины. Наверное, картины — это мутаген, который заставил измениться весь город. Наверное, мы теперь живем в Маноде-ниндзя!

Когда мы вернулись в мастерскую, Мари стала мять масло. Я-то решил, что после истории с «фиестой» мисс Станнард мое место на скамейке запасных. Но оказалось, что Мари понадобились все рабочие руки. Минни читала инструкции из руководства к ма-

шине и присматривала за Максом. Мари делала всю техническую работу, а я за всем бегал и все подавал. Когда Мари послала меня за маслом, я тридцать раз перечитал этикетку на банке. Когда она попросила меня достать из багажника домкрат, оказалось, что там лежит деревянный ящик, но я о нем никому не сказал. Не хотел никого отвлекать.

Мари слила масло и сказала нам, что теперь машину нужно оставить на сорок пять минут, чтобы стекли все остатки. Мы страшно проголодались, но Мари не хотела сначала отмываться, а потом опять вымазываться. Минни предложила принести ей что-нибудь такое, что можно пить через трубочку. Мари не поддавалась на уговоры.

Я сказал:

— Лестер забыл в багажнике одну картину.

— Не может быть!

— Забыл.

— Ой, наверное, нельзя... или можно?

— Нельзя. Тут кругом грязища.

— Может, в дом отнесем?

— Тогда мне придется отмываться, — сказала Мари. — А я этого не хочу. — Она положила руку на ящик и ехидно сказала: — Чувствуете, какое у нее мощное энергетическое поле?

Мы все рассмеялись. И в результате болтали и хохотали целых сорок пять минут и забыли про картину в ящике. И мы все-все сделали! Работали вместе и все-все сделали — переставили все шины и заменили масло. Это еще один урок Черепашек: каждый Черепашка сам по себе молодец, но когда они работают в команде, то становятся непобедимыми. Как говорит Сплинтер в фильме «Черепашки-мутанты ниндзя»:

«Когда вы вместе, нет такой задачи, которой вы не решили бы вчетвером. Помогайте друг другу, заботьтесь друг о друге и никогда не забывайте о той подлинной силе, которая вас связывает».

А та подлинная сила, которая связывает нас, — это «Сноудонский Авто-Чудо-Оазис». Все мы старались, чтобы он удержался на плаву, потому что тогда папа мог бы вернуться. В конце концов, на горе стояла целая флотилия грузовых микроавтобусов, каждому из которых в любой момент могли понадобиться замена масла и шиномонтаж. Я сказал об этом маме, и, кажется, она со мной согласилась. Я заставил ее дать слово, что, когда она будет разговаривать с папой по телефону, то все ему расскажет.

— А главное, скажи ему, что мы заменили масло, и на этот раз у нас все получилось, а еще главное — что я тоже помогал, — сказал я. — Тогда он поймет, что теперь здесь все совсем по-другому.

Ночью я почему-то проснулся. Выглянул в окно и увидел, что в мастерской горит свет, а дверь открыта. Я решил, что это вернулся папа. И побежал вниз прямо босиком и без халата. Вы бы глазом моргнуть не успели, как я уже был в мастерской.

Там был не папа. А девочки. Когда я вбежал, они здорово удивились.

— Я думала, это Лестер, — сказала Мари. — Чуть не умерла от страха!

— Что вы тут делаете?

Они сражались с деревянным ящиком.

— Нам было не заснуть, — сказала Мари. — А что, если в ящике Святой Грааль? Не могли удержаться, решили посмотреть.

Я сказал:

— Вы его так не откроете.

Взял ломик и засунул в потайной паз под буквой «ц» в слове «Национальная», нажал, потом открутил два болта, и крышка открылась.

Девочки смотрели на меня с уважением.

Внутри было что-то, завернутое в пупырчатый полиэтилен. Мы вытащили его, и оказалось, что это картина, зажатая в какие-то скобы. Только это была не картина. Выглядела эта штука точь-в-точь как золотая плита.

— А вдруг это и *правда* Святой Грааль?

Сказала это Минни, но подумали мы все. Может, именно поэтому этот ящик ехал не с остальными картинами, а отдельно, в багажнике?

Я открыл защелки и вынул золотую плиту из ящика. Это была не золотая плита. Это была деревянная доска, покрытая золотой краской. Сбоку у нее оказался замочек. Я его отстегнул, и доска раскрылась, будто открытка. Внутри была картина — золотая и ярко-ярко-голубая, того же дикого голубого цвета, что и прически у сестер Селлвуд. Она светилась, словно лампочка.

— Ух ты! — сказала Мари. — Это что такое? — Она протиснулась поближе, и я уронил картину. Минни поймала ее с другой стороны, а то бы картина упала прямо на пол, измазанный машинным маслом. Тогда-то мы и решили забрать ее в дом.

Мы поставили ее на туалетный столик Мари. Картина была красивая, но странная. Мы даже не понимали, картина ли это вообще. Она была не такая как все. Похожа на книжку, в которой только две странички. На странице слева был нарисован король, который стоял на коленях, а за спиной у него было еще три человека,

все с длинными бородами. На второй странице было много-много женщин с крыльями, ангелов наверное, и одна высокая женщина в голубом платье и с малышом на руках. Вид у нее такой, словно она хочет бросить малыша королю. Некоторые ангелы глядят на нее, как будто говорят: «Ну давай, бросай!» А король протянул руки, чтобы поймать ребеночка, но, по-моему, особенно стараться он не собирается, хотя руки у него большие, как положено вратарю. Минни сказала, что это еще одна Мадонна. Правда, на ту Мадонну она совсем не была похожа. И если это мама Иисуса Христа, то мне его жалко: разве можно так бросаться ребенком?

Мы решили оставить картину в доме, потому что там чище и безопаснее. Минни сняла со стены большую карту «Осы Европы» (она ее купила на случай, если будет планировать крупное преступление с участием ос) и повесила картину вместо нее. Вид был такой, будто картина всегда там висела. Вот почему утром мы забыли положить ее на место, и вот почему Лестер, когда забрал «БМВ», уехал без нее.

— 30 — МАЯ

АВТОМОБИЛИ:

«СУБАРУ-ИМПРЕЗА» — два странных типа (залили полный бак, купили карту)

«МОРГАН-ПЛЮС-8» — незнакомый нахал

ПОГОДА: очень сильный дождь

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Судьбоносный миг

В этот день Манод наконец получил табличку на А496.

Ну конечно, не то чтобы к нам сразу хлынул поток машин, но главное — с точки зрения рыночной экономики — оба автомобиля были не из Манода. Оба незнакомые! Как говорит папа: «Незнакомых людей не бывает, есть только потенциальные клиенты, которых ты еще ни разу не видел».

Правда, тот дядька на «моргане», наверное, больше никогда к нам не приедет, да нам этого и не хочется. Но и в этом есть свои хорошие стороны: если бы не новая табличка на шоссе, он бы нас не нашел. А значит, табличка делает свое дело.

Кстати, табличку поставил вовсе не Городской совет. А мы сами. Это пришло Минни в голову, когда она увидела ту картину, где бросались малышом.

На следующий день после того, как мы меняли масло, мы проснулись поздно, и мама приготовила потрясающий завтрак — овсянку, сосиски, все, что положено. Здорово! Даже яйца, которые снесла Донателло. Она неслась каждый день, а от Микеланджело мы пока не дождались ни одного яичка.

— Мистер Лестер расплатился наличными, — сказала мама, — так что у нас праздничный завтрак!

Тут-то мы и поняли, что если Лестер заплатил деньги, значит, он приезжал и уехал. Мы все подбежали к окну. И увидели, как «БМВ» скрывается в облаках. Лестер уехал, а картина осталась.

— Кажется, Мари, шины ты ему поставила что надо, — сказала мама.

Мари ответила:

— Ага. Нужно еще сделать развал-схождение, но это где угодно можно — хоть в «Момент-ремонте». А так все у него будет нормально.

Но думала она при этом: «Боже мой, он забыл у нас Святой Грааль!»

— Забодай меня комар! — сказала Минни.

— Что случилось? — спросила мама.

— Так, ничего.

Маму мы во все это втягивать не хотели.

По дороге в школу Минни сказала:

— Он обязательно будет ее искать и приедет к нам, как только поймет, что она пропала. А когда он приедет, мы ее сразу отдадим, а если он не приедет, тут уж мы не виноваты — что нашли, то наше.

Теоретически это было правильно. Но на практике привело к тому, что после школы Минни притащила домой миллионов десять всяких девочек, в том числе даже Заразу Эванс, и все они толклись наверху — смотрели на картину. Они все сидели на кровати и глядели на картину, словно на экран «Плейстейшн».

Джейд Порти спросила:

— Это мужчина или девушка?

— Мужчина, конечно, — ответила Минни.

— У него же брови выщипаны.

— Это мужчина. Но брови у него действительно выщипаны. Тогда так было модно.

— И с волосами у него что-то странное. Как будто завивка.

— А руки у него красивые, правда? — сказала Зараза.

— Ага, — сказала Джейд. — Как у девушки.

Тут послышался гул, словно вертолет пролетел, — это ехал в гору школьный автобус Мари, и из него выскочили еще десять миллионов девочек и рванули наверх. Все девочки, которые обычно выходили в Лехведе или в самом Маноде, — все они приехали к нам посмотреть на картину.

Подружек Мари больше интересовали женщины. Рыжая девчонка, которая работает в «Мистере Мега-чипсе» (кстати, ее никто не приглашал!), стала допытываться, почему у всех такие большие головы.

Минни объяснила ей, что головы у них не такие уж большие.

— Просто тогда женщины выбривали себе лоб. Считалось, что высокий лоб — это красиво.

— Когда это — тогда? — спросила Зараза. — Ну и времечко: мужчины выщипывали брови, а женщины брились!

Тут пришла мама — посмотреть, что происходит.

— Что происходит?! — сказала она таким голосом, как будто вот-вот вышвырнет всех вон. Потом она увидела картину и так и ахнула: — Ой, какие занавеси! Что это? Парча? А драпировки-то какие!

Зараза Эванс сказала:

— Правда, красивые тетеньки, да, миссис Хьюз? У них очень высокие лбы. Совсем как у меня.

Мама подошла к картине поближе, чтобы лучше видеть, и сунула мне Макса, когда проходила мимо. Даже не посмотрела на меня — взяла и сунула мне его, будто мяч для регби, как Мадонна на картине, которая бросается малышами.

Я отнес Макса вниз. Том уже ушел. Остались только мы с Максом. Одни мальчики. Я посадил его на пол и подкатил к нему мячик. Сначала Макс хотел его

пнуть, а потом схватил и прижал к себе, как будто взял пенальти. Я сказал:

— Молодец! Хочешь еще? Дай мне мячик, и мы еще раз сыграем!

Но ему, по-моему, понравилось просто держать мячик.

Тут я понял, что кто-то колотит кулаками в дверь магазина. Пошел посмотреть. Это был Лестер. Наверное, он обнаружил, что картина пропала. Я побежал вверх.

Мари кинулась вниз и повела Лестера в кухню, а я убрал картину обратно в ящик. Ящик лежал под кроватью. Пупырчатый полиэтилен мы сунули в него. Осталось только защелкнуть защелки в нужном порядке и проверить, чтобы картина лежала нужной стороной вверх. Пара пустяков. В конце концов, мы только что заменили масло и переставили полный набор шин. Я закрыл защелки, а Минни приладила крышку на место. Мы работали как часы.

Мама сказала:

— Я ничего не пропустила, а? Где это вы такому научились?

Мари сказала всем девочкам, чтобы они спустились не раньше чем через пять минут: нам надо было успеть выставить Лестера. Он бы не понял, как в одной комнате с его картиной оказалось два миллиона девочек.

В кухне Мари рассказывала Лестеру, как мы нашли ящик в багажнике, когда искали домкрат, и как мы решили, что нельзя оставлять его там, потому что в гараже масло и вообще, поэтому картина для безопасности лежит у нас дома.

— А как вам новые шины?

— Шины — отлично. Картина здесь? Вы уверены?

— Да-да. А, Дилан, принес картину, молодец! А маслом вы довольны? Может быть, вы предпочитаете масло какой-то особой марки...

Но на масло Лестеру было наплевать. Он выхватил картину у меня из рук и прижал к себе, как Макс — свой мячик. Так и стоял целую минуту и с удовольствием дышал. Похоже, до этого он некоторое время не мог дышать как следует. Он сказал:

— Извините меня, пожалуйста. Конечно, нельзя было оставлять ее в машине. Ее вообще нельзя было класть в багажник, но... А вы, как всегда, были так добры и повели себя так разумно... — Он улыбнулся. — Я так вам благодарен. Наверное, вам хочется взглянуть на нее. Это самое меньшее, что я могу для вас сделать.

И он начал открывать ящик. Только не знал, как это делать. Не мог нащупать паз под крышкой. Я взял хлебный нож и помог ему.

Лестер вынул из ящика золотую книжку, положил на стол и открыл.

— Это диптих, — сказал он. — Такой маленький переносной алтарь. Его сделали по заказу Ричарда Второго.

Тут он замолчал.

В кухню вошла Зараза Эванс. И Джейд Порти. Они улыбнулись Лестеру, встали за спиной у нашей Мари и стали смотреть на картину. Лестер продолжал:

— Вот это — сусальное золото. Мы знаем всех, кто изображен на картине, поскольку у каждого есть свой символ — вроде логотипа. Например, король со стрелой — это Эдмунд, убитый датскими лучниками. Король с кольцом — Эдуард Исповедник, который, как гласит легенда, отдал нищему свое обручальное кольцо и...

Он снова замолчал. В кухню вошли две одноклассницы Мари, а следом — та рыжая девчонка, которая работает в «Мистере Мегачипсе», и мама с Максом. Все они улыбнулись Лестеру. Он тоже улыбнулся и стал рассказывать дальше:

— Видите, это даже не картина, а головоломка.

— Или шифр, — сказала Минни и покосилась на меня.

— Да, или шифр, — сказал Лестер. И замолчал.

В кухню вошли все остальные одноклассницы Мари. Те, которые шли последними, залезли на табуретки.

— Гм, у нас тут публичная лекция. Так о чем бишь мы? Так вот, у короля Ричарда на одеянии белый олень. Это его символ. И все ангелы в его честь облачены в одежды с белыми оленями. Изображение оленя есть и на обратной стороне... — И он начал закрывать книжку и остановился. В кухню вошло, наверное, еще сто девиц. И все они улыбались. Лестер улыбнулся в ответ, но посмотрел на меня. Я тоже улыбнулся.

— Пожалуй, лучше...

Он решил положить картину обратно в ящик, но тут миллион девочек разом огорченно вздохнули: «О-о-о-х». Как болельщики на стадионе, когда их команда пропустит пенальти. Лестер их испугался. И сказал:

— Ну что бы вам еще рассказать? Ах да. Шишечка, которая венчает древко знамени. Вот она. На вид — просто серебряный шарик, но если приглядеться, видно, что это еще одна картина — изображение замка на острове. Вот, видите? Мы обнаружили ее совсем недавно, после реставрации. Спрятанный шедевр. Таким мог бы быть символ Манода: нечто крошечное и с виду незначительное, но таящее в себе чудесное сокровище — наши картины.

Опять он за свое. Крошечное и незначительное! В следующий раз пусть сам себе шины меняет.

— Вот. Это «Диптих Уилтона». Написан в конце четырнадцатого века неизвестным художником. Всего доброго.

Он схватил картину, захлопнул ее и выскочил за дверь быстрее, чем вы успели бы сказать: «Разгон с места до шестидесяти за семь секунд».

Это и был Судьбоносный Миг, потому что Лестер в спешке забыл у нас деревянный ящик от картины. А без этого ящика мы не смогли бы совершить наше Сенсационное Похищение.

В общем главное — это что на завтра в школе все девчонки (то есть вообще все) только и говорили что про символы, а на рисовании Минни сказала: «А давайте придумаем Маноду символ!» И мисс Станнард велела нам его нарисовать. Поэтому все целую вечность малевали тучи, горы, овец и так далее. А мисс Станнард была очень рада, потому что... Знаете почему? Потому что наконец-то мы рисовали всеми красками, а не только серой. И желтой охрой, и красным крап-лаком, и берлинской лазурью, и всеми сорока оттенка-ми зеленого. Только серую краску не тронули.

Я не смог выдумать ничего, кроме моей собственной фотографии из газеты — где я стою во дворе с мячом.

Когда мисс Станнард это увидела, то сказала:

— Футбол, футбол, сплошной футбол. Какое отношение футбол имеет к Маноду?

— Абсолютно никакого, мисс, — сказал я. И это была правда.

— А теперь, девочки, — сказала мисс Станнард, — и Дилан, давайте придумаем к нашим рисункам девизы.

Вот, например, когда въезжаешь в Блейно, то видишь табличку, на которой написано... что?

— «Вперед, в будущее!» — сказала Минни. — Как будто на свете есть город, который движется назад, в прошлое.

— Точно. Мы придумаем что-нибудь получше. На въезде в Гарлех написано: «Гарлех — город для жизни». Как будто бывают города, не предназначенные для жизни. Ну, кто придумает девиз Манода?

Я подумал про «Город без футбола». И про знак на автобусной остановке.

Но настоящий девиз придумала, конечно, Минни:

Манод — где-то под радугой!

И картинка — гора с радугой на вершине. Всем это так понравилось, что тут же решили сделать настоящую табличку настоящими красками на большом деревянном щите. И когда мы ее сделали, она всем еще больше понравилась, поэтому мисс Станнارد нашла одного человека из Городского совета (мистера Элси, аптекаря), и он пришел посмотреть табличку и сказал, что она очень хороша, но не является бюджетным приоритетом. А мисс Станнارد сказала, что бюджетные вложения нам не нужны.

На следующее утро мы все сели в автобус и приехали на развилку с А496. Нашли на травянистой обочине старый столб для таблички. Взяли клей «Крепче гвоздей» и скобу четыре на два и приделали к столбу новую табличку. Воткнули столб обратно в ямку и укрепили кирпичами. Да, Манодская средняя школа доказала, что тоже умеет работать в команде!

От таблички, конечно, была большая польза, потому что в тот же день через город к нам приехало сразу

две машины. Одна — мужчина на «моргане». Он остановился во дворе, поглядел на ворота и спросил:

— Это оно?

Я спросил:

— Что — оно?

— Там на дороге указатель, стрелка прямо сюда. А тут дорога кончается. Куда указатель-то?

— Это табличка города Манода. Это Манод.

— Сколько от нее пользы, скажи на милость?! Указатель, который ведет в тупик! Я тут с утра по горкам катаюсь — вот веселье-то!

Я сказал:

— Так вам нужен поворот на Блейно! Там и покатаетесь как следует — всю дорогу до Гарлеха только по горкам.

И он уехал.

Потом приехали два парня на «импрезе», залили полный бак и поехали вверх по горной дороге — потренироваться на бездорожье. Тот, который сидел на пассажирском месте, сказал:

— Ты же мальчик из газеты, да? Последний мальчик в Маноде?

— Да, это я.

— Сейчас тебе, наверное, это не нравится, но вырастешь — поймешь, в чем штука. Будешь самым популярным парнем в Маноде!

— Не знаю, — сказал я.

Они уехали.

Кстати, вот что про табличку написал Газетный Артур.

На обочине А496 возле Блейно появилась табличка с указателем поворота на Манод. Этого

указателя там не было несколько лет. Теперь тем, кто хотел попасть в Манод, стало легче туда попасть. Хотя найти себе занятие по приезде им будет непросто.

Так что в конце концов у Манода появилась табличка. Папа всегда этого хотел. А все Минни!

Если ночью выглянуть из окна ее комнаты, сразу за городом видна лента желтого света. Это А496. Я сказал Минни:

— Представь себе — вернется он домой, увидит табличку, будет потрясен, и вообще, а ведь ему и в голову не придет, что это все ты. Круто!

— 4 —

ИЮНЯ

АВТОМОБИЛИ:

УГОЛЬНО-ЧЕРНЫЙ «БМВ-М5» — мистер К. Лестер (две тартинки «Тициан» и один пирог «Пикассо»)

«РОВЕР» 3500 V8 — сестры Селлвуд (с картиной)

ПОГОДА: дождь

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Достойное вознаграждение

Нечего сказать, достойное. Мы несколько дней гадали, что Лестер нам даст за то, что мы вернули ему эту его драгоценную картину.

— А вдруг он подарит нам какую-нибудь картину — насовсем? — сказала Минни.

— Хорошо бы ту, с орехами, — сказал Том.

— Лучше наличными, — сказала Мари.

Мы все ошибались.

Утром Лестер лично приехал за заказанными пирогами и сказал:

— Я так признателен вам за то, как заботливо вы обращались с «Диптихом Уилтона». По-моему, это самая изысканная вещь во всей коллекции. Правда, мое мнение ничего не решает.

И тут он нам оплатил.

Он подарил нам книгу. Книгу! «Путеводитель по Национальной галерее (издание второе, исправленное и дополненное)». Ничего себе вознаграждение! Вообще-то сам напросился на то, чтобы у него украли картину.

— Честно говоря, это я написал, — сказал он.

Лестеру ее даже покупать не пришлось! Еще и расписался на первой странице. Зачем — непонятно.

Мы сказали спасибо. Исключительно ради индивидуального подхода.

— Знаете, давайте вы сами посмотрите книгу и выберете картину, которую мы отправим в Лондон. Мой выбор там не пользуется популярностью.

— Не может быть, — сказала мама.

— Ну да. По поводу «Гротесковой старухи» посетители писали такое, что пришлось уничтожить книгу отзывов.

Том сказал:

— Ну а как же та картина с пиццей? Разве она могла кому-то не понравиться?

— Какая картина с пиццей?

— Та, где нарисованы коробки с пиццей и орехи.

— А. Мелендес. К сожалению, ничего хорошего тоже не написали. И вообще моя затея оказалась пустой тратой времени. Публика хочет видеть портреты футболистов, знаменитостей и все в таком роде. А картины нужно оставить в покое — пусть пока здесь полежат.

— У вас?

— Конечно.

— Нет, картина с зонтиками должна была всем понравиться, — сказала мама.

— К Ренуару посетители отнеслись с ошеломляющим безразличием: должно быть, слишком знакомая картина, — сказал Лестер.

— А мы ее просто обожаем, — сказала мама. — Пойдемте, покажу.

И она вывела Лестера во двор.

— Подойдите-ка сюда, — сказала мама, показав на ограду, туда, где написано «Открыто».

Лестер послушался. Было примерно без десяти девять.

— Вот сейчас, — сказала мама.

И тут началось: на улицу выполз разноцветный удав. Нет, честно, вид у него абсолютно бредовый. Сами посмотрите. Теперь это легче легкого: у города есть табличка.

— Не понимаю, — сказал Лестер.

— Это все я, — сказала мама. — Я это сделала. Я увидела вашу картину и накупила зонтиков. Раньше такого не было. Это мой шедевр, вдохновленный вашим шедевром.

— Поразительно! — сказал Лестер. А потом сел в машину и уехал.

— Наверное, это значит, что он был потрясен, — сказала мама.

После этого мы, наверное, сразу пошли бы в школу, если бы с горы до нас не донесся мощный рев гудка «БМВ». Мы поняли, что Лестер повстречал по дороге сестер Селлвуд, и решили подождать, что будет.

Я открыл им ворота и спросил:

— Вы с ним разъехались?

— Разъехались? — переспросила мисс Эльза. — Ах! Он проехал мимо, а мы увидели его и хотели его догнать. Нам так нужно с ним поговорить! Какая жалость. Эдна, мы разъехались.

— Понимаешь, мы хотели показать ему картину нашего папы, — сказала мисс Эдна. — Помоги мне ее вынуть.

Машина была не помята, значит, Лестер сумел от них увернуться. Все-таки полноприводная машина с усилителем руля — это вещь. Картина лежала в багажнике и была завернута в кухонное полотенце с надписью «С приветом из Кэрнарфона». Мы отнесли картину в магазин. Мари как раз собиралась в школу. Она сказала сестрам Селлвуд: «Здравствуйте, девушки!», и они так и расхихикались. Они очень любят, когда Мари называет их «девушки», потому что они не девушки, а старые-престарые старушки. Ужасно старые. Когда мисс Эльза хихикает, это выглядит очень странно, потому что звуков она не издает, зато трясется. Она вообще довольно трясучая, но когда хихикает, то похожа на смазанную фотографию. А из-за ярко-голубой прически она выглядит как такой пляшущий леденец на палочке.

Мисс Эдна сказала:

— Это картина нашего папочки.

— Как замечательно, — сказала Мари. — Это та, с горой? Про которую вы нам говорили?

Мисс Эльза сказала:

— Это картина нашего папочки.

— Они это уже знают, — сказала мисс Эдна. — Я им только что сказала. Они спрашивают, не та ли это картина, на которой нарисована гора. Я же тебе говорила, что им будет интереснее посмотреть на ту картину, где нарисована гора.

— Да, у него есть одна картина с горой, — сказала мисс Эльза.

— Они это знают! — Мисс Эдна попыталась развернуть кухонное полотенце. Руки у нее были как два комка перепутанных веревочек.

— Давайте я, — сказала Мари и развернула полотенце.

Наверное, мы были уверены, что увидим большую серую картину, вроде тех, которые мы рисовали с мисс Станnard. А вот и нет. Ничего похожего. Это был портрет маленькой девочки, самой красивой девочки на свете, по-моему даже красивее нашей Мари.

— Какая кожа! — сказала Мари. — Вот это цвет лица. А волосы! И объем! И блеск! И никаких секущихся кончиков! А как она одета! Прелесть, правда? — (Девочка была наряжена кем-то вроде цыганки.) — А кто это? Подруга его детства?

Обе мисс Селлвуд снова захихикали.

Эдна сказала:

— Эльза, они спрашивают, кто это.

Эльза сказала:

— Скажи им, кто это.

— Не узнаете? — сказала мисс Эдна. — Это же наша Эльза. Вот, поглядите. — И она поставила мисс Эльзу так, чтобы ее старое, морщинистое лицо оказалось рядом с круглым нежным личиком девочки.

— Это я, — сказала Эльза. — Это мой портрет, только тогда я была несколько моложе. — И она так

расхихикалась, что даже стало слышно смешок — сухой такой смешок, как будто бумага шуршит.

Мы все смотрели то на девочку, то на слепую старушку, которая стояла у прилавка и глядела в никуда.

Похоже, самый сильный мутаген — это время.

Мари ничего не сказала. Она глядела на картину. Переводила взгляд с Эльзы на картину и обратно. Быстро-быстро.

— Красивая она была, правда? — улыбнулась мисс Эдна. — Вот почему папенька нарисовал ее, а не меня. Она была красивая. А сейчас и не скажешь, да, Мари?

Минни сказала то, что мы все подумали:

— Вы с тех пор немного изменились, мисс Эльза.

— Минни! — шикнула на нее мама.

— Мы все меняемся, знаете ли, — сказала Эльза. — Вы когда-нибудь тоже станете другими. — Она крепко вцепилась в прилавок узловатыми пальцами, чтобы удержаться на ногах. — Какие бы вы ни были хорошенькие.

— Извините, — сказала Мари и, вместо того чтобы идти в школу, поднялась в свою комнату и закрыла за собой дверь.

Кстати, Лестерова книга оказалась очень даже ничего. Хотя почти на всех картинках были голые женщины. Толпы голых женщин — они бегали по лесу, спали в поле, спасались от мужчин в доспехах. На одной картине голая женщина была на пикнике в компании мужчин в котелках. Вечером мы с мамой, Минни и Максом сели посмотреть книгу (Мари так и не выходила из своей комнаты). Тут я им и рассказал, что стоит кому-то увидеть картину, как она его меняет.

— Тогда на некоторые картины лучше не смотреть, — сказала Минни. — А то все в Маноде с ума сойдут. Начнут бегать по лесам голышом.

Еще в книге оказалось на удивление много картин, где кого-нибудь обезглавливали. Как сказала мама, «об этом лучше даже и не думать».

Еще был портрет мужчины, женщины и маленькой собачки, которые стояли рядом, а на стене у них за спиной висело зеркальце. Зеркальце было такое настоящее, что хоть себя в нем рассматривай. Все это называлось «Портрет четы Арнольфини».

— Посмотри, как он держит ее за руку, — сказала Минни. — И оба в нарядных шляпах. Это свадебная фотография. Только это не фотография. Ее, наверное, тысячу лет рисовали. Смотри, у жены туфли грязные.

И точно. Видно, если приглядеться.

В общем, мы выбрали эту картину.

Вечером у нас были неприятности. Мари забаррикадировалась в своей комнате и не пускала туда Минни.

— Я хочу спать.

— Иди спать к маме.

— У меня нет одеяла.

Мари приоткрыла дверь и просунула Минни скромное одеяло. Минни вытянула его наружу, и дверь закрылась обратно.

Мы пошли жаловаться маме. Она сказала:

— Не переживайте. У всех бывают черные дни. Вот и у Мари сегодня черный день.

Только она это сказала, как зажужжала дрель. Мари взяла из папиных запасов замок и приделала его к двери своей комнаты. Это заняло у нее минут пять. Все-таки умеет Мари обращаться с электроинструментом.

Мама сказала:

— Не надо ее трогать. Лучше идите сюда, поглядите.

На кровати лежал большой шикарный альбом. Мама в него смотрела, а Макс его жевал.

— Это мои свадебные фотографии, — сказала мама.

Я и раньше видел этот альбом, но как-то никогда в него не заглядывал. Там был папа с густыми черными кудрями и худенькая мама, с тонкой-тонкой талией. И почти все, кто живет в Маноде, — все помолодевшие как по волшебству.

— Погоди-погоди, — сказала Минни. — Там рядом с дядей Айвором не мистер Дэвис случайно?

— Да. Тогда он был совсем не такой толстый.

— Но он же... ну, понимаешь... он улыбается.

— Свадьба же.

— Но мистер Дэвис не улыбается. Никогда.

— Тогда улыбался.

— А что случилось?

— Что ты имеешь в виду? — спросила мама.

— Раньше он улыбался, а теперь перестал, — сказала Минни. — Что случилось в промежутке?

— Ну... — сказала мама. — Всякое там. Жизнь. Случается разное.

— Какое — «всякое»?

— Ладно, расскажу, — сказала мама. И рассказала.

История была действительно жуткая. Оказалось, что у мистера Дэвиса был маленький сын. И вот этот мальчик со своей мамой поехал купаться в Гарлех. Мистер Дэвис заехал за ними на машине. Он парковался на стоянке, а его жена выпустила руку мальчика. И мальчик забежал за машину, туда, где мистер

Дэвис его не видел, и попал между машиной и стеной. Представляете, ужас какой!

— А я и не знала, что мистер Дэвис был женат.

— Это был настоящий кошмар. Они обвиняли друг друга. Он сидел за рулем, так что можно сказать, что это он виноват. Но она не уследила за маленьким Беном — так звали мальчика — так что, может быть, виновата была она. Ужас! Вспоминать не хочется. Сначала мистер Дэвис обозлился. Стоял на пороге лавки и кричал на всех, кто пытался перейти дорогу: «Вы что, не понимаете, как это опасно? Вас же могут задавить!» Вот так вот. А возле школы он кричал на детей, если они слишком быстро бегали, — говорил, что они упадут и разобьются. Это он позвал страховых агентов на озеро. Сказал, что на лодках не хватает спасательных жилетов. Страховщики приехали и тоже так сказали. А Совет заявил, что спасжилеты не являются бюджетным приоритетом. Вот тогда-то озеро и огородили. А сразу после этого мистер Дэвис видел Элвиса. Ему сразу стало легче. Он видел человека, которого все считали мертвым. Мистер Дэвис считает, будто и король Артур тоже не умер.

— И печенка, — сказала Минни.

— Ну печенка-то действительно живая.

— Мам, ты что? — сказал я. — Правда?!

— Нет, нет, конечно. — И мама пихнула меня в бок. А потом снова посмотрела на свадебные фотографии. — Принесите-ка вашу книгу про картины. Грустно очень.

Мы еще раз перелистали «Путеводитель по Национальной галерее». Здоровенный конь, вставший на дыбы. Женщина с большущей попой. Мужчины с козлиными ногами. Компания, играющая в карты. А под ко-

нец — такая пятнистая картинка, на которой были нарисованы люди, плывущие ясным днем по реке в лодке.

— Вот, — сказала мама. — Видите? Вот так раньше выглядел Манод. Именно так.

Картина называлась «Купание в „лягушатнике“». Никому не рубили голову. Никто не бегал голышом. Просто несколько лодок, привязанных к деревянному причалу, а кругом стоят люди и болтают. Ах да, еще солнце светит — ярко-ярко, как на вершине горы. Я сказал:

— Точно. Пошлем им эту картину, а не ту, свадебную.

— Давай пошлем свадебную. Она тебе больше всех понравилась.

— Нет. Если мы отправим эту, то, может быть, папа ее увидит и ему будет не так грустно.

Тут мама так крепко меня обняла, что я испугался, как бы она меня не обезглавила.

— 17 — ИЮНЯ

АВТОМОБИЛИ:

КРАСНЫЙ «ФОРД-КА» — мисс Станнард (бензин и «Сникерс»)

БЕЛЫЙ «МОНТЕГО» — мистер Эванс (вернул коробку тянuteк)

КРАСНАЯ «ТОЙОТА-ПРИУС-ТЦ» с автоматической коробкой — доктор Раманан с семьей (по тастному вызову, все пили кофе)

ДВА БЕЛЫХ МИКРОАВТОБУСА — люди из каменоломни (шарлотка «Шарден» и две тартинки «Тинторетто»)

верг я встретился с ней на лестничной площадке, где мы держали ту картину, и Мари сказала: «Уберите ее куда-нибудь, чтобы я не видела. А то я ее сожгу!» И мы унесли картину в кладовку.

В общем, когда в пятницу мы с Минни шли из школы, то проходили мимо мясной лавки, и я заглянул в окно и увидел там мистера Дэвиса с тесаком и подумал: ну и жизнь у него, наверное, — мясник, который боится печени. И тогда я взял и вошел. И говорю:

— Мистер Дэвис...

Он говорит:

— Ты пришел побеседовать или ты пришел купить мясо? Если за мясом, покажи. Если побеседовать, это не ко мне.

— Я думаю, — говорю, — я бы вас туда взял. Ну наверх. — И мотнул головой в сторону горы.

Он отложил тесак.

— Что? Наверх? — И тоже мотнул головой в сторону горы.

— Меня туда пускают. Думают, раз я маленький, то ничего. Понимаете, мне все равно — ну там, король Артур, Грааль, кто правит миром и...

Он замахал руками:

— Опасные это разговоры! Всюду шпионы! — И вышел из-за прилавка, и закрыл дверь. — Ты что, правда можешь меня туда взять?

— Запросто. Хоть сейчас.

— Мне нужно приготовить большое барбекю для богадельни «Нирвана» в Лехведе. А потом ты меня туда отведешь — и для нас настанет Момент Истины, да?

Мистер Дэвис приехал за мной на «астра-универсале-1.9» (предельная скорость 129 миль в час, а по

виду не скажешь). На всякий случай, если вы забыли: хоть «астра-универсал» и дизель, это ничего не значит. У него классные фары, дымчатое заднее стекло и корпус из какого-то новейшего сплава. Еще у него есть АБС, ЦДЦ и ЭСВ. И еще ИДС, ПСС, ВПР и СДД. Между прочим, ПСС — это поддержка старта по склону, а это значит, что, когда снимаешь ногу с тормоза, у тебя есть лишняя секунда на то, чтобы нащупать педаль газа, а это очень кстати, когда едешь вверх по горе Манод. А СДП — это еще круче. Это система детектора давления, которая показывает, когда шины спускают. Значит, можно спокойно ехать, не думая о машине. Только мистер Дэвис ехал совсем не спокойно. Он все наклонялся вперед, будто овца, почуявшая запах воздушной пастилы.

Когда мы доехали до вершины, я увидел, что Лестер недоволен. Я решил, что это из-за мистера Дэвиса. А он сказал:

— Картина готова, но я что-то сомневаюсь.

Он привел нас в комнату с мольбертом. Мистер Дэвис шепнул:

— Дергается. Понимает, что я его насквозь вижу.

Лестер открыл дверь и отошел в сторону, чтобы нас пропустить.

— Ну что, хотите показать нам красивенькую картинку? — сказал мистер Дэвис. — Из тех, что нам можно показывать.

Лестер его явно не понял.

— Эту картину предложил мальчик. Я уже говорил, что сомневаюсь.

— Те картины, которые нам видеть не положено, нам не покажут, так? — сказал мистер Дэвис. — А покажут красивенькую картинку, на которую можно

смотреть кому угодно. Я вас насквозь вижу. Да-да. Мы все вас насквозь видим. Здесь, в Манод, дураков нет.

Насчет того, что картина красивая, он был прав. А еще она была очень яркая. Рябь на реке так и играла, будто настоящая.

— Ой! — сказал мистер Дэвис.

Я даже решил, что ему пришел в голову ключ к тайному шифру, и вообще, — так он удивился.

— Я, пожалуй, объясню, в чем причина моих сомнений, — сказал Лестер. — Как вы знаете, Лондон несколько раз страдал от наводнений. Меня беспокоит, что при сложившихся обстоятельствах картину, на которой изображены река и лодки, сочтут бестактностью. И даже оскорблением.

— Это где? — спросил мистер Дэвис. — Где это, а? — Говорил он так, словно что-то понял. Может, на картине было нарисовано, где искать Святой Грааль. Я вспомнил, как Минни рассказывала что-то про даму в озере.

— Это островок на Сене летом тысяча восемьсот шестьдесят девятого года. Остров называется Камамбер, потому что формой похож на головку сыра. Моне часто бывал там вместе с Ренуаром. Считалось, что они делают этюды к большой картине для выставки в Академии, но мне кажется, что солнце и вино несколько отвлекли Моне, и он рисовал только такие маленькие, немного небрежные *rochades**. Нельзя сказать, чтобы они были лишены своеобразного очарования.

— Очень красиво, — сказал мистер Дэвис. — Напоминает Манод в дни моей молодости. — Мама говорила в точности то же самое, а значит, это правда.

* *Rochades* (фр.) — эскизы, наброски.

— До этого написать подобную картину было бы попросту невозможно. Именно в те годы стали продавать масляные краски в металлических тубиках, так что художники смогли писать маслом на пленэре, что раньше было практически исключено. Краски в тубиках не сохнут, просты в употреблении и компактны. Когда Моне планировал впоследствии написать большое полотно в своей студии, он мыслил как художник девятнадцатого века. Но у него были интуиция и руки художника века двадцатого, что, конечно, не обязательно хорошо. Однако эта картина заставляет задуматься. Как было бы прекрасно, если бы до нас дошли подобные непосредственные, живые этюды кисти Микеланджело — зарисовки флорентийского рынка или, скажем, пикника на Умбрийских холмах.

Мистер Дэвис спросил:

— А лодки? Это была частная собственность или их брали напрокат?

— К сожалению, я этого не знаю.

— Вид у них прокатный. А сколько брали за час, как вы думаете?

— Опять же сказать не могу. Я разбираюсь в цвете и мазке. А это, скорее, находится в ведении хранителя городского парка.

— Но место было популярное, да?

— Камамбер? Весьма. Но вы же понимаете, почему я сомневаюсь, — вода, лодки... К сожалению, для лондонцев это тяжелые воспоминания.

— А может быть... — сказал я, — а может быть, они поймут, что наводнения — это тоже весело. Вроде того человека, про которого вы говорили... который понял, что горшки и кастрюли — это тоже красиво.

Лестер поглядел на меня, поглядел на картину и сказал:

— Давайте попробуем. А если в Лондоне обидятся — что ж, значит, судьба такая.

Я думал, мистер Дэвис будет разочарован, но когда он ехал вниз, то волновался даже больше, чем когда ехал вверх. Видимость была приличная, но он все равно включил ДПФ (дополнительные противотуманные фары). Когда мы подъехали к мастерской, я выскочил и открыл ворота. Мистер Дэвис проехал и сказал:

— Забирайся обратно, парень.

Мне как-то не хотелось. Я сказал:

— Мама не любит, когда я поздно возвращаюсь.

— Скажи ей, что едешь со мной.

По-моему, для нее это был только лишний минус.

— Что ему нужно? — спросила мама.

Минни сказала:

— Он нашел Святой Грааль. Хочет, чтобы Дилан помог ему его выкопать.

Я подумал, что маме эта затея вряд ли понравится.

Мама выглянула в окно. Мистер Дэвис стоял, приклонившись к «астре». Он бодро помахал маме.

— Может получится интересно, — сказала мама. — А у него такой счастливый вид. С другой стороны, он человек непредсказуемый. — Она прикусила губу. — Вот что, поезжайте-ка оба. Только возьмите мой мобильник — так, на всякий случай.

Мистер Дэвис заехал в свою лавку и взял там ломик, электропилу и здоровенные кусачки.

— Он собирается кого-то убить! — шепнула Минни.

— Надеюсь, не нас, — шепнул я в ответ.

Потом мистер Дэвис поехал в парк «Ватерлоо» и поставил машину передом к воротам. Он включил фары на полную мощность, и нам было видно ржавую решетку.

— Пошли, — сказал мистер Дэвис. — Парень, бери пилу.

Пила была тяжеловатая, но ничего: зато я ее у него отобрал.

Мистер Дэвис повозился со ржавой старой цепью, но в конце концов нащупал замок. Он надеялся, что замок тоже проржавел и можно будет его просто сбить. Но замок оказался новенький и блестящий. Мистер Дэвис вручил замок Минни.

— Держи крепко, изо всех сил, и тяни.

Когда цепь натянулась, он ухватил ее кусачками и перекусил, будто цепочку сосисок. Мы втроем навалились на ворота и открыли их. Это оказалось легче, чем я думал. Мистер Дэвис зашагал в парк. Когда мы его догнали, он стоял перед росписью на стене и смотрел на ту панель, где была изображена его знаменитая встреча с Элвисом в «Товарах на дом — выгодно!». Он сказал:

— Знаете что — по-моему, тот, кого я тогда видел, был не Элвис.

Тут он берет у меня пилу, заводит ее и начинает пилить панели — вверх-вниз. Элвис в Лас-Вегасе упал на землю, а Элвис в «Товарах на дом — выгодно!» крутанулся и развалился надвое.

— Ну вот, — сказал мистер Дэвис, показывая на дыру, которую он проделал в ограде. Не было там никакого Грааля и вообще ничего такого. Всего-навсего Манодское катальное озеро, правда красивое: темнело, и озеро было все бархатистое и серебряное.

— Он что, на дне озера? — спросила Минни.

Но мистер Дэвис ее не слушал. Он подошел к старому лодочному сараю и срезал замок и с него. И скрылся внутри.

— Какой он решительный, — сказала Минни. — Как ты думаешь, он его нашел?

Мистер Дэвис вышел из сарая, волоча за собой старую лодку. И кричит:

— Идите сюда! Помогайте!

В сарае было темно, хоть глаз выколи, и везде висела густая пыльная паутина. В таких местах и прячут всякие клады. Может, Грааль лежит за лодками? Мистер Дэвис стал выволакивать вторую. Я ему помог. Потом мы вытащили еще одну, потом — еще. Всего их было восемь. Мистер Дэвис стал их обстукивать и охлопывать.

— Вроде нормально, — сказал он. — Подкрасить немного, и все. А как у нас дела с причалом?

Он прошелся по причалу, притоптывая и поднимаясь на носки.

— Неплохо, неплохо, — сказал он. Но обращался он не к нам. Он вообще забыл, что мы тут.

— Я замерзла, — сказала Минни. И мы пошли домой.

На следующее утро лавка мистера Дэвиса не открылась. Оказалось, что он так и застрял в парке. Он снес остатки ограды с Элвисом и красил лодки в синий с красным. Мистер Элси, аптекарь и член Приходского совета, пришел с ним побеседовать: то, что он делает, противозаконно, да и страховки на лодки нет.

— Знаете, что самое интересное? — сказал мистер Дэвис. — Мне на это наплевать.

Все сказали, что мистер Дэвис окончательно спятил. Но мы пошли на него посмотреть, и вид у него был довольный. Он попросил меня столкнуть одну лодку на воду, чтобы посмотреть, удержится ли она на плаву. Удержалась. На дне немного натекло, но она не утонула.

Когда мы пришли в парк в следующий раз, мистер Морган пригнал свой трактор («мэсси-фергюсон», классическая модель семидесятых годов, предельная скорость 47 миль в час) и той штуковиной, которой грузят сено, вытаскивал из озера водоросли и тину. Минни спросила у мистера Моргана, не считает ли он, что мистер Дэвис окончательно спятил.

— Может быть да, а может быть и нет. Но если да, ему лучше подыграть, правда?

На следующее утро мы задали тот же вопрос мистеру Элси, когда увидели, что он надел комбинезон и сидит у озера — пропитывает весла креозотом.

— Совсем свихнулся, бедняга, — сказал мистер Элси. — Подержите весло, а я другой конец обработаю, хорошо?

На следующий день к парку подъехал один из микроавтобусов с вершины, и оттуда выскочило сразу человек пять.

— Нам там, наверху, скучно — аж зубы сводит. Можно, мы с вами? Кажется, вы тут отлично проводите время? — сказали они.

Один выкосил лужайки, другой подстриг живые изгороди. Потом приехал второй микроавтобус, и люди из него убрали и увезли весь мусор. Мистер Дэвис в награду угостил всех пирогами с мясом. А я даже и не помню, чтобы кому-нибудь захотелось по доброй воле

поговорить с мистером Дэвисом. И вдруг все в очередь выстроились, чтобы с ним побеседовать, — а он вовсю командовал, сыпал шутками и раздавал пироги.

А потом случилось удивительное. Объявился мистер Эванс, папа Заразы! Сказал, что сыт Лондоном по горло и что прослышал, будто в Маноде наконец началась настоящая жизнь. Зараза хотела отпроситься с уроков, чтобы помочь ему косить траву вокруг озера, а мисс Станнارد сказала: «Давайте устроим школьный выезд». И повезла в парк всю школу.

Когда мы приехали, миссис Порти подвешивала на лодочный сарай какие-то корзинки. Мистер Элси привинчивал в конце причала большие железные кольца, а Крепыш вместе с Заразой аккуратно выписывали номера на корме у всех лодок, которые лежали на траве вверх дном, будто домики в ряд выстроились. И конечно, именно Минни — кто же еще — заметила, что цифры выходят вверх ногами.

Все посмеялись, а потом мы проголосовали — оставить так или замазать цифры и начать заново. По результатам голосования получилось оставить так.

Я подождал, пока Крепыш отойдет в сторонку, и спросил, не видел ли он папу.

— А он что, в мастерской?

— Нет. Уехал по делам. Мы думаем, что он уехал в Лондон, как вы. Поэтому я и спрашиваю.

— Ну что ты, Лондон ведь большой город!

— Но он же работает на Новой Плотине, как вы?

— Да и плотина будь здоров, — сказал Крепыш, и это была правда.

Потом Джейд Порти закричала: «Глядите!» И мы все стали глядеть. У нас ушло некоторое время на то, чтобы понять, куда же мы глядим. Потому что Джейд

показывала не на то, что было, а на то, чего не было. Дождь перестал.

— Дождь перестал!

Небо было совсем голубое, как у Моне, а озеро — тихое и коричневое.

Крепыш перевернул одну лодку и столкнул ее на воду.

Мистер Дэвис сказал:

— Погодите-погодите. Прежде чем мы объявим, что катальное озеро готово и открыто...

— Хотя и не застраховано, — вставил мистер Элси.

— Прежде чем мы это сделаем, мне бы хотелось поблагодарить за помощь всех вас, а особенно — мистера Лестера с горы и маленького Дилана Хьюза. Они натолкнули меня на эту мысль. Этого галерейного тут, к сожалению, нет, так что я думаю, что первым кататься будет Дилан. Согласны?

И тут все заплодировали мне как сумасшедшие. Я думал, это никогда не кончится, но мистер Элси поднял руку и сказал:

— Позволю себе напомнить, что мы не застрахованы. Вы садитесь в эти лодки под свою личную ответственность.

Я сказал:

— Ничего.

Тут все снова захлопали, а мистер Дэвис столкнул на воду лодку, и так я и стал первым мальчиком на катальном озере с тех пор, как мистер Дэвис видел Элвиса. Ух как было здорово! Только грести нужно осторожно, потому что когда поднимаешь весло, вода бежит по нему и затекает в рукав, и сидишь весь мокрый. Говорят, если потренироваться, это проходит.

Один человек с горы умел грести просто гениально, и его лодка ходила от берега до берега — как по линеечке. Удивительно.

Потом пришел Том и помог Крепышу устроить барбекю, а мистер Дэвис съездил за мешком сосисок из своей лавки. И все в Маноде попробовали фирменные сосиски мистера Дэвиса (кроме Мари, которая так и сидела в своей комнате).

Несколько дней все только этим и занимались. Каждый день после школы все шли на озеро и катались на лодках как заведенные. Мистер Дэвис скупил в «Оазисе» всю уцененную садовую мебель и принес ее в парк, чтобы было где посидеть и подождать. Он сам сидел у лодочного сарая, и чем больше с ним разговаривали, тем нормальнее он становился. Пришел Том. Пришла мама и принесла еще одну охапку зонтиков.

Я думал, что было бы хорошо, если бы Мари тоже сходила в парк, так что стал играть с Максом прямо у нее под дверью и поднял шум, чтобы выманить Мари. Макс топал мимо двери и почему-то кричал: «Тюх! Тюх!» — и тут дверь открылась, оттуда показались руки Мари, схватили Макса и втянули его внутрь. И дверь закрылась.

— Эй! — крикнул я. — Я тут сам с ним играю!

В дверь лучше было не стучать, это я понял, но стал топтать мимо двери туда-сюда и даже вздохнул пару раз. И вдруг из-под двери вспыхнул яркий свет — вспыхнул и погас. Я закричал:

— Эй, Мари, что случилось?

— Отвали от моей двери!

— А что за свет?

— Отвали от моей двери!

Я отошел. Дверь приоткрылась, и оттуда вперевалочку вышел Макс. Дверь за ним закрылась. Я взял Макса и пошел обратно вниз.

Так Мари и не побывала на катальном озере.

А Лестер в конце концов туда попал. Мистер Дэвис долго тряс ему руку и не мог остановиться.

— Это все вы, — сказал он. — Все — вы. Если бы я не увидел ту картину, тут бы ничего не было. Понимаете, я в жизни многое потерял. Но когда я увидел ту картину, то понял, что необязательно терять жизнь целиком.

— Рад, что вам понравилось, — сказал Лестер. — В Лондоне она тоже пользовалась популярностью.

— А знаете, что у меня фобия, — боюсь печенки? — спросил мистер Дэвис.

— Нет, впервые слышу.

— Представляете — мясник, который боится печенки.

— И что, картина вас исцелила от этой фобии?

— Нет, по-прежнему побаиваюсь. Печенка же живая.

— Надо же, а я не знал.

— И никто не знает. А я от этого ночами не сплю. Даже лечился: таблетки, иглоукалывание. А работа здесь — я же озеро чистил, траву косил — прямо с ног валит. Сплю, как свиная туша!

— Замечательно.

— Замечательно? Да это просто фантастика! Вот какая силища в этих картинах!

— Да, — сказал Лестер. — Я всегда так считал. — И оглядел парк так, словно ему это все снилось.

АВТОМОБИЛИ:

«МИНИ-КУПЕР-ЭС» гоночного красного цвета — я!

ПОГОДА: не заметил от волнения

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Прекрасная гама в озере

«Мини» был тот самый, который у нас угнали, и в этот день мы его вернули — и еще как вернули, с ума сойти! Я вообще подумал, что все наши беды на этом кончатся.

Сразу после уроков Зараза Эванс загнала меня в угол в гардеробе и говорит:

— Вечером папа начинает чинить старый павильон. Приходи помогать.

— Не могу, — говорю. — Мне нужно разобраться с заказами на пирожные и вычистить «гаджию», и...

— Нет уж, — говорит Зараза, — приходи помогать, а то я тебя убью.

— Во сколько? — говорю.

— В пять. Подожду до десяти минут шестого и пойду тебя искать.

В пять Зараза ждала меня на берегу озера — одна, без папы. Папа, видимо, «задерживался».

— Садись в лодку и гребь, пока он не придет.

Мне совершенно не хотелось опять мочить рукава, но отказать Заразе мне всегда трудно, потому что я боюсь, как бы мне не дали в глаз.

По озеру уже кто-то плавал. На одном сиденье был человек, а на другом — один из больших маминых зонтиков. Зараза хотела, чтобы я подплыл туда и протаранил лодку. Эта мысль мне не нравилась, но иногда проще потопить лодку, чем объяснить, почему не хочешь этого делать. И только когда мы подплыли совсем близко, я увидел, что тот человек в лодке — это Лестер. И даже немного обалдел. Но когда я увидел, кто сидит под зонтиком, то обалдел гораздо сильнее. Это была мисс Станнард.

Мисс Станнард в одной лодке с Лестером! Что происходит?!

— А ну тарань! — зарычала Зараза.

— Нет! Смотри, кто это!

Тут даже Зараза — и та ахнула. Было видно, что мисс Станнард ругает Лестера. Она опять завела речь об искусстве. А Лестер слушал ее так внимательно, что даже не заметил нас.

— Квентин! — говорила мисс Станнард (она называла его Квентин!). — Основная задача искусства — хотя бы частично спасти человеческую личность от разрушительного воздействия природы. А если руководствоваться этим критерием, то весь Манод, несомненно, произведение искусства. Жить здесь очень трудно. Если ты просто жив, это уже шедевр. Сестры Селлвуд живут на полпути к вершине, а волосы красят в этот нелепый оттенок голубого. Даже такой пижон, как ты, наверняка признает, что они — произведение искусства!

— Конечно, они в своем роде уникальны, но это не искусство. Не понимаю, почему тебе так хочется считать их произведением искусства...

Ну и так далее. Мисс Станнард говорила тоном «терпеливого объяснения», а таким тоном она гово-

рит, когда терпение у нее лопнуло. Я решил, что она сейчас Лестера утопит.

Зараза сказала:

— У них любовь.

— Что? Да ты ее только послушай! Она же на него орет. Он ее раздражает.

— Дурак! Когда люди влюблены, они именно так и разговаривают, — сказала Зараза.

Тут Лестер наконец заметил нас. Он махнул нам рукой и стал опять грести, а мисс Станнارد стала опять терпеливо объяснять.

В конце концов Крепыш Эванс все-таки пришел. Он поставил свой «монтего» задом к ступеням старого павильона и стал выгружать из багажника лопаты, швабры, ведра и кусачки.

— А, — сказал он Заразе, когда увидел меня, — ты привела помочь своего маленького друга.

— Он мне не друг, — ответила Зараза. — Он дурак. Он пришел, потому что я ему сказала.

— Вот и хорошо, — сказал Крепыш. — Поможешь нам тут все расчистить, а, Дилан?

— Как скажете.

— Сейчас посмотрим, есть ли смысл его ремонтировать. А потом посмотрим, — по-моему, у этой лужайки хорошие данные для гольфа. Ну, как тебе это?

— Нормально.

У старого павильона были тяжелые двери, которые складывались гармошкой, как в пожарном депо. Зимой можно было открывать только серединку, и тогда в павильоне всегда было тепло и сухо. А летом, если не было дождя, можно было сложить гармошку целиком, чтобы внутрь светило солнце. Но сейчас поперек дверей — сверху и снизу — были набиты здоровенные доски,

чтобы никто не мог их открыть. Окна были забраны щитами, а ступеньки — покрыты слоем птичьего помета.

— Начнем с дверей, — сказал Крепыш. Он дал нам с Заразой по столярному молотку с гвоздодером, и мы вытащили из досок гвозди. Оказалось легче, чем мы думали. Дерево было мягкое, и гвозди так и выскользнули. Они были новенькие и блестящие. Как будто и не мокли под дождем столько времени. Мы отодрали доски и сложили их на потенциальную лужайку для гольфа. Нижние мы сняли сами, а разобраться с верхними помог Крепыш. Но только он вынул первые несколько гвоздей, как павильон стал какой-то шаткий, а потом весь фасад стал медленно падать. Крепыш вскинул обе руки и заорал:

— Назад!

И мы прыгнули с крыльца на лужайку. А Крепыш стал медленно пятиться, держа дверь на поднятых руках, и плавно положил ее на землю. Мы подбежали к нему, поддержали дверь за края и помогли ее опустить. Теперь старый павильон остался совсем без передней стены, как кухонный домик. Внутри виднелся знаменитый снукерный стол — он стоял, прислоненный к стене, и на нем лежалдохлый голубь. А паутина была такая густая, что выглядела как белье на веревке. Но всего этого мы сначала даже не заметили. Потому что в дальнем углу аккуратненько приткнулось кое-что еще — «мини-купер-эс» (цвет — гоночный красный). *Наш «мини-купер-эс».*

Я завопил:

— Это же наша машина! Которую угнали! Я ее нашел!

— Ладно тебе, — сказала Зараза. — Ну подумаешь, машина.

Но я думал, что взорвусь. С тех самых пор, как «мини» угнали, я мечтал найти хотя бы одну улику против того, кто это сделал. А нашел целую машину! Я сказал:

— Вот узнает об этом папа!..

Как сказал Крепыш Эванс, угнанную машину вообще редко удастся найти, а еще удивительнее — найти ее в отличном состоянии, а самое странное — это что ключи от зажигания были засунуты за противосолнечный козырек над местом водителя.

— Все это довольно-таки загадочно, — сказал Крепыш. — А главное — это как, черт возьми, его сюда поставили. Вверх по ступенькам, через дверь и еще за снукерный стол...

Я сказал:

— Мистер Эванс, у «мини-купера» поразительная маневренность. Всякий, кто видел фильм «Ограбление по-итальянски»...

— Да-да, прекрасный фильм!

— ...знает, что «мини» отлично ездят по лестничным пролетам и могут поворачиваться вокруг своей оси, а для парковки им достаточно крошечного пятка...

— Кому какое дело?! — закричала Зараза.

Мистер Эванс завел двигатель, и «мини» — тум-тум-тум — съехал по ступеням на лужайку. Только запыхался чуть-чуть — и все.

К этому времени Лестер с мисс Станнард уже вылезали из лодки. Лестер умудрился обойти на веслах все озеро — и ни на рубашке, ни даже на туфлях у него не было ни капли воды.

Мисс Станнард спросила:

— Что это такое, Дилан?

Я рассказал ей, что случилось, и показал «мини».

— Но это же произведение искусства! — сказал Лестер.

— Ничего подобного, — сказала мисс Станнارد. — Это произведение промышленности.

— Только не начинай снова.

— Хорошо, не буду.

— Хотя должен заметить, что цвет у этого автомобиля весьма выразительный.

— Не понимаю, почему его поставили в павильон? — А потом мисс Станнارد добавила: — Квентин, скажи им, что ты придумал.

— Это ты придумала, — сказал Лестер.

— Ему не интересно, кто это придумал, ему интересно, что именно...

— Ну я просто хотел сказать, что...

Я понял, что так будет еще долго. И так разволновался из-за машины, что сказал:

— Извините, потом расскажете. Мне пора.

Крепыш сел за руль «мини» и провез нас по городу. Кто-то взял одну панель из ограды с Элвисом и приделал ее на парикмахерской «Завивка-покраска». Это та панель, где Элвису бреют голову, когда он идет в армию.

Как только мы влетели во двор, из дома выбежала мама, и это было совсем не хорошо, потому что она так разволновалась, что я понял: она, наверное, думает, будто это папина машина и за рулем сидит папа. И когда она увидела меня с Заразой, то расстроилась.

— Ой... — сказала она. — Где вы его нашли?

— В павильоне в парке. Его, наверное, кто-то спрятал. А я его нашел! Ну ладно, мы его нашли.

— Замечательно.

Тут во двор выбежала Мари, и вид у нее был такой же взволнованный.

— Где он? — спросила она.

— Это не он, кисонька, — сказала мама. — Только машина. Ее нашел Дилан.

Мари сверкнула на меня глазами и тут же убежала обратно в дом. Мама кинулась за ней, но ничего у нее не вышло. Мы услышали, как хлопнула дверь и Мари опять закрылась в комнате.

Единственным человеком, который был нам рад, оказалась Минни.

— Очень странно, — сказала она. — Если машину угоняют для того, чтобы ограбить банк или устроить перестрелку, потом ее обычно сжигают.

— Может, ее угнали не для того, чтобы ограбить банк?

— Зачем угонять машину и ставить ее в павильон? Загадка.

— Главное, что я ее нашел! Теперь я не виноват в том, что ее упустил, правда?

Мама сказала:

— Ты молодец, Дилан. Большой молодец.

— Ты ведь расскажешь папе, да? Позвонишь ему и скажешь, что мы вернули машину? И что это я ее нашел?

— Конечно-конечно!

— И заодно про замену масла.

— Да.

— Разве это не прекрасно?

— Ты большой молодец.

А потом случилась еще одна фантастическая вещь. Пришли мисс Станнард с Лестером, и мисс Станнард сказала:

— Квентин, расскажи им.

Лестер прокашлялся, как будто собирался говорить речь:

— Гм... Вы знаете, что я глубоко тронут и потрясен тем, как жители деревни отнеслись к картинам...

— Какой деревни? — спрашиваю.

— Этой деревни.

— Это город! Вы что, думаете, это деревня?

— Не будем углубляться в географию. Главное, что я потрясен и что я хочу отплатить добром за добро.

Ага! Скрытая красота! Наконец-то он понял, что Манод — это о-го-го!

— И как вы собираетесь отплатить? — спросила Минни.

Между прочим, отплатили нам отлично. Лестер придумал (то есть на самом деле мисс Станнард придумала), что по воскресеньям, перед тем как ехать в Лондон, машина с картиной будет останавливаться здесь, у нашей мастерской, и Лестер и его помощники будут вносить картину в дом, а потом люди, специально приглашенные люди — те, кого мы специально пригласим, — смогут посмотреть на картину. «Частная выставка». Лестер так это назвал.

— Это моя благодарность. Всему Маноду. А особенно тебе, Дилан. Только приглашать нужно лично и устно. Это не должно просочиться в прессу.

Я сказал:

— Не волнуйтесь, мистер Лестер. Ближайшая пресса будет только через три недели.

— Называй меня Квентин.

Я пообещал, но не смог.

Правда, фантастика? Мы хотели, чтобы «Оазис» был не просто автомастерской, а теперь это Копиро-

вальный центр, кофейня и Национальная галерея!!!
подавитесь своими «Идеальными плюшками»!

Потом я сказал маме:

— Расскажи папе про это и про машину, и он
вернется, не успеешь и трубку положить!

— Посмотрим, — ответила мама.

Она у нас всегда осторожничает.

Вечером, пока она укладывала Макса, я вспомнил
про Барри и Тона — тех ребят из страховой компа-
нии, которые просили позвонить им, если я найду
какие-нибудь улики. У меня осталась ручка, которую
они мне подарили, а на ней — телефонный номер,
вот я им и позвонил. Они очень заинтересовались
тем, что мы нашли машину. И сказали, что постара-
ются приехать как можно скорее. Я думал, мама будет
ужасно довольна.

Оказалось, что я крупно ошибался.

— 22 — ИЮНЯ

АВТОМОБИЛИ:

Так много, что не уследишь

ПОГОДА: был так занят, что не заметил

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Другая точка зрения

В этот день «Сноудонский Авто-Чудо-Оазис, Ко-
фейня и Копировальный центр» превратился наконец
в Главную Манодскую Достопримечательность.

В воскресенье я обеспечил маму запасами кофе, молока и даже пластиковых стаканчиков — так, на всякий случай. Маму Тома я попросил сделать побольше тартинков «Тинторетто». Потом мы сели в магазине и стали ждать. И ждали. И ждали.

— Может быть, где-нибудь идет крупный футбольный матч? — спросила мама.

Нет.

За весь день к нам никто не зашел. Мама решила подстричь Макса, потому что челка лезла ему в глаза. Макс не желал сидеть спокойно, поэтому мне пришлось взять его на колени. Закончив стрижку, мама сказала:

— Ну вот, так-то лучше. Ой!

— Что?

— Слишком коротко взяла. Он уже не похож на младенца. Выглядит как маленький мальчик.

— Да нет. Выглядит как младенец с короткой стрижкой.

Мама взяла Макса на руки и унесла к себе в комнату.

Минни листала «Исправленное и дополненное».

— Эй, — сказала она. — Глянь-ка сюда.

Это был листок бумаги, сложенный вчетверо, весь мелко упечатанный и с надписью «СЕКРЕТНО» наверху.

— Что это?

— Угадай с трех раз! — сказала Минни.

— Что это?

— Это список всех картин, которые у него хранятся на горе! И здесь говорится, на какую сумму они застрахованы! Погоди. — Она проглядела книжку, раскрыла ее на одной картине — женщина, стоящая,

положив руку на пояс, — и спросила: — Ну, как ты думаешь, сколько за эту дадут?

Я сказал:

— Тысячу?

Том сказал:

— А что, она разве продается?

— Нет.

— Десять тысяч?

— Двадцать пять миллионов! — объявила Минни. — Больше, чем стоит весь наш город!

— Значит, если кто-нибудь украдет картину, он станет очень богатым грабителем, — сказал Том.

— Ага, ага, Том, ты даешь слабину! — сказала Минни.

— Нет, не даю.

Я сказал:

— Если тут написано «СЕКРЕТНО», надо вернуть бумажку.

— Да, наверное, — сказала Минни. — Только вот...

— Только вот что?

— Это же Судьба! Все, что нам нужно, — это посмотреть в этот список и узнать, какая картина в Галерее самая дорогая. Вообще-то Лестер сам напрашивается на ограбление: нельзя же оставлять такие бумаги в книжке за просто так!

— Он не напрашивается на то, чтобы мы его ограбили.

— Он оставил в нашей книжке эту бумагу. Он хочет нам что-то сказать.

Я спросил:

— Слушай, Минни, эта картина стоит двадцать пять миллионов, да?

— Да.

— Скажи мне, пожалуйста, ты знаешь кого-нибудь, у кого было бы двадцать пять миллионов фунтов?

— Не знаю.

— Так кто же даст тебе двадцать пять миллионов за эту картину?

— Хороший вопрос, — сказала Минни. — Том, перестань морочить мне голову этой ерундой про похищение картин.

— Я вообще ничего не говорил про похищение, — сказал Том.

Тогда Минни придумала замечательную игру под названием «Шедевр». В конце «Исправленного и дополненного» был набор открыток с самыми знаменитыми картинами. Минни написала на обороте каждой открытки сумму, на которую картина была застрахована, а потом раздала их, как карты. А потом мы стали играть в такую игру, когда надо было глядеть, захочет ли, например, Том обменять свою картину с женщиной в большой шляпе на мою, с рыцарем. А когда договоришься, можно посмотреть, сколько они на самом деле стоят.

Если бы не игра, мы бы свихнулись от того, что пришлось столько ждать. Пока не стало темнеть, никто не появлялся. А потом вдруг в окно магазина посветили фары. И еще одни фары, и еще, и еще. Мы вышли во двор и увидели, что машины паркуются вдоль всего шоссе. И по улице к мастерской идут люди. Нам показалось, что их целая тысяча — и все идут, болтают, смеются, и все шагают к нашей мастерской. Лиц я не видел, но был абсолютно уверен, что папа тоже с ними.

Мама сказала:

— Вроде бы Лестер говорил, что придут только специально приглашенные.

Минни сказала:

— Мы не хотели никого обидеть.

— Но я же многих тут вижу в первый раз.

— Наверное, все решили, что нужно еще кого-нибудь пригласить. Правда, здорово?

— Да, здорово.

Оказалось, что до этого никто не появлялся, потому что все ждали, когда вниз с горы проедет микроавтобус. Было видно, как по склону мечется пятно света — это микроавтобус сражался с крутыми поворотами.

Кто-то хлопнул меня по плечу. Смотрю — а это Мохан! Лицо у него было все белое от противотуманных фар.

Я сказал:

— Мохан! Фантастика!

Он сказал:

— Хочешь в футбик?

Он бросил мяч, а я погнал его по траве, крича:

— Ворота — где бутан!

Мы успели ударить всего по разу, как вдруг подбежали братья Эллис и закричали:

— Давай сюда! Давай сюда!

А потом прибежал еще кто-то, и кто-то еще, и мы стали играть в футбол большой толпой, а на невидимой границе поля стояли люди с пирожными и кофе и кричали всякое-разное, например: «Давай, Джими!» Имена были незнакомые.

Мяч приземлился прямо под ноги Тому, и он погнал его вперед. Я перебежал к левому краю и стал

кричать Тому, но он все вел мяч вперед, пока не стало похоже, что он пробежит мимо ворот. И тогда Том ударил по мячу под невероятным углом и забил гол. Все завопили от восторга. Никогда не видел Тома таким довольным.

— Ну, Том, вот это геометрия! — сказал Мохан.

Том сказал:

— Я же ниндзя.

И снова улыбнулся.

Подошел доктор Раманан и потрепал Мохана по голове. И сказал:

— А что, Дилан, тут каждый вечер таклюдно?

— Пока нет, — говорю, — но скоро будет.

— По-моему, здесь все мои манодские знакомые.

— Кроме папы. Но он, наверное, скоро придет. Вы его не видели?

Нет, он его не видел.

А потом открылись ворота и въехал микроавтобус. Все смотрели, как из него вынимали ящик размером с обеденный стол. Ящик внесли в магазин.

Потом Лестер поднялся в кузов микроавтобуса и сказал:

— Я ожидал увидеть всего несколько десятков человек. Судя по всему, семейство Хьюз пользуется среди вас большей популярностью, чем мне казалось. Что ж, вполне заслуженно. Пожалуй, разумнее всего будет выстроиться в очередь, чтобы посмотреть на картину, а миссис Хьюз и ее дети угостят вас своим отменным кофе с пирожными.

Все так и поступили, и, кстати, за тот вечер мы заработали почти 600 фунтов. Одноразовые стаканчи-

ки у нас кончились, и Тому пришлось перемыть целую кучу, чтобы можно было пить из них еще раз.

Когда места в магазине не оставалось, Лестер немного рассказывал о картине, на которой были нарисованы два здоровенных бородатых дядьки в плащах, которые стояли в комнате, заставленной всякой всячиной, будто какой-нибудь бакалейный магазин. Это были «Послы» Ганса Гольбейна. Застрахованы на 15 миллионов.

— Обратите внимание на воротник, — говорил Лестер. — Придворные чиновники любили носить меха, так что придворный художник, само собой, должен был уметь мастерски изображать мех. Смотрите, какой пушистый этот воротник!

Ну да, действительно пушистый, но 15 миллионов — это слишком! Ни в какие ворота! К тому же внизу, у ног этих дядек, на полотне была большая белая клякса.

— Интересная деталь... — сказал Лестер.

Зараза шепнула мне на ухо:

— Жалко, что твой папа не приехал.

— Может, еще приедет, — ответил я.

Зараза удивилась. А потом сказала:

— Вроде бы он не собирался. Мы его видели. В Гарлехе.

Лестер говорил:

— Если можно, я бы попросил детей подойти к картине вплотную и встать сбоку, под очень острым углом. Почти вровень с рамой. Вот так...

Зараза двинулась к картине. Я потянул ее за рукав:

— Как это — в Гарлехе?

Она на меня шикнула. Лестер говорил:

— А теперь пригнитесь и взгляните на картину чуть снизу... Видите? Клякса превратилась...

— В череп! — заорала Зараза прямо мне в ухо.

— Замечательно!

Тогда Зараза шепнула:

— Он водит экскурсионный экскаватор в «Копай-не-хочу». Я думала, ты знаешь.

Лестер сказал, что спереди череп не видно, потому что он нарисован особым образом — это называется «перспектива».

— Согласно сущности перспективы, большинство картин требуют, чтобы зритель стоял прямо перед ними — словно перед телевизором. А к этой надо подойти сбоку и взглянуть на нее с другой точки зрения. И тогда — что мы тогда увидим?

Другая точка зрения. Надо смотреть на вещи с другой точки зрения. И что мы тогда увидим?

Я попробовал посмотреть на все с другой точки зрения: папа внезапно уехал, мама несколько дней только и делала, что смотрела в окно, Мари заперлась у себя в комнате... Даже говорить об этом не хотелось.

Лестер и его помощники убрали картину в ящик и отнесли его обратно в микроавтобус. Все стояли и смотрели, как он уехал. Пили себе кофе, ели пирожные и болтали. Некоторые даже смеялись. Мне хотелось на них закричать. И тут я понял, что именно так все это время смотрела на меня мама. Как на человека, который веселится и радуется жизни, когда на самом деле все плохо. Как на человека, который все видит с неправильной точки зрения.

АВТОМОБИЛИ:

«ЯГУАР-ИКС-ДЖЕЙ 4.2 V8 СУВЕРЕН») — Барри и Тон из страховой компании

ПОГОДА: было не го погоды

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: «Дело о „мичи“ в павильоне»

Вот наконец и все. В этот день автомастерская «Сноудонский Авто-Чудо-Оазис» официально закрылась.

Сначала я не поверил тому, что Зараза сказала про папу. Спросить у Минни я не мог, потому что она младше меня и не должна знать такие вещи. Хотел спросить у мамы, но она вечно возится с Максом, поэтому я пошел и постучал в дверь к Мари.

Мари не ответила, так что я постучал еще раз. Опять тишина. Я постучал еще. На этот раз Мари открыла.

— Ну чего тебе? — спросила она.

— Ты знаешь, где папа?

— Вот что, Дилан. Эта дверь за-пер-та! И была заперта уже почти три недели. И знаешь почему?

— По-моему, я знаю, где он.

— Она заперта, потому что мне на все наплевать! На него! На тебя! На мастерскую! На маму! На все! Иди отсюда! — И она захлопнула дверь.

Я постучал еще раз. Мари стала кричать.

Прибежала мама с Максом на руках.

— Дилан, что ты делаешь?

— Пытаюсь поговорить с Мари.

— Но она же не хочет с тобой разговаривать.

Идем.

Наверное, Мари все слышала, потому что перестала кричать. Дверь приоткрылась — самую чуточку — оттуда высунулись ее руки, как белые щупальца, и выхватили у мамы Макса. Дверь снова закрылась. Мама даже глазом не моргнула. Как будто такое происходит каждый день.

— Дилан, — сказала мама, — у Мари переходный возраст. В переходном возрасте девочки часто становятся нелюдимыми, и с этим приходится мириться. Пройдет. Такое бывает у всех девочек.

— Все девочки запираются в комнате на три недели подряд? Что, правда?!

— Не трогай ее, Дилан.

И тут из-под двери опять вспыхнул свет. Потом дверь открылась, и две руки сунули Макса обратно маме. Мама прижала его к груди. И собралась уходить.

Я сказал:

— Мама, давай съездим в «Копай-не-хочу».

— Куда?

— В «Копай-не-хочу». Ну, это в...

— Я знаю, где это.

— Там...

— Что там, я тоже знаю.

— Так давай съездим!

— Нет.

— Ну почему? Там так здорово, и вообще...

— Нет — и все. — Мама говорила сдавленным голосом, и на щеке у нее лежала большущая слеза.

— А если я буду хорошо-хорошо себя вести?

— Дилан, хватит, ладно? Хватит!

И этого действительно хватило. Хватило, чтобы я понял: она все знает. Хватило, чтобы я понял: это правда.

Когда я увидел, как во двор заворачивает «ягуар» Барри и Тона, мне стало повеселее. Уж они-то обрадуются, что я нашел машину. Конечно, то, что папа всего-навсего в Гарлехе, немного странно, зато, как только я разберусь со всей этой автомобильной историей, можно будет поехать туда и все ему рассказать.

Я выбежал во двор. Тон вручил мне ключи от машины и попросил залить полный бак. Конечно, я всего-навсего открыл крышечку бензобака, но мне было приятно просто подержать в руках ключи от классного автомобиля.

— Кстати, «мини» в мастерской. Оказалось, что он все это время был в павильоне.

— Мы слышали.

— Вот здорово, что я его нашел, правда?

— Не знаю, не знаю, — сказал Барри.

— Повезло, да?

Барри и Тон пошли в магазин заплатить и стали задавать маме разные дурацкие вопросы.

— Из документов мы узнали, — сказал Барри, — что вам стало затруднительно соответствовать финансовым требованиям поставщика бензина.

Это когда мы продали «Лего».

— Можно ли считать, — сказал Тон, — что у мистера Хьюза перед исчезновением возникли некоторые финансовые осложнения?

Я сказал:

— Он никуда не исчез.

Все посмотрели на меня. Мама — очень сердито.

Я сказал:

— Мой папа никуда не исчез. Он уехал в Гарлех.

— Дилан! — сказала мама.

— Он работает в «Копай-не-хочу», — сказал я и ушел в свою комнату.

Я долго-долго слушал, как мама с ними ругается. Старался разобрать, что они говорят. Пришла Минни и стала приставать ко мне с этой своей «Энциклопедией преступников и преступлений».

— Только погляди на него, — сказала она.

Мне было неинтересно.

— Только погляди. Этого парня зовут лорд Брокет. Всю жизнь был по уши в долгах — и по уши в «феррари».

— Нельзя быть по уши в «феррари».

— У него получилось. Посмотри.

Я по-прежнему старался разобрать, что говорит мама, но, честно говоря, не отвлечься на «феррари» было невозможно. У этого лорда был первый дорожный «феррари», болид, на котором выступал Ники Лауда на «Формуле-1»*, «340-Америка» и «мазерати-бердкейдж».

— Продать их было никак, ведь они никому не по карману. Но ему нужны были деньги. И знаешь, что он тогда сделал?

* Ники Лауда — легендарный австрийский гонщик, который четыре года подряд выступал на «Формуле-1» на «феррари», за это время дважды выигрывал гонку и еще один раз занял второе место.

— Не знаю.

— Сделал вид, что их угнали, и потребовал страховку.

— А как можно сделать вид, что машину угнали?

— Можно сбросить в пропасть...

— «Феррари» — в пропасть?! Да ни за что! Разве так можно? Нет. Никто не станет сбрасывать в пропасть «феррари».

— Он и не стал. Нет. Когда имеешь дело со страховкой, нельзя делать ничего непоправимого. Вдруг не заплатят?

— Ну и?..

— Он их закопал.

— Как?

— Взял и зарыл в землю. Правда, гениально?

Я не мог не согласиться, что это было неплохо.

— Совсем как папа, — сказала Минни, — в «Деле о „мини“ в павильоне».

— Что?

— Дилан, все же понятно! У него начались денежные неприятности, как у лорда Брокета, и он, как и лорд Брокет, решил обмануть страховую компанию. Наш папа — бандит!

— Нет, не бандит!

— Да, бандит! И Барри с Тоном заподозрили, что он ударился в бег! Наш папа — бандит...

— Тихо ты!

— Видишь вклейку с криминальными гениями? Это все не те люди! Вся эта компания — Ронни Биггс, Джонатан Уайльд — они все попались! Потому-то мы и знаем, что они преступники. А настоящих Криминальных Гениев не ловят. Никому и в голову не приходит, что они преступники. Как наш папа.

— Тихо ты, кому говорю!

— Спорим, в Маноде на самом деле совсем не самый низкий уровень преступности! Наверняка на самом деле мы кому угодно дадим сто очков вперед! Потому что нас не ловят. Говорю тебе, наш папа — бандит и сейчас прячется!

Я опять заорал на нее, чтобы замолчала:

— Перестань нести чушь!

Но на самом деле я думал: а вдруг она права? А я только что выдал папу Барри и Тону.

Оказалось еще хуже. Когда Барри с Тоном уехали, мама пришла к нам наверх и объяснила, что они работают в страховой компании. Они очень обрадовались, что машина нашлась, потому что теперь им не нужно выплачивать деньги, зато у них появилось много других вопросов. Например: куда машина подевалась сначала? К тому же они докопались до того, что Миляга Том когда-то пытался ограбить мастерскую, в которой теперь работает, и решили, что это страховой риск.

— Ты же не выгонишь Тома, правда? — спросила Минни.

— Сейчас — нет, — сказала мама. — Они говорят, что им стало известно, что ценные картины из Национальной галереи регулярно провозят через наш двор, и считают это неприемлемым страховым риском. Они говорят, что больше не могут нас страховать, если мы не заплатим им несколько тысяч фунтов, а этого мы не можем. К тому же они купили у нас последний бензин. Так что мы закрываемся.

— Закрываемся?! — крикнули мы хором. — Но ведь...

— Пожалуйста, не спорьте.

Как же было не спорить?

— А почему нельзя работать без страховки, как катальное озеро?

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что с меня хватит! — сказала мама.

И она взяла Макса, пошла и легла в постель.

— 24 — ИЮНЯ

АВТОМОБИЛИ:

СЕРЕБРИСТЫЙ «ФОРД-МОНДЕО-TDCi-УНИВЕРСАЛ» —
от Рутардсона

ПОГОДА: обложной непрерывный сильный дождь

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Преступные элементы

Хотя мы и закрылись, бензиновый журнал я вел по-прежнему. Конечно, писать в нем было особенно нечего, потому что бензина у нас больше не было. Но некоторые вещи кажутся такими важными, что о них нельзя не писать. Например, о том, как приехал этот «мондео» (предельная скорость 127 миль в час). Это была модель «TDCi», та, у которой кнопочный переключатель передач прямо на руле. Я вышел узнать, что ему нужно. Забыл, что мы больше не «Сноудонский Авто-Чудо-Оазис». Водитель помахал мне, открыл багажник и вытащил оттуда табличку «Продается». И прибил ее на

телеграфный столб, куда мы вешали объявления об услугах.

Вот и все. Конец «Сноудонскому Оазису».

Том пришел на работу — несмотря на то, что мама велела ему не приходить, и несмотря даже на то, что и работы никакой не было. Он сказал:

— Давайте я кур покормлю, или с Максом погуляю, или...

— Том, — сказала мама, — нас лишили страховки, в частности, потому, что у нас работает преступный элемент. А именно — ты.

— Но я же не преступный элемент, миссис Хьюз. Мистер Хьюз сказал...

— Мистера Хьюза, если ты не заметил, здесь нет. И нет уже довольно давно.

— Так, значит, это все из-за меня?

Она долго смотрела на него. А потом сказала:

— Да.

Я сказал:

— Он тут ни при чем.

Мама сказала:

— А ты вообще молчи!

Том к этому времени уже исчез.

— Зачем ты так сказала? — спросила Минни.

— Мне от этого стало легче, — ответила мама.

Иногда кто-нибудь заезжал, но, завидев табличку «Продается», давал задний ход и разворачивался. Даже куры — и те расстроились. Весь день сидели в клетке, а Донателло перестала нестись (Микеландже-ло даже не начинала).

Пару раз мимо на велосипеде проезжал Том. Сначала мы подумали, что он не знает, как быть, потом

решили, что это ностальгия. И наконец сообразили, что он хочет с нами поговорить.

После школы он поджидал нас на крыльце павильона в парке, и на голове у него был черепаший велосипедный шлем. Он сказал:

— Кажется, у меня есть Генеральный План.

— Давай.

Он огляделся — не слышит ли кто. Но на лужайке оказалась только утка. Том прошептал:

— Украсть картину.

— Я так и знала, что ты это скажешь! — сказала Минни. — Ты ведь с самого начала об этом подумывал, правда?

— Нет, ничего я не подумывал, — сказал Том. — Я исправился. А может, тогда ходил исправленный. А сейчас я ничего другого придумать не могу.

— И какой у тебя план? — спросила Минни.

— Я же сказал. Украсть картину.

Минни сказала:

— Том, ящики с картинами хранятся под землей, в каменоломне. Вход туда только один. Правительство потому и решило перевезти их туда, что их невозможно украсть. И украсть их действительно невозможно.

— Ой... — сказал Том.

Я сказал:

— Перестань считать, будто грабежом можно все исправить. Подумай, что случилось из-за того, что ты пытался ограбить нашу мастерскую.

— Из-за того, что я пытался ограбить вашу мастерскую, случилось только хорошее. Твой папа взял меня на работу.

Я сказал:

— У Национальной галереи будет другое мнение. Мой папа не такой, как все.

— Это точно, — сказал Том. — Все равно попытаться стоит.

— По-моему, ты не прав.

— До картин можно добраться, только когда они проезжают через наш двор, — сказала Минни. — Нам нужно попасть в микроавтобус. Например, когда он будет заправляться. А бензина у нас теперь нет. И вообще картина должна будет уже на следующее утро висеть в Галерее в Лондоне, так что ее сразу хватятся. Если мы хотим, чтобы нас не застукали, нужно подменить картину в микроавтобусе очень хорошей копией.

Мы с Томом уставились на нее.

Я сказал:

— А вот ты, наверное, об этом действительно много думала.

— Так, иногда, — ответила Минни.

На следующее утро Том снова проехал мимо мастерской. Он увидел, что я на него смотрю, решил подать мне какой-то знак руками и свалился с велосипеда. Я подбежал и помог ему встать.

— После школы, — сказал он. — На том же месте.

Том сидел в павильоне в парке, и на коленях у него было что-то вроде нескольких коробок с «Монополией». Только это была не «Монополия».

— Я тут подумал о том, что ты сказала, Минни, — что, если хочешь украсть картину, нужно подменить ее копией.

— И что?

Том повернул коробки, чтобы было видно крышки.

— «Раскраски по номерам», — сказал он.

— О! — сказала Минни. — «Раскраски по номерам». Точно!

— Вашей маме нужны деньги. Картины на горе стоят миллионы. Можно украсть картину и подменить ее вот такой штукой.

У него было три картины на выбор. Одна — собака колли. Другая — горы и небо. Третья — ваза с цветами.

Тут я вдруг вспомнил, что когда-то Милягу Тома звали Дубина Том.

— «Раскраски по номерам», — сказала Минни.

— Теперь осталось выбрать картину, похожую на одну из этих, и подменить ее.

Минни взяла коробку, где была нарисована ваза с цветами, и стала ее разглядывать.

— Том, — сказал я, — ты помнишь, что говорила Минни? Даже если ты украдешь картину — а у тебя это не получится, — как ты ее продашь? Ты знаешь кого-нибудь, у кого есть двадцать пять миллионов фунтов?

Том задумался — как будто перелистывал в голове записную книжку в поисках забытых миллионеров.

— Знаешь, Том, может, эти страховщики были правы, — сказал я. — Может, ты действительно преступный элемент?

— Нет! Я все это купил по-честному! — Он показал на коробки с раскрасками.

— Том, — сказала Минни, — это не очень хороший план.

Том оторопел.

— Ты же мне сама все время говорила: пойді укради картину!

— Я шутила. Ничего у нас не выйдет.

Со мной Том еще мог бы поспорить. Но спорить с Минни невозможно. Он ничего не сказал. Только как-то съежился.

— Я понимаю. Я понимаю, что ничего не выйдет. Но надо же что-то делать. Есть же что-то такое, что я могу сделать! Это же я во всем виноват.

И тут Минни сказала одну фразу, которая была задумана хорошо, но на самом деле оказалась ее роковой ошибкой. Минни сказала:

— Ладно, давай раскрасим одну. Так, на всякий случай.

Том улыбнулся своей замечательной улыбкой и протянул ей коробки.

— Выбирай, — сказал он.

Она выбрала вазу с цветами.

Когда мы вернулись домой, то заглянули в «Исправленное и дополненное». Оказалось, что там есть наша ваза с цветами. Как выяснилось, наша раскраска была сделана по настоящей картине из Национальной галереи. Эта картина называется «Подсолнухи» Винсента Ван Гога. Это самая ценная картина во всей Галерее.

— Чтоб меня приподняло и шлепнуло! — сказала Минни. — Сколько же это денег? Был бы у нас план, это было бы как раз по плану.

— Только плана у нас нет.

— Да-да. Конечно. Точно.

Картину мы решили раскрашивать в гараже. Мы сказали Тому, что это из-за секретности и чтобы ни-

кто не знал. На самом деле мы не хотели, чтобы мама увидела его и опять вышла из себя.

Краски для таких раскрасок разлиты по таким маленьким баночкам с цифрами. А картина разбита на маленькие пронумерованные кусочки. Остается всего-навсего закрасить эти кусочки краской под нужным номером. Для скорости мы решили каждый рисовать своей краской. У меня была охра желтая (9). У Минни — умбра жженая (4), а у Тома — крапlak коричневый (13). Сначала вместо картины получались просто яркие пятнышки на большой доске.

— Похоже на куриные какашки разных сортов, — сказала Минни, и все засмеялись. — Будто курочки налопались глазури, а потом пришли сюда и давай делать свои дела. Устроили большой какашечный праздник.

Почти все время мы сосредоточенно молчали. Было такое чувство, словно мы делаем что-то для мастерской, и хотя на самом деле мы ничего такого не делали, было приятно. В первый день нам показалось, что мы сделали совсем мало, но когда мы пришли на следующее утро, то увидели, что раскрасили почти половину. Стало уже понятно, какой картина должна быть. Тут мы начали работать быстрее, как когда собираешь пазл и уже почти все собрал и не терпится положить последний кусочек.

Мы единогласно постановили, что последний кусочек раскрашивает Том. Это была капелька киновари (15) на листочке. Эффект получился — с ума сойти. Вся наша мазня сразу стала похожа на живопись. На картину, которую мы сами написали. Мы так загордились, что минут пять ничего не делали, только стояли и смотрели. Минни сходила за «Исправленным

и дополненным», так что мы смогли сравнить нашу картину с фотографией той, настоящей.

— Вот это да! — сказал Том. — Никто не поймет, что это не та картина.

— Только наша вся мокрая, — сказала Минни.

— Ой, да.

И тут Минни добавила — и лучше бы не добавляла:

— Ну так она же высохнет.

И она высохла. Мы заглядывали в гараж каждое утро. К воскресенью она высохла. И стала еще больше похожа на картину. На ту самую картину.

Мама отправила меня с Минни к миссис Порти за пинтой молока. Я заметил, что в «Завивке-покраске» теперь новая витрина. В ней стояли большие бутылки шампуня с нахлобученными на них париками. Как будто вторжение маленьких волосатых пришельцев. Но с красивыми прическами. Вторжение маленьких пришельцев, которые собираются на свадьбу. Минни сказала:

— Если бы у нас был план, следующим пунктом мы должны были бы попросить Лестера отправить в Лондон «Подсолнухи» и спросить, можно ли показать их сначала у нас в мастерской, как раньше. Тогда бы мы все и провернули.

— У нас нет плана.

— Да, плана у нас нет.

Мы пошли дальше. Я сказал:

— А я тебе скажу, чего еще у нас нет.

— Чего?

— Рамы. Наши «Подсолнухи» нарисованы на картонке, у которой сзади написано «Раскраска по номерам». Ты что, думаешь, в Галерее скажут: «Ах, она для

разнообразия без рамы! Какая прелесть! Приклеим ее к стенке жвачкой!»?

— Ладно тебе, — сказала Минни.

Ночью я проснулся и увидел, что у меня в ногах кто-то сидит.

— Папа! — сказал я.

— Нет, — сказала Минни. — Это я. Минни.

— Ты чего?

— Ты переживал, что у нас нет рамы для «Подсолнухов».

— Ничего я не переживал.

— Ты говорил, что в Галерее нас раскусят, если увидят, что картина без рамы.

— Ну да, говорил, но я из-за этого не волнуюсь. Потому что мы не собираемся красть картину, и поэтому нам не надо ее подменять.

— Картина, которую нарисовал отец мисс Селлвуд. Та, на которой нарисована мисс Эльза, когда она была маленькая.

— И при чем тут эта картина?

— У нее подходящая рама.

И правда, рама была подходящая. Толстая, тяжелая, золотая, вся изукрашенная резными листьями. Совсем как в музее. Пока все спали, мы принесли из гаража раскраску, отогнули скобки, вынули из рамы портрет мисс Селлвуд и сунули туда нашу картину. Получилось просто потрясающе.

— Прямо шедевр! — сказал я. — Никто не заметит, что это не шедевр.

— Если мы НЕ пошлем эту картину в Национальную галерею, — сказала Минни, — это будет настоящее преступление.

— 30 —

ИЮНЯ

АВТОМОБИЛИ:

ГОЛУБОЙ «АУДИ-А8-V12» — оценщик от Ричардсона

ПОГОДА: грожа

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Это тоже гениальность

Хотя мы ну ни капельки не собирались на самом деле красть картину, мы уже начали бояться, что нас поймают. Вот, например, когда мы пришли домой и увидели во дворе этот дурацкий «ауди-кватро-А8-V12» (предельная скорость 155 миль в час — представьте себе!), мы оба тут же решили, что это за нами приехала полиция.

Я сказал:

— Какая может быть полиция? Ведь мы еще ничего не сделали.

Минни сказала:

— Преступный замысел.

Из «ауди» вылез человек в полосатом костюме и сказал:

— Я из агентства по недвижимости Ричардсона.

Мы сказали:

— Ой...

— Вы у нас уже были, — сказала Минни.

— Это приезжал наш служащий с табличкой. А я оценщик. — В руках у него были фотоаппарат и блокнот. — А где ваша мама?

Кстати, у этого «ауди» двигатель V12, как в «бентли», и фирменное электрогидравлическое многодисковое сцепление, которое распределяет мощность поровну между передним приводом и задним. Подумаешь! Какой в этом смысл, если машину даже заправить нельзя?

Как только мама увела полосатого в дом, Минни схватила меня за руку и прошипела:

— В гараж. Быстро!

Я спросил:

— Ты чего?

— Если он будет тут всюду шастать, то увидит *это*! — Она показала на наш шедевр, который стоял в углу на балансировочном станке. — Если мы задумали совершенное преступление, нужно сделать так, чтобы никто не заподозрил, что между нами и картиной есть какая-то связь. А это — очень-очень серьезная улика!

Мы протащили картину в заднюю дверь. Было слышно, как мама показывает полосатому кухню.

— Куда мы ее денем? Он же везде будет смотреть!

Мама внизу говорила:

— Ну, кухню вы посмотрели. Это гостиная...

Они в любую минуту могли подняться вверх.

— В мою комнату!

— Они будут смотреть все комнаты! Правда...

Не успела Минни договорить, как Мари открыла дверь своей комнаты и вышла. Она шла в туалет. Проскочила мимо и даже не взглянула на нас, как призрак. Дверь осталась приоткрытой.

Минни усмехнулась.

— Вот что, — сказала она. — Никто не сможет заглянуть в ее комнату и уйти живым. — Она схва-

тила картину и добавила: — Останешься здесь. Отвлечешь ее, если понадобится.

И юркнула в комнату Мари. Я слышал, как она там что-то двигает. Внизу полосатый говорил про вид из окна гостиной.

— Ну давай, Минни, скорей! — прошипел я. Она уже должна была выйти. В комнате больше ничего не двигалось.

Мари спустила воду.

— Минни... Ну скорей... Идет!

Даже удивительно, как я перепугался.

Потекла вода из крана. Забулькало в трубах. Внизу полосатый осматривал газовый камин с эффектом горящего угля.

— Минни, ну что ты застряла?!

И вдруг задвижка ванной оглушительно щелкнула, и у меня за спиной оказалась Мари. И в ту же секунду Минни показалась на пороге ее комнаты. Ну все, лучше не придумаешь. Сейчас будет большой скандал, и все узнают, что мы затеяли. И мы сядем в тюрьму и попадем в газеты и...

Мари исчезла в комнате. Она даже не взглянула на Минни, которая стояла на пороге. Ушла в комнату и дверь за собой закрыла.

Я сказал:

— Совсем чокнулась! Ну и хорошо. Я думал, она тебя убьет, если застучает в комнате.

— Не застучала, так что все обошлось, правда? — сказала Минни. — Я сунула *это* под кровать. Вот и отлично.

Когда она это сказала, я заметил очень странную вещь: Минни плакала. Я спросил:

— Ты чего? Ну, не надо. Ты почему плачешь?

— Ничего я не плачу, — ответила она.

— Это хорошо, — сказал я.

Но на самом деле она плакала. Наверняка увидела что-то у Мари в комнате. Но тут очень кстати пришли снизу мама с полосатым, так что мне не пришлось про это говорить. Полосатый взялся за ручку комнаты Мари и потянул.

Мама сказала:

— Я не уверена...

Голос Мари сразил полосатого, будто метательный нож.

— Убирайтесь вон! — заорала она.

И полосатый убрался.

Конспирация у нас была что надо.

Когда полосатый уехал, мама сказала:

— Он говорит, мы получим приличную сумму, так как у нас великолепный вид и мастерская, которую можно развивать. Он считает, что здесь можно открыть пансион, цветочный магазин или еще что-нибудь. Очень многообещающе.

Я понимаю, что это ужасно глупо, но раньше я не задумывался о том, что придется на самом деле куда-нибудь переехать. Я посмотрел в окно на великолепный вид.

Минни сказала:

— Сколько у нас осталось времени? То есть... скоро дом продадут?

— Это зависит, — сказала мама, — от того, найдется ли покупатель. И еще от того, сумеем ли мы выманить Мари из комнаты. Кто же купит дом вместе с ней!

Мы сообщили Мари, что дом выставлен на продажу: подсунули ей записку под дверь.

Минни пришла ночевать в мою комнату. Она сказала:

— Если мы сумеем заполучить картину, то табличка «Продается» слетит быстрее, чем ее повесили. Устроим здесь собственный цветочный магазин.

— Но ведь мы никакой картины не заполучим, потому что на самом деле не собираемся ничего красть.

— Да знаю я, — ответила Минни. — Только не помню, почему это мы не собираемся.

— Потому что ты сама сказала, что мы не знаем никого, у кого было бы двадцать пять миллионов фунтов. В этом-то и дело.

— Точно.

Я отвернулся к стене и попытался заснуть.

— Только...

— Ну что?

— Понимаешь, нам же не нужно двадцать пять миллионов фунтов. Двадцать пять миллионов фунтов — это сколько получит Галерея, если картина пропадет. А если мы предложим вернуть ее за меньше денег, там будут очень довольны. Тогда это даже кражей нельзя назвать.

— Это будет похищение с требованием выкупа.

— Именно. Но ведь похищение — это гораздо лучше, правда?

— А на сколько меньше денег?

— Я тут прикинула... Знаешь, если подумать, это все Галерея виновата. Пока они сюда не приехали, все было отлично. Папа был счастлив. Том был счастлив. Мари была счастлива. Это ведь из-за Галереи от мамы потребовали больше платить за страховку. Вот пусть они и заплатят. Пусть заплатят за нашу стра-

ховку. И еще компенсацию Тому. Нам ведь только нужно, чтобы все стало как раньше.

Чтобы все стало как раньше — это было сильно.

— Ну и еще немного пусть подкинут, чтобы можно было в отпуск съездить, и вообще...

Я сказал «нет», перевернулся на другой бок и притворился, что сплю.

— Вообще нет?

— Вообще нет.

— И даже чтобы Тома взять обратно на работу?

— Нет.

— Хорошо. Только скажи об этом Тому сам. И поскорее, потому что он питает надежды.

— Ладно, скажу.

— Отлично. Спокойной ночи.

Через некоторое время я сказал:

— Слушай, Мин... а ты почему плакала, когда вышла от Мари?

Но она, наверное, заснула, потому что не ответила.

Утром Том ждал меня возле школы. Когда он меня увидел, то подбежал, схватил за руку и тряс, пока я не решил, что у меня сейчас все зубы выпадут. И все твердил:

— Как я рад, как я рад!

— Это хорошо, — говорю. — А что случилось?

— Минни говорит, у тебя отличный план. Она говорит, ты сделаешь все как было. И даже меня возьмут обратно на работу!

— Когда она тебе это сказала?

— Вот только что! Спасибо! Спасибо! Спасибо!

— Ох, понимаешь, на самом деле она это зря...

— Почему? Ты что, хотел сделать сюрприз, да?

— Нет, но...

— Дилан! По всему городу видно, что ты сделал! Красивые витрины. Каталъное озеро. Павильон. Табличка. Ты сделал все это для нашего города! Ты сделал так, что городу стало лучше жить! А теперь ты сделаешь так, чтобы лучше жить стало мне!

— Ну, понимаешь, дело в том...

— Дилан, ты совсем как твой папа! Ты все можешь починить и исправить!

Это было во вторник. Так что у меня еще оставался день до того, как Лестер решит, какую картину отправлять в Лондон.

Когда я пришел из школы, то надел теплую куртку, перелез через ворота и пошел на вершину горы Манод. Надо же было хоть что-то сделать.

Я снова пробрался через туман по белым камням. Прошел мимо валуна с нарисованными на нем лицами. Лица смотрели на меня. Я вышел из облака на солнце и снял куртку. И не успел дойти до ограды, как мне навстречу вышел Лестер.

— Рад тебя видеть, — сказал он. — Прекрасный у нас получился прием на той неделе. Надеюсь, тебе тоже понравилось?

— Да, было хорошо.

— А твоей маме?

— Да, ей тоже понравилось. И всем.

Он так обрадовался, что я пришел, а я-то собирался украсть у него картину! Я хотел тут же все ему выложить, но он сказал:

— Я слышал, вы переезжаете.

— Угу.

— А куда?

Я посмотрел на великолепный вид — на сверкающий черный пик горы Блейно, на зеленые склоны горы Манод, на толстое облачное одеяло, укрывшее мой город. Неужели мы действительно уедем от всего этого?

Я набрал побольше воздуха и сказал:

— Вы слышали про такую картину — «Подсолнухи»?

— Разумеется.

— Ее нарисовал...

— Я знаю, кто ее написал.

— Но у вас тут ее нет, правда?

— Почему же, есть. Конечно, «Подсолнухов» у него целая серия, но в нашей коллекции хранится одна из лучших картин. Удивительно, что она тебя заинтересовала. Я думал, что тебе, вероятно, будет интересно взглянуть на какого-нибудь Веласкеса. Откровенно говоря, «Подсолнухи» безбожно переоценивают и...

Было бы проще простого поддаться на его уговоры. Но я сказал:

— Мне бы очень хотелось посмотреть «Подсолнухи».

— Ну что ж, признаюсь, я и сам подумывал о том, чтобы отправить их в Лондон. На потребу толпы. Собственно, можно и на этой неделе. Входи. Я хочу кое-что тебе показать.

Лестер провел меня в гору, в ту большую пещеру, где хранились картины. Свет был выключен. Темно было — хоть глаз выколи.

Лестер сказал:

— Когда я сюда приехал, Дилан, то предвкушал, что картины теперь будут мои, и только мои. Мне

тошно смотреть на них в Галерее, вместе с толпами туристов. Мне казалось, что там картины... мертвые, словно мертвые бабочки в музейной витрине. И тут пришел один человек, открыл витрину, и бабочки ожили. И разлетелись. И я наконец-то все понял.

— Здорово.

— Этот человек — тот, кто выпустил бабочек, — это был ты, Дилан Хьюз. Я хотел поблагодарить тебя. И теперь я включу свет.

И включил. А потом спросил:

— Ну, как тебе?

Было просто потрясающе. Там, где раньше стояли ряды ящиков, теперь стояли ряды картин. Картин больших, малюсеньких, огромных, картин с женщинами в диких шляпках, картин с мужчинами на охоте, с городами, морями, кораблями, львами, тиграми, со всем на свете.

— Приятное зрелище, да? Я решил, что все те, кто здесь работают, — почему они должны с утра до вечера глядеть на ящики, если, повторяя слова твоей учительницы, могут смотреть на высочайшие достижения цивилизации? А ведь это все благодаря тебе! Ты же тоже гений, Дилан. А теперь давай поищем твои «Подсолнухи». Импрессионисты у нас дальше...

Он повел меня вдоль рядов картин. Я глядел на них — а думал только об одном: «Это всё вы виноваты. Если бы не эти картины, мы были бы счастливы. У нас была бы мастерская. И даже папа, может быть, вернулся бы. А все из-за картин».

— Лестер... — сказал я. — Мистер Лестер, я...

— Да?

— Я не гений.

— Что ж, слово это порядком истертое...

— Я даже не умный.

— Умные люди никогда не считают себя умными.

— Я ничего не понимаю в картинах.

— Знать, что ты ничего не знаешь, — это начало мудрости. Как сказано в «Невероятных приключениях Билла и Теда»*. Ха-ха.

— Мои куры...

— Какие куры? Ах да. Донателло и Микеланджело...

— Их называли не в честь художников. А в честь Черепашек.

Вид у Лестера стал огорошенный.

— В честь Черепашек-ниндзя. Их зовут Рафаэль, Микеланджело, Донателло и Леонардо. И Сплинтер. Только он на самом деле не черепашка. Он крыса-мутант.

Лестер уставился на меня и глядел не отрываясь.

— В их честь мы и называли курочек. Художники тут ни при чем.

Лестер ничего не говорил.

Через некоторое время я сказал:

— Простите.

Он все равно ничего не говорил.

Я решил, что пойду-ка я лучше. И сказал:

— Мне выключить свет?

Но Лестер так ничего и не ответил.

* «Невероятные приключения Билла и Теда» — фильм 1989 года, комедия о двух туповатых подростках, которые пытаются сделать доклад по истории при помощи машины времени.

— 2 —

ИЮЛЯ

АВТОМОБИЛИ:

«РОВЕР» 3500 V8 — сестры Селлвуд

ПОГОДА: очень сыро

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: План «Б»

Для начала — нам больше не нужно было качать бензин и помогать в магазине. А теперь я еще и перестал быть гением. Первый раз в жизни нам нечего было делать в Маноде. Неудивительно, что мы решили ступить на путь криминала. Каждый день стал будто среда. Да что там — в среду нам стало гораздо интереснее: приехали сестры Селлвуд. Мисс Эдна просигналила и, когда я вышел, попросила свой «Пиплз Френд»*.

Я объяснил ей, что мы закрылись.

Мисс Эдна сказала:

— Эльза, он говорит, что они закрылись.

— Боже мой, — сказала мисс Эльза. — И что, у них нет твоего «Пиплз Френд»?

— Нет. Придется нам ехать к миссис Порти.

— Закрылись, — сказала Эльза. — И открыться не успели, а уже закрылись.

— Только я стала привыкать, что они тут есть, — сказала Эдна.

И они уехали.

* «Пиплз Френд» — популярный журнал для женщин, издающийся с 1869 года.

Я почти всю жизнь прожил в «Сноудонском Оазисе». Но сестры Селлвуд всю жизнь прожили на горе, а жизнь у них была гораздо длиннее моей. Для них мы были приезжие. Почему-то от этого мне сразу полегчало. Вот почему, когда появилась Минни, я преспокойно сказал ей:

— Грабеж отменяется. Лестер знает, что я ничего не понимаю в картинах. И не остановит фургон, и картину никому не покажет. Он теперь со мной даже не разговаривает. Я вообще не уверен, что он повезет «Подсолнухи».

— Ерунда, — сказала Минни. — У нас всегда есть в запасе план «Б».

— План «Б»? А что, у нас был план «А»?!

— После школы жду тебя в гараже.

Когда мы пришли в гараж, оказалось, что Минни там все подготовила по высшему классу. Два складных стула, пострадавших от долгой службы в магазине, — для меня и для Тома. Поднос с питьем. Блокноты и карандаши. А на верстаке — несколько игрушечных машинок и гаечный ключ, на которых она нам показывала свой план. Минни над всем этим здорово поработала. Даже страшно за нее становилось. Вот он, план «Б».

1. Сунуть нашу картину в такой же деревянный ящик, как у картин в Галерее.

Минни сказала: «Наверное, вы думаете где, панцири паленые, взять такой ящик?», а потом улыбнулась и вытащила из-под «ранглера» ящик. На нем было написано «Коллекция Национальной галереи». Этот ящик забыл у нас Лестер — вместе с «Диптихом Уилтона».

Так что с пунктом первым мы разобрались.

Мы поручили Минни пролезть в комнату Мари, взять нашу картину и положить ее в ящик, и она это сделала. Еще она позаимствовала у Мари мобильник.

2. Затащить картину на вершину и подготовить подмену ящиков.

С этим пришлось подождать до вечера воскресенья, потому что именно тогда Лестер положил картину обратно в ящик, чтобы погрузить ее в микроавтобус и в понедельник отвезти в Лондон.

Вечером Том спрятался в гараже и ждал нас, а мы не могли выйти, пока мама не заснет. А мама легла спать ужасно поздно. Она раскладывала вещи по коробкам: что мы возьмем с собой, а что отвезем на ярмарку (скоро должна была начаться суперярмарка «Рог изобилия» на поле для регби на стадионе «Динамо» в Блейно). Я заснул, но Минни меня разбудила.

Мы очень боялись, что охранники нас заметят. Тут я вспомнил про крем для обуви, который папа привез из мелкооптового магазина. Мы намазали кремом лица, чтобы в темноте нас не было видно. И чуть не забыли про Тома в гараже. Когда мы открыли дверь, он сказал:

— Смотрите, что я принес!

Он принес три маски Черепашек. Не знаю, годятся ли они для маскировки, но Том так хотел их надеть, что мы их надели.

Ящик был не тяжелый, а идти по белым камешкам оказалось легко. Иногда прямо над ухом блеяли овцы, и мы пугались. Но до вершины дошли.

3. Подменить их картину нашей.

Я сказал:

— Погодите. Как мы это сделаем? Там же сигнализация и...

— С сигнализацией я разберусь.

— Только без ос, ладно? — сказал Том.

— Никаких ос.

— Вот и хорошо, — сказал Том. — Терпеть не могу ос.

— Ничего хорошего, Том, — сказал я, — потому что непонятно как. — Я повернулся к Минни. — Как ты разберешься с сигнализацией, а? Ты что, Фугитоид?

Фугитоид — это такой робот, который был главным союзником Черепашек в войне против генерала Бланка на планете Д'Хунниб, в системе Сидайом. Он умел бурить скалы.

Минни сказала:

— Ничего такого нам не нужно. Только один пакет воздушной пастилы.

И достала пакет воздушной пастилы. Она его уже припасла.

Той ночью я всю дорогу до вершины так и трясся из-за сигнализации. Когда мы дошли до вершины, Минни вытащила из-под куртки пакет воздушной пастилы. Через несколько секунд стало слышно, как отовсюду сбегаются овцы. Они пошли за Минни к ограде из колючей проволоки.

— Поднимите проволоку, — шепнула Минни. — Поднимите проволоку и пропустите внутрь пару овец.

Мы так и сделали. Тогда Минни сказала:

— Ждите тут. Я сейчас отключу сигнализацию.

— Что?

Но она уже убежала. Мы спрятались за большим валуном — тем самым, с картинками. И увидели, как она бежит к Технодрому, где Лестер держал картины.

Том сказал:

— Она забыла картину!

Деревянный ящик из Галереи был при нас.

— Я ее догоню!

— Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет! — зашипел я. — погоди, посмотрим, что она будет делать!

И тут сработала сигнализация. Она отдавалась эхом в скалах и пещерах, как будто вся гора превратилась в огромный колокол. Сверкали голубые огни. Бегали люди. На много миль вокруг посходили с ума все овцы.

Я забеспокоился. Том перепугался. Но тут Минни вдруг оказалась рядом и посмотрела на часы.

Из темноты, сверкая фарами, выкатилось четыре квадроцикла.

— Две минуты, — сказала Минни. — Замечательно.

Квадроциклы гоняли вдоль ограды, высматривая злоумышленников. Мы съежились за камнем. Потом они укатили к Технодрому, и сигнализация замолчала.

— Ты взяла картину?

— Еще нет, — сказала Минни. — Подождем полчасика.

— Зачем?

— Увидишь.

Мы стали ждать и глядеть. Повсюду бегали люди с фонариками. Потом они обнаружили овец, которых мы привели. Мы слышали, как они кричат друг другу: «Да это же просто овцы!»

Несколько человек погнали одну овцу к ограде, но она уходить не собиралась. Хорошо, что у них не было воздушной пастилы.

Мы сидели за камнем и глядели на звезды. Звезды здесь были яркие-яркие, не то что в городе.

Том сказал:

— Слушайте, а зачем генералу Бланку понадобился Фугитоид?

— Потому что он хотел при помощи его телепортационного устройства захватить власть над галактикой.

— А... — сказал Том.

Потом Минни поднялась.

— Сейчас я снова запущу сигнализацию, — сказала она. — Главное — пусть они думают, что она испортилась, тогда в конце концов перестанут обращать на нее внимание.

И она ушла.

Через несколько секунд сигнализация опять сработала. И опять началась морoka с людьми и овцами.

Когда Минни вернулась, то сказала:

— Квадроциклы завели через четыре минуты. Уже не так торопятся.

Она запускала сигнализацию еще три раза. Каждый раз у охранников уходило немножко больше времени на то, чтобы выбраться из своей будки. Каждый раз мы сидели за валуном и болтали — ну обо всякой чепухе. Оказалось, что Том знает названия некоторых звезд.

— Вон та — Вега, — говорил он. — Надо было прихватить термос с горячим шоколадом. А там — Кассиопея. Я замерз.

Ну и так далее.

В лунном свете валун, за которым мы сидели, сиял, словно серебряный, а рисунок на нем стал черный-черный, как чернила. Все лица на рисунке смотрели в одну сторону. Вверх, туда, где рос густой косматый

мох. На что они там глядели? Не знаю, что это мне в голову взбрело, но я поднял этот мох и попробовал рассмотреть, что там. Вдруг у меня над ухом послышался стрекот, как будто заработал крошечный пулемет. Я уронил мох и пригнулся.

— Это у меня, — сказал Том. Он держал фонарик. — У меня фонарик на динамке.

Он поднял мох и посветил на валун. Подо мхом был рисунок. Две женщины с длинными распущенными волосами. Оказывается, все лица на рисунке глядели на женщин. Наверное, много-много лет назад это нарисовали горняки.

Когда Минни отправилась за ограду в шестой раз, сигнализация вообще не сработала. Вернулась Минни с улыбкой от уха до уха.

— Отключили, — сказала она. — Приходи кто хочешь. Может, прихватить еще несколько картин про запас?

— Нет.

Мы поднялись и понесли в Технодром нашу раскраску. И стоило нам открыть дверь, как сигнализация сработала. Как будто меня сразу в оба уха ударили. Мне пришлось прикусить губу, чтобы не заорать. Мы застыли на месте. Луна отбрасывала на траву наши тени. Они были неподвижные, словно окаменелости. Даже пар от нашего дыхания так перепугался, что замер.

Но ничего не случилось.

Там стояла картина — в ящике. Мы поставили нашу картину. Взяли ту. Сигнализация опять замолчала. Тишина была чуть ли не хуже шума. Мы стояли, затаив дыхание. Потом Минни вышла, и Том пошел за ней.

Только когда мы добрались до ограды из колючей проволоки, я подумал: «Двадцать пять миллионов фунтов».

4. Поместить картину мисс Селлвуд в раму от «Подсолнухов».

Это была идея Минни, и, сами понимаете, идея сильная.

План был такой: вынуть «Подсолнухи» из рамы, сунуть туда сначала портрет маленькой мисс Эльзы Селлвуд, а за него — «Подсолнухи», и поставить картину на место. Тогда дом можно хоть обыскивать — будешь глядеть прямо на Ван Гога и ни за что не догадаешься, что это он. Потому что он будет спрятан за портретом маленькой Эльзы, который нарисовал старый мистер Селлвуд.

Минни — гений!

Когда мы спустились с горы, то тут же пошли в гараж. Я взял ломик, нащупал специальный паз под буквой «ц» в слове «Национальная» и открыл ящик. Внутри был пупырчатый полиэтилен. Мы его вытащили и увидели «Подсолнухи».

Они были вообще не похожи на нашу раскраску.

Мы знали, что это шедевр, — но такое... Желтый был такой желтый, что в гараже стало светло. И хотя на картине были только цветы, она была радостная и печальная одновременно. Ну как, скажите на милость, цветы могут быть печальными? Или, если уж на то пошло, радостными? А они — были. Мы долго-долго сидели и смотрели на них. Самое странное, что с горы мы пришли промерзшие, но смотреть на «Подсолнухи» было все равно что греться у костра. В них было

столько солнца, что я как будто опять оказался на вершине в тот первый день, когда не ожидал, что там будет солнце.

Тут снаружи запели птицы. Уже наступало утро. Минни сказала:

— Надо ее сфотографировать.

— Что?

— В доказательство, что картина у нас. Для переговоров. Я утащила у Мари «поляроид». Том, фотографировать будешь ты.

— Но я тоже хочу быть на фотографии, — сказал Том.

— Тебе нельзя. Это будет улика против тебя.

— А против вас что, нет улик?

— Мы несовершеннолетние. Нас не посадят.

— Я надену маску черепашки.

Так мы и сделали. Поставили фотоаппарат на автоматический режим и встали рядом с «Подсолнухами» в черепаших масках. Маскировка была никудышная. В Сноудонии есть только один человек, у которого столько черепаших масок, и все его знают.

Мы сняли заднюю доску рамы. Я вынул картину. Краска лежала таким толстым слоем, что я испугался, как бы она не начала отваливаться. Минни сунула в раму портрет мисс Селлвуд. Я собирался положить «Подсолнухи» прямо сверху, но испугался, что краска попортится.

— Надо проложить какой-нибудь бумажкой, что ли?

У папы на полке лежал большой рулон бумажных полотенец. Мы положили «Подсолнухи» на толстый слой мягкой бумаги, прикрыли задней доской рамы и закрыли скобки.

— Ну вот, — сказала Минни. — Совершенное преступление.

— И что нам теперь делать? — спросил Том.

— Держать себя в руках, — ответила Минни.

— 7 — ИЮЛЯ

АВТОМОБИЛИ:

БЕЛЫЙ МИКРОАВТОБУС — проехал мимо и даже не затормозил

УГОЛЬНО-ЧЕРНЫЙ «БМВ-М5» — мистер К. Лестер
(расследование преступления)

ПОГОДА: не заметил

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: У страховых компаний своя специализация

Это был понедельник. Белый микроавтобус проехал по нашему двору. Следом за ним проехал Лестер на своей машине. Он помахал нам, и мы подумали: ну вот, поехали.

Минни сказала:

— Вот, пожалуйста. Дело сделано.

— Раскраска едет в Лондон.

Вдруг сверху донесся жуткий вопль.

— Что случилось?!

Не знаю, с какой стати меня стукнуло, что дело в нашей краже — ну там, полиция влезла к нам в окно, и вообще. Потом вопль перешел в плач и грохот — что-то бросали на пол. Это была Мари. Что-то ее огорчило.

— Что там такое?

— Да ничего, — сказала Минни. — Пошли уже, в школу пора.

И она прямо-таки потащила меня из дома, и мы помчались в школу.

Обычно мы с Минни, когда приходим в школу, разбегаемся в стороны. Но сегодня мы держались рядом целый день. Как будто оба боялись, что другой проболтается. Минни весь день мрачно усмехалась. Была на седьмом небе, что наконец-то стала Криминальным Гением. Так была довольна, что на математике даже стала напевать себе под нос. Мисс Станнард сделала ей замечание, а она только улыбнулась этакой улыбочкой Моны Лизы, как будто думала: и они еще пробуют запретить Криминальному Гению напевать себе под нос...

Когда мы пришли из школы, машина Лестера стояла на траве у ворот. Он только что вернулся из Лондона. Вид у него был такой, словно он гнал без передышки. И хотя у «БМВ» эргономические кресла и великолепный круиз-контроль для долгих путешествий, все равно вид у Лестера был усталый.

— Спокойно, — сказал я Минни. — Он уже наверняка знает, что произошло, но вряд ли подозревает нас.

— Ну что? — сказал Лестер. — Где она?

Я спросил:

— Где — что?

— Вашей маме я ничего не говорил, потому что не хочу еще больше ее расстраивать, у нее и так достаточно неприятностей. Немедленно верните картину, и больше мы об этом говорить не будем.

Он смотрел прямо на меня. А я не мог смотреть на него.

Минни сказала:

— Мы рассчитываем на вознаграждение.

— На вознаграждение? — сказал Лестер. — Вознаграждение — это что вы не окажетесь за решеткой!

— Мы несовершеннолетние, нас не посадят!

— В таком случае за решеткой окажутся ваша мама и ваш приятель Том. Они совершеннолетние.

Я так и ахнул.

— Погодите-погодите... — сказал я. — Все нормально. Мы...

Но Минни меня перебила:

— Вы заявили в полицию?

— Я был в Галерее, когда ящик открыли. И чуть в обморок не упал. К счастью для вас, у меня хватило присутствия духа сочинить историю о местной изостудии. Пока что о случившемся знаю только я. Немедленно верните картину, и тогда, возможно, удастся избежать тюремного заключения.

Я сказал:

— Конечно, спасибо. — И уже собирался пойти принести картину, только вот Минни меня остановила.

— Мы ее спрятали, — сказала она. — Она в безопасном месте. Но нам нужно время.

— Время я вам дам. Но немного. Поняли?

— Само собой, — сказала Минни. — А что сделают с той картиной?

— Повесят в Галерее на неделю.

— Ковабунга! — сказала Минни.

— Никакой ковабунги, — сказал Лестер. — Верните картину, я вам говорю! Вы хоть понимаете, как легко ее повредить?!

— Вы сделали предложение, — сказала Минни. — Мы должны подумать.

Я когда-то читал про то, как у человека сужаются глаза, но до сих пор никогда этого не видел. Глаза у Лестера стали как яростные бритвы.

Он вернулся в машину. Потом опустил стекло и посмотрел на меня.

— Дилан, я прошу прощения, — сказал он, и это было довольно странно. — Я прошу прощения за то, что так тебя переоценивал. Да, я ценил тебя очень высоко. Я ошибся. Не надо было показывать тебе эти картины. И вообще никому.

И уехал.

Я спросил:

— Как он догадался, что это мы?

— Все идет по плану, — сказала Минни. — Я тут подумала: какой смысл красть картину, если никто не знает, что ее украли? Поэтому я положила в ящик не «Подсолнухи», а коллаж нашей Мари. Потому-то она и орала так утром — потому что я взяла ее коллаж.

— Какой еще коллаж?

— Ну коллаж. Как тот, который она сделала из «Секретов красоты», только другой.

— И ты подменила ее коллаж нашими «Подсолнухами»?

— Ну да, и теперь он висит в Национальной галерее. Вот Мари обрадуется, когда узнает!

— Ага. Молодец. Теперь мы точно сядем в тюрьму.

— Дай-ка ручку, — сказала она.

Я дал ей ручку, ту, на которой был телефон Барри. Минни вытащила мобильник Мари и принялась нажимать кнопки.

Мари наверху все выла.

Я пошел в дом вслед за Минни и спросил:

— Что ты делаешь?

— Если твой приятель Лестер выходит из игры, я знаю кое-кого, кого наше предложение заинтересует. В конце концов, платить за картину, если она не найдется, будет не Галерея, а страховая компания. Страховой компании наверняка захочется почесаться. Алло?

Дозвонилась.

— Это Минни из автомастерской. Мы бы хотели с вами встретиться. Есть разговор.

Мы встретились с ними в павильоне. Они въехали на своем «икс-джей-4.2» прямо на лужайку с хорошими данными и вылезли из машины.

— Вы что, опять про «мини»? — спросил Барри.

— Потому что мы больше не хотим с этим возиться, — сказал Тон.

— Вот этот, — сказал Барри и ткнул в меня пальцем, — сказал мне, что его папаша работает в «Копай-не-хочу». Он давным-давно оттуда убрался, и с тех пор его никто не видел.

— Так что не надо тратить наше время.

Я так удивился, услышав новости про папу, что даже забыл, что должен бояться этих страховщиков. Да и вообще, если кого и стоило бояться, так это Минни. Она сказала:

— «Мини» нас не интересует. Нас интересует вот это.

И показала им поляроидный снимок, на котором мы в масках держим «Подсолнухи».

Барри внимательно рассмотрел фотографию. Кажется, он растерялся. Тон внимательно рассмотрел фотографию. Кажется, он растерялся еще больше.

Тон посмотрел на Барри, Барри посмотрел на Тона. Оба посмотрели на меня. Я посмотрел на Минни.

— Это «Подсолнухи» Винсента Ван Гога, — сказала Минни. — Украдены из Галереи в эти выходные. Мы знаем, где эта картина. И откроем ее местонахождение за Достойное Вознаграждение.

Барри и Тон опять посмотрели друг на друга.

— Интересно, — сказал Тон.

— А при чем тут мы? — спросил Барри.

— Но ведь если мы ее не вернем, страховая компания должна будет выплатить двадцать пять миллионов фунтов. Мы сэкономим вашей компании десятки миллионов. Ну что, договоримся?

— Честно говоря, нет, — сказал Барри, — потому что это не наша компания. Это другая страховая компания. Современные страховые компании предпочитают узкую специализацию. Мы специализируемся на круглосуточных и сельских автомастерских и сервисных центрах и так далее. А не на национальных коллекциях произведений искусства. Это совсем другой коленкор.

— Ой! — сказала Минни.

И тут я вспомнил, что хотя она и Криминальный Гений, но все равно маленькая девочка.

— Так, значит...

Барри и Тон расхохотались.

— Так, значит, вы тоже решили затеять дельце со страховкой, да? Совсем как папочка. Семейка жуликов!

Я решил, что с меня хватит. Повернулся и пошел. Минни побежала за мной. Было видно, что она вот-вот заплачет. Тут Барри позвал ее обратно.

— Не обращай внимания, — сказал я.

Но он сказал:

— Слушайте, я могу вам помочь. Так, в свободное от основной работы время.

— Да, мы вас слушаем.

— Вам ведь выплатят вознаграждение. Хотите, мы заберем у вас картину, сами сдадим ее полиции, а денежки поделим. Что скажете?

Вид у Минни был такой, словно он спросил у нее, не нужен ли ей второй день рождения.

— Ну что, согласны, а? На чем порешим? Семьдесят к тридцати. Скорее всего, выплатят шестизначную сумму, пока дело не попало в газеты. Понимаете, если все узнают, что компания должна сделать большую выплату, ее акции падают. Если вы не проболтаетесь, я могу раздобыть вам... ну, скажем, двадцать штук.

— Двадцать пять, — сказала Минни.

— Заметано.

Она вручила Барри снимок и сказала:

— Это аванс. Когда мы получим деньги, вы получите настоящую.

Когда мы вечером прибирали в кухне, я спросил:

— А что, если нас поймают?

— Криминальных Гениев и Великих Похитителей Картин не ловят. Вот Винченцо, например. Чтобы поймать его, нужно было разработать всю науку об отпечатках пальцев с начала до конца.

— Ну-ка повтори, что ты сказала.

— Чтобы поймать его, нужно было открыть отпечатки пальцев.

— Его поймали?!

— Э-э, да. Потом.

— Ты мне раньше не говорила, что его поймали.

— Не говорила. Как-то не хотела об этом думать.

— Ой!

— Ой!

АВТОМОБИЛИ:

ВНЕДОРОЖНИК «РОВЕР» 3500 V8 — сестры Селлвуд

УГОЛЬНО-ЧЕРНЫЙ «БМВ-М5» — Лестер, я, Минни, Макс, половина Национальной галереи — и мисс Станнард

ПОГОДА: дождь

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: коллекционный сверхгибкий Сплинтер с шестьюдесятью семью подвижными суставами

Вот как Минни договорилась с Барри и Тоном.

Мама собиралась в среду вечером отвезти все наши вещи на суперярмарку «Рог изобилия» на футбольном стадионе «Динамо» в Блейно. Мы должны были остаться дома — сидеть с Максом. Барри и Тон должны были заехать с деньгами, и тогда мы собирались отдать им картину.

Вот как все вышло на самом деле.

Мы помогли маме загрузить в машину все коробки. Когда она уже собиралась уезжать, у ворот послышался автомобильный сигнал. Это были сестры Селлвуд. Я побежал открыть им ворота.

— Что, Дилан, вы еще не переехали?

— Пока нет.

Они вылезли из машины. Мама сказала:

— Извините, милые дамы, у нас, к сожалению, закрыто. Бензина ни капли, если вы за бензином.

— Ах нет-нет-нет, — сказала Эдна. — Мы увидели, что вы все пакуете в коробки, и на нас снизошло вдохновение. Вот посмотрите.

На заднем сиденье у них стояла коробка со старыми пластинками и лампой.

— Мы едем на ярмарку в Блейно. Хотим продать кое-какое барахло.

— Да-да.

— В связи с этим мы хотели спросить: можно, мы заберем нашу картину?

— Картину?

— Которую написал наш папа. Портрет Эльзы.

Мы с Минни переглянулись. Думали мы при этом одно и то же. А именно: «Панцири паленые!»

Мама сказала:

— Конечно-конечно, да-да, я сейчас ее принесу.

Мы с Минни хором закричали:

— Я сбегаяю!

При этом мы думали, что, может быть, успеем вынуть из рамы «Подсолнухи».

— Приглядите за маленьким, — велела мама. — Я сама ее принесу. Не поймите меня неправильно, это изумительный портрет, но он очень скверно повлиял на нашу Мари. Я буду только рада от него избавиться.

И ушла.

Минни сказала:

— Неужели вы собираетесь продать картину?

Эдна сказала:

— На нас она тоже скверно влияет. Эльза все равно ее не видит, а мне надоело на нее смотреть. Зачем мне Эльзин портрет, когда я целый день волей-неволей гляжу, так сказать, на оригинал? — Это она верно подметила. — И у нас из-за него давние нелады.

Никогда не понимала, почему папа нарисовал ее, а не меня. А теперь будет все равно. Продадим портрет, и дело с концом.

Мама принесла картину и отдала ее им.

И они укатили на суперярмарку «Рог изобилия» в Блейно с нашим бесценным Ван Гогом на заднем сиденье своего «ровера».

Минут через десять мама тоже уехала.

Ко мне только-только вернулся дар речи. Я сказал:

— Что нам теперь делать?

— Ну, здесь нам оставаться нельзя, это точно.

— Почему?

У меня был план забраться в постель и с головой накрыться одеялом.

— Потому что когда Барри и Тон сюда приедут, они нас убьют.

Ой.

— Ничего, — сказала Минни. — У любого хорошего плана есть большие пределы погрешности. Постараемся извлечь выгоду из сложившегося положения. Вот что мы сделаем. Мы поедем на ярмарку. Купим картину. Привезем ее обратно, и все будет прекрасно.

— А если ее уже купили?

— А эту возможность нужно свести к минимуму.

— Как?

— Шевелиться, и побыстрее!

В автобусе была Джейд Порти. Она от души улыбнулась Максу и пощекотала его под подбородком. Ему не понравилось. Потом Джейд таким детским голосочком, каким она всегда разговаривает с Максом, зачирикала:

— И куда же это едет мой зайчик? Неужели на ярмарку?

— Точно.

— Будешь там торговаться, да, лапочка? — сюсюкала она. Намекала, что мы туда едем, потому что мы бедные. Мне хотелось сказать ей: «Нет, мы туда едем, чтобы забрать нашего Ван Гога ценой двадцать пять миллионов фунтов!», но я промолчал.

Само собой, на поле для регби нам нужно было не попасться на глаза маме. Это было проще простого, потому что поле освещали прожектора, от которых везде получались большие пятна густой тени.

Мы нашли машину сестер Селлвуд и увидели, что картина еще там. Все шло по плану. Так что было очень жалко, когда оказалось, что сестры Селлвуд хотят за свой портрет двадцать фунтов, а у нас в наличии только пятерка.

— Понимаете, для нас эта картина — трогательное воспоминание, — сказала Эдна. — Поэтому уступить мы не можем. Кроме того, я положила глаз на веджвудский сервиз* — вон там. Так что мне нужны деньги.

Минни начала кланчить:

— Мы бы дали вам пять фунтов в залог, а потом заплатили бы остальное...

— Я бы с удовольствием, Минни.

— Отлично!

— Но мы же не всегда можем делать то, что делали бы с удовольствием, правда? Если я соглашусь,

* «Веджвуд» — знаменитая фабрика по производству фарфора и фаянса, основанная еще в 1750 году. Фирменные цвета веджвудской посуды — белый и синий.

у меня не хватит денег на сервис — и вообще, на чем тогда будет держаться мир?

Тут Минни пришло в голову, что можно позвонить Тому и попросить его подвезти денег.

— Попроси твою маму, чтобы она тебя привезла, — сказала она. — Нам нужно срочно.

Том сказал, что будет мигом.

Мы болтались вокруг машин, стараясь не оказаться в поле зрения мамы. Машины были в основном универсалы и полноприводные, но была одна интересная старая машина под названием «моррис-тревеллер», на вид вся деревянная. Продавали лампы, посуду и автомобильные аккумуляторы. Одна женщина продавала платья — точные копии викторианских туалетов.

Потом мы увидели Тома.

— Слава всем сосискам! — сказала Минни.

Том бежал к нам по полю и махал руками с довольным видом. Только махал он не просто руками. В руке у него была какая-то кукла. Он показал ее нам. Это была фигурка Сплинтера — учителя Черепашек.

— Шестьдесят семь подвижных суставов! — Том так и сиял. — Я уже думал, ее не бывает! Я всю жизнь о ней мечтал!

Честно говоря, отличная была фигурка. У нее даже взгляд был по-сплинтерски задумчивый.

— Где ты ее нашел? — спросила Минни.

— Вон там. У дяденьки на «шкоде».

— Этого-то я и боялась. Почему?

— Семнадцать девяносто девять.

— И сколько у тебя осталось?

— Два фунта один пенни.

Нам не хотелось ничего ему объяснять. Он был так счастлив, что раздобыл своего пластмассового Сплинтера, что было бы просто свинством все портить.

Именно тогда на поле въехал «ягуар». Из него вышли Барри и Тон и огляделись.

— Последняя попытка, — сказала Минни.

Мы прокрались к капотам и засели совсем близко от машины сестер Селлвуд, чтобы следить за картиной. Барри и Тон чуть не прошли мимо, но тут Минни преградила им путь и сказала:

— Гоните деньги.

— Что?

— Нет денег — нет картины.

— Я не собираюсь вручать тебе двадцать пять штук при свете прожекторов и в толпе! — сказал Барри. — Что вы вообще тут делаете? Вы сказали, что будете дома.

— Извините. Нужно было приглядывать за малышом. — Она показала им Макса.

— Из-за вашей сестры нас чуть удар не хватил. Вот ведь мастерица визжать!

— Она много тренируется. Нам нужны деньги.

— Нет.

— Не все. Аванс. Знак доверия. Или никакой картины.

— Сколько?

Минни покосилась на машину. Картину еще не купили.

— Двадцать фунтов, — сказала она.

— Двадцать фунтов! — сказал Барри.

— Двадцать фунтов! — сказал Тон.

— Чего вы смеетесь? — спросил Том. — Мы это серьезно!

— Давайте-давайте, — сказал Тон. — Еще чего-нибудь? Пакетик арахису? Упаковку чипсов?

— Давайте деньги!

Барри вытащил из кармана большую пачку купюр и отсчитал нам две десятки. Минни схватила их и сказала:

— Ждите здесь.

— Мы кинулись к машине сестер Селлвуд. И как раз успели увидеть Лестера: он взял картину и унес.

Мы оба так и застыли. Мы знали, что Барри с Тонном смотрят на нас. И тогда я, не успев ничего подумать, крикнул Лестеру:

— Эй!

Он оглянулся, увидел нас и не стал на нас смотреть. Сделал нам полное «не вижу». Я вспомнил, сколько раз он был рад меня видеть, и пожалел, что этот раз — не такой.

Я посмотрел на машину мисс Селлвуд. Может быть, мы ошиблись. Может быть, это была другая картина. Нет, картины теперь точно не было. На ее месте виднелась мисс Эльза — она с очень усталым видом сидела на бампере.

— Хочу к маме, — сказала Минни. Как я уже говорил, из-за того, что она гений, как-то забываешь, что она всего-навсего маленькая девочка. — Где она? Где мама?

Она стала озиаться в поисках мамы. Я схватил ее за локоть.

— Маме и так тяжело, — сказал я. — Бежим!

И мы побежали за Лестером. Я знал, что будет ужасно неудобно. Я понимал, что ничего может не выйти. Но еще я понимал, что должен разобраться со всем этим и не впутать маму. Мы протолкались через

толпу. Лестер шел довольно медленно. Нести картину было тяжело.

А вот Барри и Тону ничего нести было не нужно. Они шли за нами по пятам и не спускали с нас глаз. Но не подходили слишком близко. Не знали, можно ли нам доверять. Пытаться оторваться от них было бессмысленно. Макс все время махал им и кричал: «Дяди! Пивет!»

Мы догнали Лестера у самой машины, и я сказал:
— Здравствуйте.

Он даже не обернулся.

Тогда я совершил самое трудное дело в своей жизни и сказал:

— Квентин.

Он обернулся. Я улыбнулся и глянул через плечо. Барри и Тон никуда не делись.

— Вы на гору едете? Не подвезете нас?

Лестер опешил.

Минни сказала:

— Пожалуйста.

Я сказал:

— Мы вернем вам «Подсолнухи».

Он по-прежнему молчал. Положил картину в багажник, открыл заднюю правую дверь и махнул нам, чтобы мы селись. И захлопнул дверь за нами — с крепким «тум», но по-прежнему молча. Конечно, если стащишь у кого-нибудь картину стоимостью двадцать пять миллионов фунтов, то отношения с ним немножко подпортятся. Зато кожаные сиденья были просто обалденные, а мы оказались в безопасности. Хотя и временно. Пока двигатель грелся, мы видели, что Барри и Тон глядят на нас вытаращенными глазами. Минни махнула им рукой. И зря, потому что

они на нас так и оскалились, а через две минуты мы получили эсэмэску: «нпгдт».

Мы были так рады очутиться в машине, что даже не заметили, что на переднем сиденье сидит мисс Станнард — сняв туфли.

— Добрый вечер, ребята, — сказала она. Она ела «Твикс». Нам не предложила. — Мы хотели прокатиться в Бала, но тут Квентину вдруг приспичило поискать на ярмарке все, что связано с «Черепашками-ниндзя».

И показала нам книгу, которую купил Лестер. Это был старый ежегодный каталог «Черепашек». Зачем он купил себе старый ежегодный каталог «Черепашек»? Лестер взял книгу у мисс Станнард и положил в удобное отделение для карт между передними сиденьями. По-прежнему молча. Хотя Макс теперь распевал во все горло: «Мы едем, едем, едем!» Обычно я ему подпеваю, но тут было неудобно, и он в конце концов тоже замолчал.

Минни здорово разошлась — она же считала, что избежала верной смерти. Она сказала:

— Значит, вам понравился портрет мисс Эльзы?

— Не особенно.

Мисс Станнард спросила:

— А разве это прелестное юное создание действительно мисс Эльза?

Минни сказала:

— Ее папа нарисовал портрет, когда она была еще маленькая.

— Ничего подобного, — сказал Лестер, продолжая глядеть на дорогу (A496). — Эта картина называется «Пленница-гречанка». Ее написала Генриетта Браун в 1863 году. Это была одна из самых популярных картин в нашей Галерее. Во время Второй мировой

войны, когда картины эвакуировали в эту каменоломню в первый раз, картина пропала. Вынужден сделать вывод, что картину по неизвестной причине украл кто-то из ныне покойных Селлвудов.

— А почему, собственно, ты делаешь такой вывод? — спросила мисс Станнард. — Почему не сделать вывод, что работники Галереи потеряли картину по халатности, а мистер Селлвуд сохранил ее для нашего народа?

— Ковабунга! — завопила Минни. — Дедуля Селлвуд был бандит! Он совершил совершенное преступление! Вот почему в Манодe самый низкий уровень преступности! Потому что мы совершаем преступления так, что нас потом не поймать!

— Меня ничуть не удивляет, что ложь и воровство — неотъемлемая часть местной культуры, — сказал Лестер.

— Спасибо тебе за это, Минни, — сказала мисс Станнард. — Большое тебе спасибо.

Минни посмотрела на гору и улыбнулась:

— Вот что надо было написать на табличке: «Манод. Добро пожаловать в страну бандитов!»

А я смотрел на картину и только и думал: это не мисс Селлвуд, и нарисовал ее не ее папа.

Когда мы вернулись в мастерскую, Лестер затормозил и сказал:

— Отлично. Полагаю, по условиям договора вы должны сейчас вернуть картину.

Минни сказала:

— Ладно. Вы готовы?..

Но я на нее шикнул.

— А что вы с ней сделаете? — спросил я.

— Я запрю ее в пещере со всеми остальными и никогда, никогда не совершу подобной оплошности — никому не позволю на нее смотреть. Показываешь людям шедевры, а они видят только деньги. Где картина?

— Мы хотим, чтобы вы сначала кое-что сделали, — сказал я.

— Что-то я не в настроении торговаться.

Я заставил Лестера отнести картину в дом. Там было довольно грустно. Все книги и почти вся одежда были в коробках, которые громоздились в передней.

Я сказал:

— Наверх.

У нас вдоль всей лестницы висели в рамках фотографии, которые мы привозили с каникул. Мама их сняла, и на стене остались такие маленькие белые прямоугольники.

Мы подошли к комнате Мари. Я постучался. Мари заорала:

— Проваливайте!

Я сказал:

— Мари, это Лестер. Он хочет кое-что тебе сказать. И попросил его рассказать Мари про картину.

— Ты имеешь в виду коллаж с фотографиями ребенка? Да, в Национальной галерее решили, что это арт-проект местной изостудии, и повесили его для всеобщего обозрения. Честно говоря, он привлек больше посетителей, чем Мелендес. Глупости, конечно, но уж как есть. Он имеет большой успех, хотя это всего-навсего фотографии вашего брата. Так я узнал, что...

— Мне наплевать! — заорала Мари.

Я сказал:

— Нет, не про ее картину. Про эту.

Лестер удивился.

Я закричал через дверь:

— Он тебе сейчас еще кое-что расскажет! Про картину сестер Селлвуд! Это не портрет мисс Эльзы!

В комнате настало долгое молчание.

Потом дверь приоткрылась, и оттуда высунулась Мари. Вид у нее был такой, словно она месяц проплакала. Глаза были все красные, а кожа шелушилась. Мари увидела картину и зарычала. Я подумал, что она ее сейчас пнет.

— Погоди-погоди, — сказал я. — Это не она. Это не мисс Эльза. Мисс Эльза тут ни при чем.

— А кто это?

Я посмотрел на Лестера. Он не смог с собой справиться. Даже когда он в бешенстве, то все равно сам не свой лекции читать. Он прокашлялся и сказал:

— Интересный вопрос. Натурщицу звали Мария Паскуа. В свое время она была очень знаменита. Как вы видите, она необыкновенно красива.

— Она даже не родственница Селлвудам?

— Ни в малейшей степени. Она родом из итальянской провинции Абруцци, из крестьянской семьи. Родители ее были очень бедны, и когда у них родилось это совершенное создание, они решили несколько обогатиться за счет дочери. Отец отвез ее в Рим. В то время было принято, чтобы обладатели интересных лиц приходили на Испанскую лестницу и ждали, не наймут ли их художники позировать. Там был один старик с роскошной седой бородой, который часто позировал для изображений Бога, и огромное количество молодых женщин, с которых писали Деву Марию, и так далее. Когда там объявилась эта девочка, все так и бросились ее писать.

— В виде кого?

— Да никого особенного. Как вы сами видите, она была просто очень красива. В тот год ее писали практически все художники. А когда разные студии стали устраивать свои ежегодные выставки, то на них оказались все портреты прелестной крестьянской девочки.

— И она прославилась?

— К сожалению, дело обстояло гораздо сложнее. Одна английская графиня была очарована ее личиком и хотела купить себе какой-нибудь портрет, но опоздала. И тогда она вместо портрета купила саму девочку.

Мы все сказали:

— Что?!

— Она позвала к себе отца Марии и пообещала дать девочке прекрасное образование и обеспечить счастливую жизнь, но только если отец больше никогда не увидит свою дочь. Семья была бедная. Не уверен, что отец Марии понял все, что ему говорила графиня, но так или иначе он согласился.

— И что с ней случилось? — спросила Мари.

— Она отправилась к графине, считая, что идет позировать на несколько часов, и больше никогда не видела ни родины, ни семьи.

Все мы смотрели на картину и думали, что когда ее писали, девочка не знала, что с ней произойдет. Даже Макс притих.

— А потом что случилось? — спросила Мари.

Лестер сказал:

— Думаю, ее отец писал ей довольно часто, но она не получала его писем. Она дожила до глубокой старости.

Мари спросила:

— А с лицом, с лицом у нее что случилось?

— А, — сказал Лестер, — Мария была прекрасна до самой смерти. Она вышла замуж, и у нее были дети, тоже очень красивые.

Мари посмотрела на него и сказала:

— Ах вот оно что! У нее были дети! Ну почему мне никто этого не сказал?! — И она обняла Лестера и поцеловала его. Потом она поцеловала Макса и поцеловала Минни. Она бы и меня поцеловала, если бы я не отбился. И побежала вниз, стрекоча, как сорока, — она всегда так стрекочет, — и сказала Лестеру:

— А вы знаете, я же целый месяц проторчала в комнате, а все из-за портрета, а теперь этот же портрет — он меня освободил! Спасибо, Лестер!

— Квентин.

— Спасибо, Квентин!

Было видно, что она понемногу снова становится счастливой. Она спросила Лестера, не выпьет ли он с нами чаю, но он ответил, что у него неотложное дело, и посмотрел на нас с Минни.

Минни сказала:

— Картина-то давно у вас. Мы положили ее за ту, другую. Она в той же раме. Не верите — пойдите проверьте.

Он пошел и проверил. И вынул из рамы «Подсолнухи» в тот самый момент, когда на пороге появилась мама. И все мы немного посидели перед картиной, как будто это был костер и мы у него грелись. Мама просидела дольше всех.

— От них такое ощущение, словно все остальное уже не важно, — сказала она.

Я проводил Лестера до машины. Он спросил:

— Зачем ты это сделал? Вы что, все спланировали с самого начала?

— Нет. Картины мне правда очень-очень нравились, хотя я ничего про них и не знал. Они всем нравились.

И тут я рассказал ему все про страховщиков, и как они сказали, что нужно платить больше из-за Галереи. И Лестер сказал:

— И всего-то?! Что же ты не рассказал мне сразу? Мне же выделили небольшую сумму для расчетов с местными службами. Не сомневаюсь, я смогу покрыть вам все дополнительные издержки на страховку. Я узнаю и все вам сообщу.

И он уехал, а я подумал: «Действительно, что же мы сразу-то не сообразили?»

Тут же подъехали сестры Селлвуд, и я открыл им ворота. Мисс Эдна была страшно довольна.

— Мы выручили сто фунтов! — сказала она. — Только представь себе!

А вот мисс Эльза сидела, как сломанная кукла.

— Она расстроилась, потому что думала, что это папа ее нарисовал. Я ей говорю, что ерунда все это, — какая разница, если все равно ничего не видишь? Эльза, я тут рассказываю Дилану, из-за какой ерунды ты огорчаешься.

Ночью на мобильник Мари пришло сообщение: «РТ и АБ все расск. Официально». У меня десять минут ушло на то, чтобы понять: это не зашифрованная угроза от Барри с Тоном, а просто сплетня про каких-то одноклассников Мари. Но я так перепугался, что не мог заснуть. Лежал и думал, и чем больше я думал, тем яснее мне становилось, что это я во всем виноват. Я был виноват во всем, начиная с «фиесты» мисс

Станнард. Это я рассказал про «мини» Барри и Тону. Это я выдал им папу. И даже кража. План придумала, конечно, Минни. Но ведь Минни — моя младшая сестренка. А я — ее старший брат. Старшие братья должны следить, чтобы их младшие сестренки не совершали тяжких преступлений, правда? Старшие братья должны присматривать за младшими сестренками. А кто должен присматривать за старшими братьями? Папы. А где мой папа?

— 10 — ИЮЛЯ

АВТОМОБИЛИ:

Такси

«ЯГУАР-ИКС-ДЖЕЙ 42 V8 СУВЕРЕН» (регистрация IN5UR3) — Барри и Тон

ПОГОДА: солнце

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Зебры невероятны, но не невозможны

Одна из причин, по которой я не верю в совершенные преступления, состоит в том, что планы всегда рушатся. Происходят всякие неожиданности — и все. Даже Винченцо Перуджиа в конце концов попался. Посмотрите на Минни. У нее был план «А». Потом ей пришлось переключиться на план «Б» — и он тоже провалился. И на меня тоже посмотрите. Я всю ночь сидел и думал: что мы будем делать, когда приедут Барри и Тон? Потом рано утром я услышал, как во

двор въезжает машина. Я понял, что это они. Мне стало плохо. Но я вылез из постели и спустился к парадной двери. Что я буду делать, я не знал. Просто понимал, что дверь должен открыть я, а не мама.

Я открыл дверь.

Это были не они. Это был не «ягуар». Это был «мондео» (предельная скорость 121 миль в час). Первое, что я увидел, — это зебру на переднем сиденье. Такую большую мягкую игрушку. Задняя дверь открылась, и оттуда вышел папа — расплатился с шофером, и такси укатило.

Дальше я ничего не хочу рассказывать. Папа особенно ничего не говорил. Он кивнул на зебру и сказал:

— Это Макс.

— Он еще спит.

— Не будем его будить.

И пока все не проснулись, мы немного погоняли мяч.

Пока мы завтракали вместе, Макс играл с зеброй. Он возил ее по полу, крича: «Брум-брум-брум!»

Папа спросил:

— Ну как вы тут без меня?

Я сказал:

— У нас было много проблем со страховкой, но я их уладил.

Мама посмотрела на меня. Я сказал, что потом ей все объясню.

— А еще мы с Мари теперь умеем делать замену масла.

Мама спросила:

— Какими судьбами тебя занесло домой?

— Я некоторое время работал в Гарлехе, потом решил уехать. Поехал взглянуть на Новую Плотину. Побывал в Лондоне. Услышал про картину в Национальной галерее — вроде бы из Манода. Пошел посмотреть, и она меня, можно сказать, убедила вернуться.

Может быть, вы не видели коллаж Мари. Я сам его тогда еще не видел. А с тех пор он висит у нас на стене. Все говорят, что в Национальной галерее он смотрелся еще лучше — там он был просто картиной. Как говорит папа: «Зачем им другие картины? На что еще захочется смотреть, если на стене висит такое?»

Коллаж состоит из тридцати пяти поляроидных портретов Макса. Они выложены рядами, будто слова на странице, и у всех в левом нижнем углу проставлены даты. По портрету каждый день — тридцать пять дней. Фотографии все одинаковые. Только на первой у Макса длинные младенческие кудряшки, про которые мы совершенно забыли. В начале он младенец. А в конце — маленький мальчик. Если отойти от картины, кажется, что все тридцать пять фотографий одинаковые. А если подойти поближе и посмотреть внимательно, видны различия. Как будто меняется лицо Времени.

Наверное, на папином месте и вы бы подумали, что картина показывает вам, чего вы лишились.

В общем коллаж имел успех. Особенно среди нас.

Сразу после завтрака мы стали распаковывать коробки. Потому что теперь мы не собирались уезжать из Манода. Я был с папой во дворе, когда подъехал «ягуар» и из него вылезли Барри и Тон.

— Чем могу служить? — спросил папа. Я подумал: мой папа — бандит. Он был в бегах, а теперь дома. Что они с ним сделают?

Они рассказали, что у нас неприятности и что у них на руках фотография его детей с ценной пропавшей картиной. Они показали папе фотографию. Папа расхохотался, ушел в дом и вернулся с «Подсолнухами». С нашей раскраской. И показал Барри и Тону.

— «Раскраска по номерам», — сказал он. — На ярмарке морских скаутов в Бала такие дают за трешку. Сдается мне, джентльмены, вас одурачили.

Вид у Барри и Тона стал смущенный.

Тон посмотрел на меня и сказал:

— Они взяли у нас двадцать фунтов.

Папа удивился:

— Это на них не похоже.

Барри сказал:

— Ладно, это не важно. Мы приехали поговорить о «мини-купере».

— Я вас слушаю, — сказал папа.

Ну вот. Сейчас они его арестуют за махинации со страховкой.

— Его угнали, потом он нашелся...

— Повезло, — сказал папа.

— Повреждения?

— Вроде бы нет, — сказал папа. — Думаю продать его на интернет-аукционе.

— Не надо, — сказал Тон.

Папа посмотрел на него.

— Почему, собственно?

— Барри хочет его купить, — сказал Тон.

— Всегда мечтал о таком, — сказал Барри. — С тех самых пор, как посмотрел «Ограбление по-итальянски».

— Хорошо, — сказал папа. — Отлично. Просто замечательно.

Это действительно было просто замечательно. Лучшее всего на свете. Папа сказал, что в Интернете за такие дают пять штук. Барри сказал, что для него это дорого, зато он готов прямо сейчас заплатить наличными, если они сойдутся в цене, и они говорили о цене целую вечность, а Барри все это время ходил кругами вокруг машины и глядел на колеса.

— С пассажирской стороны крыши немного истерлись изнутри, — сказал он. — Вдруг придется настраивать развал-схождение?

Папа открыл водительскую дверь, и тут Барри увидел, что на рукоятке указателя поворота загорается маленькая лампочка.

— Оригинальные аксессуары! — сказал Барри. — Покупаю.

И купил. Вручил папе штуковину вроде четырехэтажного сэндвича, но сделанную из денег. Потом он сказал:

— Погодите.

И взял из пачки двадцатифунтовую купюру.

— Ваши детишки брали у меня двадцатку, так что это я забираю.

Потом Барри запрыгнул в «мини-купер» и завел двигатель. Первым делом он включил все индикаторы и захихикал, глядя на них. А потом они уехали. Я стоял на ограде и смотрел, как две машины мчатся по дороге на Блейно (B5565). Иногда указатель поворота на «мини» невпопад показывал то лево, то право, но машина ехала себе, пока не скрылась из виду.

— Надеюсь, они застрахованы, — сказал папа и усмехнулся. А потом помахал толстенной пачкой

денег и сказал: — Теперь у нас есть небольшой капитал, на который можно открыть свой бизнес.

Так мы и сделали. И очень скоро у нас все наладилось. Потому что мой папа здорово умеет чинить, исправлять и налаживать.

– 22 – АВГУСТА

МЕНЮ:

БАТАЛЬНОЕ ПОЛОТНО: две сосиски, бекон, яичница, кровяная колбаса, помидоры, гренки

НАТЮРМОРТ (для вегетарианцев): помидоры, фасоль, яичница, грибы, гренки

ЭСКИЗ: гренки с колбасой или беконом, кофе

КОЛЛАЖ: любые пять наименований, кофе

Баранина по-валлийски в горшочке с ячневой кашей

Гренки с сыром по-валлийски

Большой выбор кофе и пирожных

На вынос: мисс Станнард (два «Твикса» и «ФТ»)

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ: Ячневую кашу никто не любит

Теперь мы не просто «Сноудонский Авто-Чудо-Оазис и Копировальный центр». Теперь мы еще и кафе, главная манодская достопримечательность. Минни хотела, чтобы мы назывались «Бандитская берлога», но мы большинством голосов отклонили ее предложение. Мы называемся кафе «Шедевр». Бензиновый журнал мы ведем по-прежнему, но теперь за него отвечает мама. Я в основном занимаюсь меню. Меню ланча меняется каждый день. Я записываю его в бензиновом журнале и делаю примечания. Например, яч-

невую кашу никто не любит. Поэтому все брали гренки по-валлийски. А это осложнило нам жизнь, потому что каждый гренок нужно было поджаривать отдельно, а жаркое можно сделать сразу на всех в большой латке.

Я помню, что пришлось делать двадцать порций гренок, потому что в этот день картины возвращались в Национальную галерею. Все микроавтобусы выстроились за воротами, и все водители зашли к нам перекусить. Даже Лестер пришел и заказал себе яйца-пашот с гренками. А говорил, яиц не ест!

Мы наконец разгадали тайну, почему Микеланджело не несется. Это мальчик. Петушок. И разгадали тайну, почему Донателло перестала нестись. У нее вывелись шесть маленьких белых цыплят. Мы показали их Лестеру и попросили их назвать. Он сказал:

— Может быть, Сплинтер, Эйприл, Шреддер и... простите, больше мне не придумать.

Я сказал:

— Хорошо. Сплинтер, Эйприл, Шреддер, Ренуар, Моне и Массис.

Вечером мы прогулялись на вершину, погреться на солнышке. Ограду из колючей проволоки убрали. Один из Технодромов остался, но теперь там было пусто. Можно было зайти прямо в каменоломню. Мы дошли до большой галереи и включили свет. Там... ну в общем там было пусто — огромный пустой зал, где раньше были картины.

По дороге обратно я остановился и показал маме картинки, нарисованные на валуне. Она посмотрела на двух женщин и сказала:

— Ну ничего себе! Знаешь, кто это?

И отскребла мох над картинкой — и точно, прямо на вершине валуна кто-то написал два имени.

Тогда папа съездил за мисс Эльзой и мисс Эдной, и привез их к валуну, и показал им надпись.

«Эльза и Эдна, — было там написано. — Глаз не отвести».

Рисунки были процарапаны в камне, поэтому Эльза могла их пощупать, а ведь с картиной у нее бы так не получилось. Эдна положила Эльзины пальцы на бороздки и провела по всему рисунку. Лицо у Эльзы расплылось в улыбке. Ведь это был ее портрет — в те давние времена, когда она была хорошенькая, — и нарисовал его, наверное, ее папа, который холодным днем, когда нужно было колоть сланец, думал о своих девочках. И этот миг застыл здесь навсегда — и уже никогда никуда не денется.

Если вам когда-нибудь захочется попробовать тартинки «Тинторетто» в кафе «Шедевр», найти нас проще простого. Доезжаете до таблички «Манод» на А496 и едете, пока дорога не кончится. Многие так и делают. Посетителей у нас так много, что папа сделал пристройку. Она называется «Галерея». Там на стене висит коллаж Мари. И одна из панелей с Элвисом — та, где «Тюремный рок». И наша раскраска «Подсолнухи». И великолепный вид на гору.

КАРТИНЫ

(Не)совершенное преступление

«Мона Лиза», 1503–1506, Леонардо да Винчи (1452–1519)

Мадонна — только не та

«Манчестерская Мадонна», ок. 1497, Микеланджело (1475–1564)

Та, где орехи и пицца

«Натюрморт с апельсинами и орехами», 1772, Луис Мелендес (1716–1780)

Та, от которой становится приятно

«Гротесковая старуха», ок. 1525—1530, Квентин Массис (1465–1530)

Праздник на палочках

«Зонтики», ок. 1881–1886, Пьер-Огюст Ренуар (1841–1919)

Не Святой Грааль

«Диптих Уилтона», 1395–1399, неизвестный художник

Самая хорошенькая девочка на свете

«Пленница-гречанка», 1863, Генриетта Браун (1829–1901)

Время — тот же мутаген

«Портрет четы Арнольфини», 1434, Ян Ван Эйк (работал с 1422, ум. в 1441)

Та, из-за которой мистер Дэвис распилил Элвиса электропилой

«Купание в „лягушатнике“», 1869, Клод Моне (1840–1926)

Другая точка зрения

«Послы», 1533, Ганс Гольбейн Младший (1497/8–1543)

Та, которая (едва не) пропала

«Подсолнухи», 1888, Винсент Ван Гог (1853–1890)

Почти все эти картины можно посмотреть в Национальной галерее (Лондон, Трафальгарская площадь) или на сайте [www. nationalgallery. org. uk](http://www.nationalgallery.org.uk)

БЛАГОДАРНОСТИ

Во время Второй мировой войны картины из Национальной галереи действительно вывозили в каменоломню близ Манода. Своими знаниями об этой истории исключительно щедро поделились Джессика Коллинз из Национальной галереи и Дафид Джонс из Сиоп-Лифрау'р-Хен-Боста, что в Блейно-Фестиниоге. Оживленный живописный городок Блейно-Фестиниог не имеет ничего общего с Манодом, который я выдумал. История Марии Паскуа — тоже правда, о ней можно прочитать в трогательной биографической книге, которую написала ее дочь Магдален Гоффин. Футболист по имени Лютер Блиссет действительно существует, а вот история о том, как его купили по ошибке, — легенда. Про печенку тоже неправда, это придумал Дэнни. А вот что в Гамби есть отличная школа — это правда. Она называется школа Святого Мартина (www.guardian.co.uk/getinvolved). Про автомобили и про валлийский язык я не знаю ровным счетом ничего. Про автомобили я спрашивал у Йена Миллара, а про валлийский — у Марка Эванса. Вместе со мной по каменоломне и Галерее ходили Бенедикт, Габриэлла и Киара. А вдохновили меня дети из начальной католической школы Святого Реймонда в Нетертоне.

А редактором у меня была абсолютно потрясная и обалденная Сара Дудман.

Но прежде всего я хотел бы поблагодарить моих родителей. Я познакомился с чудом искусства, держась за их руки в Галерее искусств Уокера в Ливерпуле, а продолжил это знакомство, когда папа готовился к экзаменам в Открытом Университете и изучал Возрождение — у экрана телевизора, рано-рано утром.

Ф. К. Б.

Бойс Ф. К.

Б77 Идеальное преступление : Роман / Пер. с англ. А. Бродоцкой. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2009. — 288 с. — (LIVEJOURNAL).

ISBN 978-5-395-00245-7

Фрэнк Коттрелл Бойс, лауреат престижных премий, предлагает обычной семье свой весьма хитроумный способ справиться с финансовым кризисом.

Дилан Хьюз живет в крошечном городке Маноде. Он помогает папе в авторемонтной мастерской, любит футбол и прекрасно разбирается в автомобилях. У Дилана есть старшая сестра Мари, настоящая красавица, и младшая сестра Мини, настоящий криминальный талант, и самый младший братик Макс, который пока еще ничего особенного не умеет, даже играть в футбол. Живется семейству Хьюз туговато, к тому же страховая компания грозит закрыть мастерскую.

Но в один прекрасный день в город перевозят картины из Лондонской Национальной галереи. Дети стараются не думать о том, что эти шедевры поистине бесценны, впрочем, искушение решить семейные проблемы слишком велико...

УДК 82-93
ББК 84(4Вл)

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

СЕРИЯ LIVEJOURNAL

Фрэнк Коттрелл Бойс

ИДЕАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Руководитель проекта *Евгения Тихонова*

Ответственный редактор *Ольга Миклухо-Маклай*

Редактор *Андрей Ефремов*

Художественный редактор *Сергей Еременко*

Технический редактор *Елена Антонова*

Корректор *Екатерина Гайдель*

Директор издательства *Максим Крютченко*

Подписано в печать 25.10.2008.

Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Гарнитура «OfficinaSerifC». Усл. печ. л. 15,12.

Тираж 10 000 экз. Изд. № 245. Заказ № 12088.

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.006894.07.08 от 04.07.2008

Издательский Дом «Азбука-классика».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии CtP

в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

WITHDRAWN FROM FREE USE IN CITY CULTURAL AND
WELFARE INSTITUTIONS MAY BE SOLD FOR THE
BENEFIT OF THE BROOKLYN PUBLIC LIBRARY ONLY ↘

RUS FIC COTTRELL BOYCE
Cottrell Boyce, Frank
Idealnoe prestuplenie
ocn317058925

3 4444 85111 0932

Фрэнк К. Бойс —
 писатель
 и сценарист, лауреат
 престижной премии
 Carnegie-Medal
 за книгу «Миллионы»,
 послужившую
 основой для
 одноименного
 фильма (2004).

Фрэнк Коттрелл Бойс, лауреат
 престижных премий, предлагает
 обычной семье весьма
 хитроумный способ справиться
 с финансовым кризисом.

Дилан Хьюз живет в крошечном
 городке Маноде. Он помогает папе
 в авторемонтной мастерской,
 любит футбол и прекрасно
 разбирается в автомобилях.

У Дилана есть старшая сестра
 Мари, настоящая красавица, и
 младшая сестра Мини, настоящий
 криминальный талант, и самый
 младший братик Макс, который
 пока еще ничего особенного
 не умеет, даже играть в футбол.

Живется семейству Хьюз туговато,
 к тому же страховая компания
 грозит закрыть мастерскую.

Но в один прекрасный день
 в город перевозят картины
 из Лондонской Национальной
 галереи. Дети стараются
 не думать о том, что эти шедевры
 поистине бесценны, впрочем,
 искушение решить семейные

air_podrosta/

Please return to Brooklyn Public Library

To find your nearest library, visit
www.brooklynpubliclibrary.org
 or call 718.230.2100.

1241 LB (08/24/06)

ISBN 978-5-395-00245-7

9 785395 002457

www.azbooka.ru

LIVEJOURNAL

<http://community.livejournal.com>